

Министерство Просвещения России
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина»

На правах рукописи

Мельникова Галина Тимофеевна

**ПОВЕСТИ Н.Ф. ПАВЛОВА 1830-Х ГОДОВ В ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Ильченко Наталья Михайловна

Нижний Новгород – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Повести Н.Ф. Павлова в историко-литературном процессе 30-х годов XIX века	19
1.1. Романтическая повесть как «форма времени»	19
1.2. Повести Н.Ф. Павлова в оценке критики.....	32
ГЛАВА II. Повести Н.Ф. Павлова в контексте «языка» русской культуры...55	
2.1. Художественное воплощение русского дворянского быта, традиций и нравов в светских повестях Н.Ф. Павлова.....	55
2.2. Повести Н.Ф. Павлова в формировании национальной картины мира: мифопоэтический аспект.....	91
ГЛАВА III. Диалог с Н.Ф. Павловым в творчестве русских писателей XIX века	126
3.1. Особенности психологического анализа в повестях Н. Ф. Павлова и их соотнесение с сюжетными ситуациями и образами произведений М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского	126
3.2. «Павловский текст» в рассказах А.П. Чехова «Анна на шее» и Л.Н. Толстого «После бала»	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	170
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	176

ВВЕДЕНИЕ

Изменения, происходящие в политической, экономической жизни человека XXI века, стремительное развитие технологий закономерно влечет изменение в духовной сфере, однако они не отменяют культуру прошлого и традицию. Культура, являясь системой сохранения памяти о нравственной, духовной, интеллектуальной жизни общества, тесно связана с традицией, которая выступает «механизмом социокультурного наследования»¹. Она обеспечивает преемственность и культурное единство нации. Понимание глубинной культурной и исторической связи поколений играет решающую роль в формировании национального самосознания.

Классическая русская литература представляет собой «золотой фонд» культуры. Романтическая художественная система определяла развитие отечественной культуры в течение первой трети XIX века и потом еще продолжительное время проявлялась в творчестве писателей последующих поколений. По мнению многих исследователей (Ю.В. Манн², Е.А. Маймин³, Е.Е. Дмитриева⁴, В.Ю. Троицкий⁵, В.И. Сахаров⁶, Ф.З. Канунова⁷, И.А. Айзикова⁸ и др.), с романтизмом связано открытие национальной истории,

¹Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 2003. С.76.

² Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.; Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.

³ Маймин Е.А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / Е.А. Маймин; под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подготовка текста писем и комментарии Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков, 2015. 904 с.

⁴ Дмитриева Е.Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. М.: О.Г.И., 2008. 524 с.

⁵ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века. М.: Наука, 1985. 279 с.

⁶ Сахаров В.И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили: Очерки. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 255 с.; Сахаров В.И. Страницы русского романтизма: Кн. ст. / Всеволод Сахаров. М.: Сов. Россия, 1988. 350 с.

⁷ Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. 302 с.; Канунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести: (А.А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20-30-х годов XIX в.): Изд-во Том. ун-та, 1973. 307 с.

⁸ Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. 302 с.

литературы, культуры. Именно в романтической повести произошло возвращение к национальной духовности, что проявилось в опоре на фольклорно-мифологическую основу, в обращении к христианской религии.

Актуальность работы заключается в том, что в творчестве Н.Ф. Павлова проявились себя многие тенденции развития русской прозы. Он работал в разных литературных жанрах, но наибольший успех и популярность получил благодаря светским повестям, написанным в 30-е годы XIX века.

Актуальность работы определяется значимостью повестей Н.Ф. Павлова, той ролью, какую они играли в историко-литературном процессе в 30-е годы XIX века и как его открытия проявились в творчестве писателей последующих поколений. Интерес к судьбе и творчеству писателя обусловлен необходимостью включения его наследия в контекст истории русской литературы. Поскольку романтизм был «целою эпохой морального развития» (Ап. Григорьев), то повести Н.Ф. Павлова значимы и с точки зрения сохранения культурного опыта.

Выбор темы обусловлен отсутствием исследований, содержащих комплексный анализ прозаического наследия Н.Ф. Павлова в историко-культурном контексте, также требует уточнения определение роли творчества Н.Ф. Павлова в историко-литературном процессе XIX века.

Развитие литературы связано, по словам В.Г. Белинского, не только с «именами гениальными», но и с «обыкновенными талантами»⁹. Одним из таких писателей был Николай Филиппович Павлов (1804 – 1864). Он – писатель необычной судьбы: незаконнорожденный сын помещика, получивший университетское образование и ставший одним из самых популярных писателей 30-х годов XIX века. Его талант высоко ценили А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, В.Г. Белинский, С.П. Шевырев, Н.Г. Чернышевский, Ап. Григорьев и другие. Критика XIX века отзывалась о Н.Ф.

⁹ Белинский В.Г. Вступление к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова, Санкт-Петербург, 1845 // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953 – 1959. Т. VIII. С. 379.

Павлове как человеке, «одаренном блестящим и разносторонним талантом»¹⁰. В.Г. Белинский, давая оценку его творчества, отмечал его «блестящее беллетристическое дарование»¹¹. Исследователи конца XX века называют Н.Ф. Павлова «даровитым представителем русского романтизма»¹²; говорят о нем как о писателе «разностороннем и сложном», чье творчество отмечено «своими неповторимыми образами»¹³.

Незаконнорожденный сын помещика, он вошел в высшее московское общество, а его дом был в 1840-е годы одним из центров культурной жизни Москвы. Современному читателю творчество Н.Ф. Павлова практически не известно, однако его произведения, несомненно, имеют высокую художественную и культурную ценность, отмеченную многими критиками и литературоведами как XIX века (С. Шевырев¹⁴, А. Краевский¹⁵, В.Г. Белинский¹⁶ и др.), так и XX – начала XXI веков (А.Г. Цейтлин¹⁷, Н.А. Трифонов¹⁸, Л.М. Крупчанов¹⁹, Н.М. Ильченко²⁰, Ю.Е. Пушкарева²¹ и др.)

¹⁰ Пономарев С.И. Материалы для истории русской литературы. Николай Филиппович Павлов (1805 – 1864). СПб: 1889. С.1.

¹¹ Белинский В.Г. Письмо В. П. Боткину. СПб 17 февраля 1847 // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. XII. С. 333.

¹² Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 175.

¹³ Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 16.

¹⁴ Шевырев С.П. Три повести Н. Павлова // Московский наблюдатель, 1935. № 3. Ч. I. С. 120 – 130.

¹⁵ Краевский А. Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион // Отечественные записки, 1839. Т.6. № 11. С. 107.

¹⁶ Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 259 – 307.

¹⁷ Цейтлин А.Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета). М., 1923. 63 с.

¹⁸ Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов // Павлов Н.Ф. Повести и стихи. М.: Художественная литература, 1957. С. 3–22; Трифонов Н.А. Повести Н.Ф. Павлова // Ученые записки кафедры русской литературы МГПИ. Вып. 2. 1939. С. 126 – 129; Трифонов Н.А. Первый переводчик Бальзака в России // Филологические науки, 1960. № 2. С. 99 – 112.

¹⁹ Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 3 – 16.

²⁰ Ильченко Н.М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. 154 с.

²¹ Пушкарева Ю.Е. Итальянский текст в прозе Н.Ф. Павлова (на материале «Трех повестей» и «Новых повестей») // Вестник ТГПУ, 2019, № 6 (203). С. 63–70. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-6-63-70.

Н.Ф. Павлов начал литературную деятельность как переводчик. Благодаря ему русские читатели впервые познакомились с творчеством О. де Бальзака, когда в 1831 году в журнале «Телескоп» были опубликованы его переводы повестей «Вендетта» под названием «Мщение» и «Бал в местечке Со, или Пэр Франции» под названием «Невеста-аристократка»²². Также известны его переводы произведений Эжена Сю, Ф. Шиллера, У. Шекспира, Д. Байрона. На протяжении творческой деятельности Н.Ф. Павлов выступал как поэт в различных жанрах, драматург, критик, публицист. Но наибольшую известность среди читателей и признание критиков он получил как автор двух сборников повестей – «Три повести» (1835) и «Новые повести» (1839). Справедливыми являются слова Л.М. Крупчанова, сказанными в адрес первого сборника автора, и которые по праву можно отнести ко всей его прозе: она является «лучшей частью» его литературного наследия²³.

Сборник «Три повести» был напечатан в Москве в типографии Н. Степанова. Годом ранее в журнале «Телескоп» (1834, № 9) вышла одна из повестей - «Аукцион». «Три повести» «были встречены читателями с восторгом, принесли автору громкую и вполне заслуженную славу»²⁴. Критики отнеслись не менее благосклонно, увидев в них новую тенденцию развития литературы – реалистическую направленность. Сборник высоко оценили В.Г. Белинский, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. В этом же году в журнале «Московский наблюдатель» (1835, ч. 1) Н.Ф. Павлов публикует повесть «Маскарад», которая позднее войдет в его второй сборник. Несмотря на то, что «Новые повести» были встречены не так восторженно, исследователи отмечают, что и здесь Н.Ф. Павлов «оставался верен своим

²² Павлов Н.Ф. Мщение. Эпизод из летописей современной жизни / Перевод повести Бальзака «Вендетта» // Телескоп, 1831. Ч. II. № 5. С. 75 — 86, №6. С. 168 — 233, № 8. С. 474 — 510; Павлов Н.Ф. Невеста-аристократка /Перевод повести Бальзака «Загородный бал» // Телескоп, 1831. Ч. V. № 17. С. 13 — 43, № 18. С. 175 — 210, № 19. С. 329 — 369.

²³ Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 9.

²⁴ Там же.

прежним художественным принципам и взглядам на современное ему общество как на больное»²⁵.

Несомненную ценность произведения Н.Ф. Павлова имеют с точки зрения правдивого отражения современной писателю действительности, реалий общественной и частной жизни русского дворянства, его быта и нравов. На это указывал В.Г. Белинский, сказавший о повестях первого сборника Н.Ф. Павлова: «Это точно списано с природы»²⁶.

Первый сборник Н.Ф. Павлова «Три повести» был отмечен многочисленными позитивными отзывами современников. Положительные рецензии оставили С.П. Шевырев²⁷, В.Г. Белинский²⁸, А.С. Пушкин²⁹, Ф.И. Тютчев³⁰, Н.В. Гоголь³¹, популярный журнал «Молва»³², которые отметили правдивость, необычно острую тематику произведений. Второй сборник «Новые повести» не привлек такого пристального внимания. Однако авторы статей, опубликованных в журналах «Отечественные записки»³³, «Современник»³⁴, «Литературное прибавление к Русскому Инвалиду»³⁵, дали ему положительную оценку.

На социальную проблематику и психологизм прозы Н.Ф. Павлова обращали внимание в своих статьях конца XIX – начала XX века М.

²⁵ Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 11.

²⁶ Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 280.

²⁷ Шевырев С.П. Три повести Н. Павлова // Московский наблюдатель, 1935. № 3. Ч. I. С. 120.

²⁸ Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 280. С. 283.

²⁹ Пушкин А.С. «Три повести» Н. Павлова // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 7. Критика и публицистика. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 221.

³⁰ Русский архив. № 5. 1879. С. 122 - 123.

³¹ Гоголь Н.В. О Современнике (письмо к П. А. Плетневу) // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский. Т. 8. Статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 425.

³² Три Повести. Николая Павлова. М. в тип. Н. Степанова. 1835. (8). 412 // Молва. 1835. № 4. Стб. 55 – 58.

³³ Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион // Отечественные записки, 1839. Т.6. № 11. С. 105 - 118.

³⁴ Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион. В 8, 116 стр. // Современник. 1840. Т. 17. С. 61 - 63.

³⁵ Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1839. Т. I. С. 469.

Сухомлинов³⁶, Н. Гербель³⁷, С.И. Пономарев³⁸, П.Н. Сакулин³⁹, Н. Степанов⁴⁰. Работа Ю. Гранина «Н.Ф. Павлов»⁴¹ 1941 года стала наиболее подробным на тот момент исследованием творчества автора.

Большой вклад в изучение жизненного и творческого пути Н.Ф. Павлова, его роли в литературном процессе 30-х годов XIX века, определению особенностей его художественного метода внесли исследователи второй половины XX века: Н.А. Трифонов⁴², Л.М. Крупчанов⁴³, В.Ю. Троицкий⁴⁴, В.И. Сахаров⁴⁵. В 1970 году вышла монография В.П. Вильчинского «Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество»⁴⁶, которая остается самой объемной до сегодняшнего времени. Творчеству Н.Ф. Павлова были посвящены диссертационные исследования

³⁶ Сухомлинов, М.И. Эпизод из литературы тридцатых годов: (Три повести Павлова) // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1, № 1. С. 55 - 65.

³⁷ Гербель Н.В. Н.Ф. Павлов // Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб: 1880. С. 360 - 363.

³⁸ Пономарев С.И. Материалы для истории русской литературы. Николай Филиппович Павлов (1805 – 1864). СПб: 1889. 19 с.

³⁹ Сакулин П. Крепостная интеллигенция // Великая Реформа. Т. 3. М., 1911. С. 66-104; Сакулин П.Н. Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 2: Новая литература. М.: Гос. акад. художественных наук, 1929. 639 с.

⁴⁰ Степанов Н. Запрещенная книга («Три повести» Н.Ф. Павлова) // Степанов Н. Поэты и прозаики. М.: «Художественная литература», 1966. С. 160 - 179.

⁴¹ Гранин Ю. Н.Ф. Павлов // Очерки по истории русской литературы первой половины XIX в. Вып. 1. Баку : НКП Азерб. ССР, 1941. С. 94 - 148.

⁴² Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов // Павлов Н.Ф. Повести и стихи. М.: Художественная литература, 1957. С. 3–22; Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов // Павлов Н.Ф. Избранное: повести. Стихотворения. Статьи. М.: Художественная литература, 1988. С. 3 – 28; Трифонов Н.А. Павлов Н.Ф. // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия», 1981. 746 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/lre-abc/lre/lre-3613.htm> (дата обращения 16.01.2022); Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов и его «Три повести» // Павлов Н.Ф. Три повести. М.: Гослитиздат, 1958. С. 5 - 8; Трифонов Н.А. Повести Н.Ф. Павлова // Ученые записки кафедры русской литературы МГПИ. Вып. 2. 1939. С. 126 – 129; Трифонов Н.А. Первый переводчик Бальзака в России // Филологические науки, 1960. № 2. С. 99 – 112.

⁴³ Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 3 – 16.

⁴⁴ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века. М.: Наука, 1985. 279 с.

⁴⁵ Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. 295 с.

⁴⁶ Вильчинский В.П. Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1970. 182 с.

Н.М. Зудиной⁴⁷, Е.А. Ломовой⁴⁸, М.Ф. Максимовой⁴⁹.

В современном литературоведении начала XXI века работ, посвященных изучению наследия Н.Ф. Павлова, мало. К особенностям речевых характеристик героев в повестях Н.Ф. Павлова обращалась И.С. Юхнова⁵⁰. Творчество автора исследуется в нескольких статьях Т.Н. Пашаевой. В них акцент сделан на психологизме повестей и присущим им признакам жанра новеллы⁵¹; на социальной обусловленности и зависимости психологических характеристик героев⁵². Некоторые аспекты поэтики павловских произведений рассматриваются в научных статьях разных лет Н.М. Ильченко⁵³, а также в монографии «Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти»⁵⁴. Ю.Е. Пушкарева одну из глав своей диссертации посвятила исследованию мотивов и образов, связанных с итальянской культурой, встречающихся в повестях Н.Ф. Павлова.⁵⁵

Романтические повести Н.Ф. Павлова 30-х годов XIX века, сыгравшие важную роль в историко-литературном процессе тех лет, содержат ценный

⁴⁷ Зудина Н.М. Н.Ф. Павлов в историко-литературном процессе 30-60-х годов XIX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 1988. 209 с.

⁴⁸ Ломова Е.А. Структура и типология повествовательных форм в романтической прозе 20 – 30-х годов XIX века: на материале повестей В. Одоевского, О. Сомова, М. Погодина и Н. Павлова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. Алма-Ата, 1989. 214 с.

⁴⁹ Максимова М.Ф. Литературная позиция Н.Ф. Павлова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 1995. 211 с.

⁵⁰ Юхнова И.С. Принципы речевого портретирования в повести Н.Ф. Павлова «Ятаган» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Вып. 1 (7). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 78 - 82.

⁵¹ Пашаева Т.Н. Жанровые особенности повестей Н.Ф. Павлова // Вестник Дагестанского государственного университета. 2009. Вып. 3. С. 11 - 20.

⁵² Пашаева Т.Н. Три повести Н. Ф. Павлова. Традиции и новаторство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 189 - 193.

⁵³ Ильченко Н.М. Цветочная и растительная символика в творчестве немецких и русских романтиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова 2012, выпуск 18. С. 92 - 10; Ильченко Н.М. Поэтика образа танца в светской романтической повести // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014, № 2 (2). С. 175 – 178; Ильченко Н.М., Пепеляева С.В. Детскость как свойство мировоззрения русских романтиков // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. 2015. № 2 (часть 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20570> (дата обращения: 23.05.2021) и другие.

⁵⁴ Ильченко Н.М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. 154 с.

⁵⁵ Пушкарева Ю.Е. Итальянский текст в творческом наследии Любомудров: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. Томск., 2020. 356 с.

материал для понимания национальных культурных особенностей России первой половины XIX века.

Объектом исследования стали повести Н.Ф. Павлова 1830-х годов.

Предметом исследования являются особенности отражения в художественном мире Н.Ф. Павлова общественных и социальных реалий России 30-х годов XIX века; быта, нравов и культурных традиций русского дворянства первой половины XIX века; поэтика прозаических произведений Н.Ф. Павлова.

Материалом исследования послужили повести Н.Ф. Павлова, вошедшие в два его сборника: «Три повести» (1835) («Именины», «Ятаган», «Аукцион») и «Новые повести» (1839) («Маскарад», «Демон», «Миллион»), а также произведения А.С. Пушкина («Евгений Онегин» (1830), «Станционный смотритель» (1830)), М.Ю. Лермонтова («Маскарад» (1835), «Княгиня Лиговская» (1836), «Герой нашего времени» (1838 – 1840)), В.А. Соллогуба («Большой свет» (1840)), А.А. Бестужева-Марлинского («Испытание» (1830)), М.Н. Загоскина («Два московских бала в 1801 году» (1848)), В.Ф. Одоевского («Русские ночи» (1843)), Е.П. Ростопчиной («Поединок» (1838)), Н.И. Греча («Московские письма» (1838)), Н.В. Гоголя («Шинель» (1842)), Ф.М. Достоевского, («Бедные люди» (1846)), Н.С. Лескова («Жемчужное ожерелье» (1885)), Л.Н. Толстого («После бала» (1903)), А.П. Чехова («Анна на шее» (1895)), непосредственно рассмотренные в контексте историко-литературного и культурного процесса XIX века.

Цель работы – анализ повестей Н.Ф. Павлова в контексте историко-культурного и литературного процесса XIX века.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**:

- 1) выявить специфику жанра романтической светской повести Н.Ф. Павлова;
- 2) раскрыть идейно-художественное своеобразие повестей Н.Ф. Павлова во взаимосвязи с литературными и культурными традициями;

3) определить основные темы, мотивы и образы повестей Н.Ф. Павлова, рассмотреть отличительные черты поэтики его прозы и показать ее новаторство;

4) охарактеризовать культурно-исторический контекст творчества Н.Ф. Павлова и писателей-современников;

5) проанализировать «диалог» Н.Ф. Павлова с писателями-современниками;

6) провести анализ типологических параллелей между художественным миром Н.Ф. Павлова и писателей конца XIX – начала XX века.

Научная новизна работы определяется тем, что творческое наследие Н.Ф. Павлова остается недостаточно изученным в отечественном литературоведении. Впервые предпринят комплексный анализ повестей Н.Ф. Павлова в расширенном историко-культурном и литературном контексте, позволивший наглядно представить достижения писателя, определить его место и роль в развитии жанра светской повести; исследуются малоизученные типологические связи; выявляются особенности проблематики и поэтики повестей Н.Ф. Павлова и их художественное осмысление в произведениях М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Т. Толстого.

Исходя из цели и поставленных задач в диссертации применены следующие **методы исследования**: культурно-исторический, биографический, мифопоэтический, сравнительно-исторический, типологический.

Теоретической и методологической базой исследования послужили:

- общетеоретические исследования по истории русской литературы XIX века С.П. Белокуровой, А.А. Бобрикова, В.В. Голубкова, В.И. Коровина, Ю.В. Лебедева, К.Д. Муратовой, А.С. Немзера, А.А. Суркова, В.Н. Топорова, Е.Г. Чернышевой и др.;

- исследования по проблемам поэтики и стилового развития русской литературы М.М. Бахтина, А.В. Веселовского, В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, А.А. Потебни и др.

- работы по теории и поэтике романтизма И.А. Айзиковой, В.Э. Вацуро, Н.А. Гуляева, М.Н. Дарвина, Ф.З. Кануновой, И.В. Карташовой, В.И. Коровина, Е.А. Ломова, Л.Е. Ляпиной, Е.А. Маймина, Ю.В. Манна, Б.С. Мейлаха, В.И. Сахарова, В.А. Сизовой, Е. А. Суркова, В.Ю. Троицкого, В.И. Тюпа, Н.И. Фортунатовой, АЕ. Хализева, А.Г. Цейтлина, А.С. Янушкевич и др.;

- исследования творчества Н.Ф. Павлова В.П. Вильчинского, Н.М. Зудиной (Ильченко), Л.М. Крупчанова, С.И. Пономарева, В.И. Сахарова, Е.А. Суркова, М.И. Сухомлинова, Н.А. Трифонова и др.;

- работы историков культуры, среди которых особое место занимают труды А.Н. Афанасьева, Э.Б. Басмановой, О.А. Богданова, А.В. Вострикова, Л. Выскочкова, Я.А. Гордина, Е.Е. Дмитриевой, О.Ю. Захарова, Ю.М. Лотмана, А.Ф. Лосева, Б.В. Маркова, Н.А. Марченко, Р. Хоптона и др.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней уточняется понятие светская повесть, что позволяет использовать его по отношению к творчеству писателей, по разным причинам попавшим в число «забытых»; выявляется специфика переходных явлений историко-литературного процесса; наблюдения, выводы, полученные результаты могут быть учтены при изучении особенностей литературного процесса XIX века, взаимосвязей творчества выдающихся писателей и писателей так называемого «второго плана», а также при обращении к романтической литературе как хранительнице русской культуры.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы, основные выводы и положения могут быть использованы в курсах истории отечественной литературы; спецкурсах, посвященных отдельным аспектам русской прозы XIX века; при подготовке элективных курсов

культурологического характера; при переиздании и комментировании повестей Н.Ф. Павлова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Повесть явилась особым жанром для русской литературы 30-х годов XIX века, «формой времени», отразившей в себе культурные ожидания читателей и особенности развития литературы тех лет. Талант Н.Ф. Павлова наиболее ярко проявился в разработке жанра светской повести.

2. В светской повести произошло сближение литературы с действительностью, отразились быт, нравы и культурные традиции дворянства первой половины XIX века.

3. Прозу Н.Ф. Павлова следует рассматривать как синтез основных тенденций развития русской романтической прозы (осмысление действительности, исторических и культурных реалий, особый психологизм, полифоничность и др.)

4. Творчество Н.Ф. Павлова представляет собой существенное явление в истории отечественной литературы и характеризуется органической связью с творчеством русских писателей-современников и последующими исканиями авторов рубежа XIX – XX веков. Н.Ф. Павлов был последователем А.С. Пушкина и предшественником М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского в особом подходе к анализу психологического состояния героя в критические моменты жизни, в интересе к психологии «маленького» человека.

5. Общечеловеческие и нравственные вопросы, которые поднял Н.Ф. Павлов в рамках романтической повести, нашли развитие в творчестве писателей конца XIX века. Заострением социальной стороны конфликта в повестях «Именины» и «Ятаган», обращением к проблеме крепостного права и армейских порядков Н.Ф. Павлов предвосхитил время. Данные проблемы получают освещение в произведениях писателей-реалистов рубежа XIX - XX веков.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 291 наименование.

Первая глава **«Повести Н.Ф. Павлова в историко-литературном процессе 30-х годов XIX века»** состоит из двух параграфов. В параграфе *1.1 «Романтическая повесть как «форма времени»* рассматриваются истоки и становление романтической повести в русской литературе. Также определяется особое место светской повести, явившейся наиболее популярным и востребованным жанром в 1830-е годы. В параграфе *1.2 «Повести Н.Ф. Павлова в оценке критики»* дается обзор статей, отзывов, посвященных жизни и творчеству Н.Ф. Павлова, начиная с 30-х годов XIX века.

Вторая глава **«Художественное воплощение русского дворянского быта, традиций и нравов в светских повестях Н.Ф. Павлова»** состоит из двух параграфов. В параграфе *2.1 «Художественное воплощение русского дворянского быта, традиций и нравов в светских повестях Н.Ф. Павлова»* доказывається, что, наряду с произведениями А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, Е.А. Ган, Е.П. Ростопчиной, В.А. Соллогуба, В.Ф. Одоевского и других, светские повести Н.Ф. Павлова стали своеобразным отражением в художественной форме особенностей организации быта, нравов, культурных традиций и изменений в мировоззрении дворянского общества первой трети XIX века. Параграф *2.2 «Повести Н.Ф. Павлова в формировании национальной картины мира: мифопоэтический аспект»* посвящен анализу значимой особенности поэтики произведений Н.Ф. Павлова - многочисленным обращениям к образам и мотивам славянской, христианской, античной мифологий.

Третья глава **«Диалог с Н.Ф. Павловым в творчестве русских писателей XIX века»** состоит из двух параграфов. Параграф *3.1 «Особенности психологического анализа в повестях Н. Ф. Павлова и их соотнесение с сюжетными ситуациями и образами произведений М. Ю.*

Лермонтова, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского» посвящен специфике психологического анализа, используемого Н.Ф. Павловым при создании образов, и сопоставительному анализу повестей Н.Ф. Павлова с произведениями М.Л. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. В параграфе 3.2 «Павловский текст» в рассказах А.П. Чехова «*Анна на шее*» и Л.Н. Толстого «*После бала*» исследуется развитие традиций, тем и проблем светских повестей Н.Ф. Павлова в произведениях писателей-реалистов рубежа XIX – XX веков.

Апробация промежуточных результатов исследования проходила на международных и всероссийских научных конференциях с международным участием (Русско-зарубежные литературные связи: VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Нижний Новгород, 2017; Национальные образы мира в литературе: Международная XXXVI Зональная конференция литературоведов Поволжья, Нижний Новгород, 2018; Городской текст в английской и других европейских литературах: международная конференция, Нижний Новгород, 2018; Образы Москвы и Петербурга в зарубежной и русской литературе: научной конференции «XXXI Пуришевские чтения», Москва, 2019; Слово и текст в культурном и политическом пространстве: Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов, Сыктывкар, 2019 и 2020; Аксиология славянской культуры: IV Международная научно-практическая конференция молодых исследователей, Нижний Новгород, 2019; IX Всероссийской научно-практической конференции «Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин», Нижний Новгород, 2020), а также на методологических семинарах и заседаниях кафедры русской и зарубежной филологии НГПУ им. К. Минина.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК РФ:

1. «Свежий ветер и черные мысли» Петербурга (по повести Н.Ф. Павлова «Демон») // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2020. Вып. 3 (209). С. 7 - 13.

2. Мифопоэтика повести Н.Ф. Павлова «Маскарад» // Вестник гуманитарного образования. Научный журнал. Вып. 3. Киров: Вятский государственный университет, 2020. С. 95 – 103.

3. Повесть Н.Ф. Павлова «Ятаган» в историко-культурном контексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin) 2021. Вып. 6 (218). С. 112 - 120.

Другие публикации:

4. Повесть Н.Ф. Павлова «Аукцион» в контексте французской литературной традиции // Русско-зарубежные литературные связи: сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Н.М. Ильченко. Н. Новгород: Мининский университет, 2017. С. 163 - 166.

5. «Истинное» и «ложное» в повести Н.Ф. Павлова «Аукцион» // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Н. Новгород. 2017. № 7(27). Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/istinnoe-i-lozhnoe-v-povesti-nfpavlova-auktion.html>.

6. Романтические повести В.А. Соллогуба и Н.Ф. Павлова как источник знаний о бальной культуре // Национальные образы мира в литературе: сборник статей по материалам Международной XXXVI Зональной конференции литературоведов Поволжья (20 – 22 сентября 2018 года) / под ред. Н.М. Ильченко, Ю.А. Марининой. Н. Новгород: Мининский университет, 2019. С. 73 - 77.

7. Пространство Москвы в повести Н.Ф. Павлова «Миллион» // Городской текст в английской и других европейских литературах: сборник

статей по материалам международной конференции (11 - 13 октября 2018 г.)
Н. Новгород: Мининский университет, 2019. С. 162 - 167.

8. Образ Петербурга в повести Н.Ф. Павлова «Демон // Образы Москвы и Петербурга в зарубежной и русской литературе. Сборник статей и материалов научной конференции «XXXI Пуришевские чтения». М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019. С. 83 – 84.

9. Смысл названия повести Н.Ф. Павлова «Маскарад» // Слово и текст в культурном и политическом пространстве [Электронный ресурс] : Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов (Сыктывкар, 19 апреля 2019 года) : сборник материалов : текстовое научное электронное издание на компакт-диске / отв. ред. Т. Н. Бунчук; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». – Электрон. текстовые дан. (2,1 Мб). Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 139 – 141.

Режим

доступа:

<https://www.sykttsu.ru/about/nd/conferens/kv/19042019/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%20%D0%B8%20%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D1%81%D1%82%D1%83%D0%B4%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%202019.pdf>

10. Маскарадность как способ общения и ее художественное воплощение в светской повести (на примере повести Н.Ф. Павлова «Маскарад») // Филологический диалог: сборник научных статей / отв. ред. В.Т. Захарова. При финансовой поддержке фонда «Российско-польский центр диалога и согласия». Н. Новгород: Мининский университет, 2019. С. 66 - 71.

11. Повесть Н.Ф. Павлова «Аукцион» как источник знаний о бальной культуре на занятиях со студентами-иностранцами // сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции «Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин»

30- 31 марта 2020 года. Н. Новгород: Мининский университет, 2020. С. 255-259.

12. Литературный портрет Н.Ф. Павлова как учебный материал на занятиях со студентами-иностранцами // Образование на русском языке: проблемы, поиски, перспективы: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.М. Дзюба. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2020. С. 142 – 146.

13. Святочные мотивы и образы в повести Н.Ф. Павлова «Маскарад» в контексте национальной традиции // Русско-зарубежные литературные связи: коллективная монография.- Н. Новгород: Гладкова О. В., 2021. С. 53 – 59.

ГЛАВА I. Повести Н. Ф. Павлова в историко-литературном процессе 30-х годов XIX века

1.1. Романтическая повесть как «форма времени»

Проблема осмысления русской литературы в историко-литературном аспекте давно волнует исследователей. Вопрос развития художественных систем, становление и эволюция отдельных жанров остается актуальным.

Одним из первых к вопросу возникновения и функционирования в литературном процессе жанра повести обратился В.Г. Белинский. В своей статье 1835 года «О русской повести и повестях г. Гоголя» он дает развернутую оценку литературному процессу 30-х годов XIX века и основной особенностью называет господство эпических жанров: «Теперь вся наша литература превратилась в роман и повесть»⁵⁶. К этим жанрам обращается подавляющее большинство авторов, они наиболее интересны читателям. По мнению критика, это произошло не просто как подражание европейской литературе, а «вследствие общей потребности и господствующего духа времени»⁵⁷. Основной причиной этого В.Г. Белинский называет то, что «поэзию идеальную» сменила «поэзия реальная», как способ отражения действительности. Именно она стала «истинной и настоящей поэзией нашего времени»⁵⁸, изображающей жизнь общества, «жизнь человеческую»⁵⁹, а потому востребованной в обществе. Главенствующую роль В.Г. Белинский отдает жанру повести, т.к. она представляет собой наиболее удобную форму отражения реальности.

Примечательно, что еще в 1827 году на особую роль повести, которую она должна сыграть в русской литературе, указывал А.С. Пушкин в письме издателю журнала «Московский вестник» М.П. Погодину: «Кстати о

⁵⁶ Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 261.

⁵⁷ Там же. С. 262.

⁵⁸ Там же. С. 267.

⁵⁹ Там же. С. 261.

повестях: они должны быть непременно существенной частью журнала, как моды у «Телеграфа». У нас не то, что в Европе – повести в диковинку»⁶⁰. Мысль о важности отражения жизни в литературе повторяется в философском романе В.Ф. Одоевского «Русские ночи». Один из героев говорит о ней «как об одном из термометров духовного состояния общества»⁶¹. М.И. Сухомлинов в статье «Эпизод из литературы тридцатых годов (Три повести Павлова)» (1875) соглашается с высказыванием Батюшкова о том, что литература «должна беспрестанно напоминать об обществе и служить ясным и верным зеркалом его явлений...»⁶².

Широкое исследование проблемы жанра повести началось в литературоведении XX века. Этим вопросом занимались многие ученые. Б.С. Мейлах в своих работах обращает внимание на древнерусскую принадлежность самого слова «повесть» и видит истоки жанра в литературе древней Руси, а именно в «неполезных повестях», то есть нерелигиозного или публицистического содержания. Уже в самых первых оригинальных древнерусских повестях наблюдается захватывающий, динамичный сюжет и характерность героев. Важным этапом в развитии жанра стал XVII век, когда бурно начала развиваться русская городская культура, появляется переводная беллетристика. Характерной чертой древних повестей этого периода стало «широкое введение бытового материала»⁶³, описание быта и реалий.

Обращаясь к изучению поэтики русского романтизма, Ю.В. Манн в своих научных трудах концентрирует взгляд на аспектах художественной структуры романтических прозаических и драматических произведений и делает вывод, что в русской литературе формирование романтизма в прозе и драме началось позднее, чем в лирике и поэме и под сильным их влиянием. Развитие романтической прозы и драмы представляет собой продолжение и

⁶⁰ Пушкин А. С. М. П. Погодину // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 9. Письма 1815 - 1830. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 264.

⁶¹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 154.

⁶² Сухомлинов, М. И. Эпизод из литературы тридцатых годов: (Три повести Павлова) / М. Сухомлинов // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1, № 1. С. 55.

⁶³ Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 33.

обогащение той системы поэтики, которая сложилась на лирической почве. У истоков отечественного романтизма исследователи (Г.А. Гуковский, Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, И.А. Айзикова, Е.А. Маймин и другие) единодушно ставят поэзию В.А. Жуковского, называя его «родоначальником русского романтизма»⁶⁴, «первооткрывателем романтизма в русской литературе»⁶⁵. Доказательство утверждению, что романтическая проза и драма основывались на поэтике лирики, Ю.В. Манн видит в том, насколько активно в них используются поэтические цитаты. Под цитированием ученый подразумевает включение в речь персонажей строк из романтических стихотворений (В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Д.Г. Байрона), использование их в качестве эпиграфа, фона для развития событий, введение аналогий с популярными романтическими персонажами. Почти неприменная черта романтической повести – исповедь центрального персонажа⁶⁶. Ей отводится функция раскрытия духовного мира героя. Иногда эту роль выполняют письма или дневники. Из лирики в прозу перешел и «параллелизм судьбы центрального персонажа и автора»⁶⁷.

Сходную точку зрения высказывают авторы новейшего учебника по истории русской литературы XIX века под редакцией В.И. Коровина⁶⁸ (Е.Е. Дмитриева, Л.А. Капитанова, В.И. Коровин, Л.М. Крупчанов, Н.Н. Прокофьева, С.В. Сапожков, С.В. Тихомиров, Е.И. Хан, Е.Г. Чернышева). По мнению исследователей, романтическая природа повестей тесно связана с жанрами лироэпоса романтической литературы, которые доминировали в 30-е годы XIX века. Проза ориентировалась на поэзию. Например, историческая

⁶⁴ Канунова Ф., Янушкевич А. Своеобразие романтической эстетики и критики В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Эстетика и критика. М.: «Искусство», 1985. С.7.

⁶⁵ Маймин Е.А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / Е.А. Маймин; под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подготовка текста писем и комментарии Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков, 2015. С. 44.

⁶⁶ Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. С. 243.

⁶⁷ Там же. С. 246.

⁶⁸ История русской литературы XIX века. Часть 2 (1840 – 1860 годы) / под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://studlib.com/content/category/7/24/30/> (дата обращения 20.05.2021).

повесть декабристов восприняла принципы историзма, разработанные К.Ф. Рылеевым в думах; фантастическая повесть – эстетику «чудесного» и формы ее выражения из романтических баллад; светская повесть использовала принципы перенесения на почву светского быта романтического конфликта, который наблюдается в поэмах Е.А. Баратынского.

Одним из наиболее известных современных исследователей литературы XIX века является В.И. Коровин⁶⁹. Основным жанром русской прозы первой трети XIX века автор считает романтическую повесть, берущую свое начало в русской авторской повести второй половины XVIII века. В классицизме повесть воспринималась как второстепенный жанр, но утвердившийся в конце XVIII века сентиментализм разрушает это представление. В русскую литературу он и входит с повестями Н.М. Карамзина («Бедная Лиза» (1792), «Наталья, боярская дочь» (1792)), утверждая высшим достоинством человека умение чувствовать. Именно Н.М. Карамзина В.И. Коровин называет основоположником русской повести, его произведения с 1790-х годов несколько десятков лет определяли жанровую направленность русской прозы.

В начале XIX века постепенно образы героев произведений стали приобретать черты, свидетельствующие о новых, романтических тенденциях, которые вскоре изменили весь характер повестей. Исследователи XX века поддерживают мнение В.Г. Белинского, который началом существования жанра в русской литературе, временем возникновения «истинной» русской повести определяет 1820-е годы. Возникновение и бурное развитие жанра повести происходило в условиях расцвета русского романтизма и являлось его прямым следствием. Именно повесть сыграла главную роль в отражении разных уровней жизни русского общества благодаря своей подвижности,

⁶⁹ Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М.: Просвещение, 1973. 292 с.; Коровин В.И. Лелеющая душу гуманность. О некоторых гранях пушкинского гуманизма. М.: Дет. лит., 1982. 159 с.; Коровин «Среди беспощадного света» // Русская светская повесть первой половины XIX века. М.: Советская Россия, 1990. С. 5 - 14.

многообразию. Поэтому В.Г. Белинский точно назвал русскую романтическую повесть формой времени, выражавшей идеи времени⁷⁰.

В начале 1820-х годов различные общественно-литературные общества (декабристы, любомудры) начинают интересоваться прозой и особенно жанром повести. Первым жанром романтической прозы, получившим всеобщее признание⁷¹, была «русская повесть», а первым автором таких произведений стал А.А. Бестужев-Марлинский. «Зачинщиком русской повести»⁷² назвал его В.Г. Белинский. Ф.З. Канунова отмечает, что он стал не только «одним из первых создателей русской романтической прозы»⁷³, но и «теоретически сформулировал основные принципы гражданского романтизма»⁷⁴.

Период второй половины 1820-х – 1830-х годов в развитии повести стал наиболее значимым. Б.С. Мейлах называет его «подлинным расцветом этого жанра»⁷⁵. Именно в это время, по мнению исследователя, находят практическое разрешение важнейшие проблемы романтической эстетики: проблема историзма, народности литературы, особый характер отражения реальности.

Быстрое развитие жанра в эти годы связано в том числе с русской журналистикой. Благодаря таким журналам, как «Московский телеграф» Н.А. Полевого, «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, «Московский вестник» М.П. Погодина, «Сын Отечества» Н.И. Греча и других, романтическая повесть обрела невероятную популярность. Журналы объединяли вокруг себя поэтов, писателей, критиков и могли задавать

⁷⁰ Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 276.

⁷¹ Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л: Наука, 1973. С. 79.

⁷² Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 272.

⁷³ Канунова Ф.З. А.А. Бестужев-Марлинский и его кавказские повести // Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: «Наука», 1995. С. 549.

⁷⁴ Там же С. 552.

⁷⁵ Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л: Наука, 1973. С. 82.

авторам темы, стиль повествования. Благодаря журнальным публикациям обрел популярность А.А. Бестужев-Марлинский, чья фигура, по мнению В.И. Сахарова, для истории русского романтизма первостепенно важная и характерная⁷⁶. Основной его заслугой можно считать язык, которым он писал свои повести: «фигурным и усложненным, полным острот, пестрых словесных украшений»⁷⁷, за который его упрекали многие современники (В.Г. Белинский, В.И. Даль). Однако достижения писателя были бесспорны: его читали, ему подражали, его стиль и особый романтический психологизм, «красочное повествование и интерес к русской действительности»⁷⁸ проявились потом в творчестве Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова. Сам А.А. Бестужев-Марлинский и его близкий соратник Н.А. Полевой активно перенимали творческие находки французских романистов (О. Бальзака, В. Гюго, Э. Сю). Ясным, живым и остроумным языком журнальных публикаций писал свои повести О.И. Сенковский.

Романтические повести Е.А. Ган («Идеал» (1837), «Медальон» (1839), «Суд света» (1840)) открыли в литературе новую тему: место русской женщины в обществе, необходимость уважения к ней и ее чувствам. Само появление в русской литературе талантливых писательниц (Е.А. Ган, Е.П. Ростопчина, М.С. Жукова) изменило взгляд на роль женщины в обществе и литературе. Именно в «женских» романтических повестях В.И. Сахаров усматривает связь сюжета с жизненными конфликтами, характеров и образов героев с чертами современников.

Жанр романтической повести не был однородным. В.И. Сахаров отмечает две его особенности – стремительность развития и «многоликость», большое количество жанровых разновидностей. Б.С. Мейлах выделяет три основные разновидности романтической повести: историческая, фантастическая, светская. В учебнике для высших учебных заведений под

⁷⁶ Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 160.

⁷⁷ Там же. С. 162.

⁷⁸ Там же. С. 164.

редакцией В.И. Коровина выделяется четыре основных жанра романтической повести – историческая, светская, фантастическая, бытовая. Кроме того, существовало и множество жанровых разновидностей, например, повести о «гении» (художнике) и повести с историко-героической тематикой.

На формирование романтической исторической повести (творчество Н.А. Бестужева, Н.А. Полевого, А.О. Корниловича и др.) огромное влияние оказал подъем национального самосознания, связанный с Отечественной войной 1812 года и декабристским движением. Первоначально историческая повесть была зависима от поэзии, от байронической поэмы и готического романа, что проявлялось в лирической манере повествования, исключительности характеров героев, остром драматизме сюжета. Однако авторы проявляли внимание к историческому правдоподобию, местному колориту. Романтизм ввел в литературу представление об исторически сложившихся различных типах национальных культур: первоначально выделялись южный (античный) и северный (оссиановский); позднее начинает проявляться интерес к отдельным нациям, их самобытности. Определяющими для стиля исторической повести стали древнерусская (летописи, агиография и пр.) и эпическая (классический героический эпос) традиции и оссианизм⁷⁹. Е.А. Маймин отмечал, что «обращаясь к истории, романтики видели в ней основы национальной культуры, глубинные ее источники»⁸⁰.

Сложившись к 1820-м годам историческая повесть декабристов обращается уже к конкретным историческим событиям, накладывая их на современную эпоху. Смыслом жизни героев становится служение Отечеству и его свобода, которая ассоциировалась с вечевым демократическим управлением древних городов, в частности Новгорода (А.А. Бестужев-

⁷⁹ История русской литературы XIX века Часть 2 (1840 – 1860 годы) / под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://studlib.com/content/category/7/24/30/> (дата обращения: 21.05.202).

⁸⁰ Маймин Е.А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / Е.А. Маймин; под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подготовка текста писем и комментарии Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков, 2015. С. 25.

Марлинский «Роман и Ольга» (1823)). Для исторических повестей А. Корниловича, О.М. Сомова и других характерно документальное воспроизведение исторической эпохи (правление Петра I, Отечественная война 1812 г.), введение исторических и бытовых реалий.

В.Ю. Троицкий также выделяет несколько направлений, в которых развивалась романтическая повесть, и в первую очередь – это история. В результате в русской литературе формируется романтическая историческая повесть. Большое влияние на этот процесс оказало творчество В. Скотта, но движущей силой все-таки были «национальные источники вдохновения»⁸¹. «Вершиной русских романтических повестей-сказаний 30-х годов XIX в.» В.Ю. Троицкий называет повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835)⁸².

В изменении отношения авторов к фольклору Б.С. Мейлах увидел причину жанрового развития повести. «Из элемента образной системы произведения фольклор превращается в основу поэтики романтических жанров, способствуя появлению новых разновидностей повестей»⁸³, в том числе фантастической (В.Ф. Одоевский, Ан. Погорельский, О.М. Сомов и др.). В ее рамках находит свое воплощение представление романтиков о двоимирии, наличии потустороннего, иного мира, который является созданием дьявола. Большое влияние на русский романтизм оказали идеи Ф. Шеллинга. Е.А. Маймин говорит о нем как о философе-вдохновителе для последователей романтизма. Именно Ф. Шеллинг, по мнению исследователя, сформулировал основной постулат романтической поэтики – «противопоставление действительности и мечты, того, что есть, и того, что возможно...»⁸⁴. Однако важным источником для фантастической повести

⁸¹ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. М.: Наука, 1985. С. 175.

⁸² Там же. С. 189.

⁸³ Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 84.

⁸⁴ Маймин Е.А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / Е.А. Маймин; под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подготовка текста писем и комментарии Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков, 2015. С. 21.

явились идеи «народного духа», заключенные в нравах, обычаях старины, народном творчестве.

В.И. Сахаров отмечает: фантастическая проза, берущая начало в творчестве Новалиса и Э.Т.А. Гофмана, поначалу была негативно воспринята многими литераторами (А.А. Бестужев-Марлинский, Н.А. Полевой). Однако романтическая фантастика заняла достойное место среди других видов повестей, оставив образцы произведений, полных романтических чудес, приключений, страсти к познанию мира и человека (Ан. Погорельский «Лафертовская маковница» (1825) и «Двойник» (1828), М.П. Погодин «Черная немочь» (1829), В.П. Титов и А.С. Пушкин «Уединенный домик на Васильевском» (1829), В.Ф. Одоевский «Игоша» (1833) др.). С фантастической повестью в литературу приходит «тема мирового зла, трагического уклонения от правильного пути, сознательного демонизма и отказа от законов правды и добра», а в итоге философская тема преступления и наказания⁸⁵. Таким образом русский романтизм начинает осмысление противоречивости действительности и человека.

В фантастических повестях выразилось стремление романтиков (В.Ф. Одоевского, Ан. Погорельского, О. Сомова и др.) найти область неограниченных возможностей человека, получение власти над миром и другими людьми. В фантастическом двоemiрии проявилось идеалистическое представление о действительности. Ряд авторов создали свои фантастические повести, опираясь на народную традицию, в тесной связи со «сказочным миром народной фантазии»⁸⁶ (А.Ф. Вельтмана Н.В. Гоголь, А.А. Бестужев-Марлинский). Иную почву имеют произведения В.Ф. Одоевского. Он основывается на интеллектуальном, философском взгляде на мир, видит человека как часть человечества, который стремится к цельному знанию.

⁸⁵ Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 184.

⁸⁶ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. М.: Наука, 1985. С. 195.

Фантастическая повесть отразила интерес писателей к потустороннему, иррациональному на фоне усвоения литературных традиций английского готического романа, гейдельбергских романтиков и Э.Т.А. Гофмана, восточной сказки и притчи. Однако через фантастику шло освоение реальных национальных, нравственных, психологических и социально-исторических конфликтов (повести Ан. Погорельского, А.А. Бестужева-Марлинского, М.П. Погодина, В.Ф. Одоевского).

Активное развитие жанра бытовой (или нравоописательной) повести начинается во второй половине XVIII века под влиянием европейского плутовского романа. Объектом изображения становится современная бытовая жизнь в основном средних и низших общественных сословий, делается акцент на детали. Романтическое осмысление быта имело свои особенности. Мир простых людей, сохранивший патриархальность, христианскую нравственность, признаки старого русского быта «воспринимается в качестве положительной формы человеческого бытия»⁸⁷ и противопоставляется существующей реальности, становясь частью романтической оппозиции «патриархальный мир (природное начало) – цивилизация». В таком ключе написаны повести «Иван Костин» (1823) В.И. Панаева, «Мореход Никитин» (1825) А.А. Бестужева-Марлинского, «Нищий» (1826) М.П. Погодина и другие. В некоторых произведениях ощущается ориентация на углубленное осмысление проблемы человека и среды (М.П. Погодин «Черная немочь»), бесправного положения крепостных крестьян (М.П. Погодин «Нищий»). В начале 1830-х годов О.М. Сомов в своих повестях обращается к размеренной, патриархальной жизни дворянских усадеб («Роман в двух письмах» (1831)).

Одной из самых популярных в романтическом искусстве вообще и в русской романтической повести, в частности, была тема гения, таланта, человека творчества, человека особой, часто трагической судьбы. «В глазах

⁸⁷ История русской литературы XIX века Часть 2 (1840 – 1860 годы) / под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://studlib.com/content/category/7/24/30/> (дата обращения: 21.05.2022)

романтиков поэт был сродни жрецу и пророку, являясь в одном лице и философом, и ученым, и провидцем»⁸⁸. Этой теме посвятили свои сочинения или просто касались ее В.Ф. Одоевский («Последний квартет Бетховена» (1830), «Живописец» (1839)), Н.А. Полевой («Блаженство безумия» (1833)), Н.Ф. Павлов («Именины») и другие⁸⁹.

Исследуя творчество А.А. Бестужева-Марлинского, Ф.З. Канунова выделяет кавказские повести писателя, которые составляют особую группу в его романтической прозе. Важнейшей проблемой, которую ставит автор, в них «является проблема национального характера»⁹⁰.

Постепенно в повести начинает проявляться новая особенность – сближение с действительностью, что было признаком возникновения реалистических тенденций. Усиливается интерес писателей к настоящей, реальной действительности, быту и жизни людей. Романтическая повесть обращается к современной жизни, становится «формой» ее художественного воспроизведения. Это выдвигает новую разновидность романтической повести – светскую повесть, которая «объединила две важнейшие тенденции романтической прозы 1830-х годов – тенденцию к углубленному психологизму и сатирическую тенденцию, став основной жанровой формой для решения актуальных проблем современной жизни»⁹¹.

Проблема «света», взаимоотношения героя и светского общества, отрицательного влияния света на личность привлекает В.Ф. Одоевского, А.А. Бестужева-Марлинского, Е.А. Ган, Е.П. Ростопчину. Использование термина «светская повесть» в русской критике Б.С. Мейлах иллюстрирует на примере рецензии С.П. Шевырева на первый сборник Н.Ф. Павлова «Три повести»,

⁸⁸ Маймин Е.А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / Е.А. Маймин; под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подготовка текста писем и комментарии Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков, 2015. С. 26.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Канунова Ф.З. А.А. Бестужев-Марлинский и его кавказские повести // Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: «Наука», 1995. С. 585.

⁹¹ Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л: Наука, 1973. С. 102.

называя его «этапным для русской повести 30-х годов»⁹². Светская повесть получает в 1830-е годы невероятную популярность. «Ни один из заметных писатель 30-х годов в той или иной мере не прошел мимо этой жанровой формы, ставшей подлинным знаменем времени»⁹³.

Социальная действительность становится объектом художественного познания и находит свое отражение в светских повестях. Оставаясь в рамках романтической традиции, светская повесть развивает конфликт среды и личности. Он видоизменяется, обретает социальную окраску и за счет этого обостряется. Появляется романтический герой с новыми чертами: незаурядная личность, нежелающая подчиняться воле света, имеющая свои представления и идеалы.

Говоря о светских повестях А.А. Бестужева-Марлинского, Н.А. Полевого, Н.Ф. Павлова, В.Ф. Одоевского, в которых социальная действительность приобретает художественную самостоятельность, В.Ю. Троицкий подчеркивает, что написаны они были одновременно с произведениями признанных реалистов – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя. С появлением этих произведений, по мнению В.Ю. Троицкого, начинается движение русской литературы в новом направлении: «...Отныне все ее достижения и успехи будут связаны в первую очередь с реализмом»⁹⁴.

Авторы учебника под редакцией В.И. Коровина выделяют два направления в развитии жанра светской повести – романтическое и реалистическое, «хотя грани между ними оставались весьма зыбкими и подвижными, да и бытовали они в литературном обиходе почти одновременно»⁹⁵. К первой ветви относятся повести А.А. Бестужева-Марлинского. Свет в них представлен противоречиво. Это и источник

⁹² Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 172.

⁹³ Там же. С. 173.

⁹⁴ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. М.: Наука, 1985. С. 222.

⁹⁵ История русской литературы XIX века Часть 2 (1840 – 1860 годы) / под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://studlib.com/content/category/7/24/30/> (дата обращения: 21.05.202)

возвышенных чувств, и их губитель; одни герои способны встать выше навязанных условностей, другие – нет. Ко второй ветви тяготеют повести В.Ф. Одоевского, Н.Ф. Павлова, В.А. Соллогуба, в которых появляется социальная направленность, усиливаются реалистические тенденции в изображении жизни и характеров героев. Это был новый взгляд на общество и литературу. Своими произведениями они как бы подводят итоги развития жанра, завершают эволюцию той ветви романтической прозы, которая шла от журнала, от традиций А.А. Бестужева-Марлинского и Н.А. Полевого⁹⁶.

Таким образом, романтическая повесть отразила все реальные процессы начала XIX века в обществе и культуре: интерес к законам исторического развития, философское осмысление истории и современности, социальные противоречия, внимание к внутреннему миру человека. Б.С. Мейлах видит «в этом ее историческое значение, сделавшее романтическую повесть важным этапом всей русской прозы» и ставит жанр повести в романтической прозе выше романа.⁹⁷

В 1830-е годы романтическая повесть становится главным жанром отечественной прозы, превращается в своего рода творческую лабораторию, школу прозаиков, через которую проходят все писатели той эпохи. Исследователи единодушно называют это время периодом расцвета русской романтической повести, которая явилась художественной формой, отразившей в полной мере современное время, общество и человека. Повесть давала им простор и немалые возможности для смелого художественного изобретения, для выражения романтических идей. Поэтому к повести обращаются в начале своего пути молодые Н.В. Гоголь и М.Ю. Лермонтов, вступавшие в литературу как романтики. Их раннее творчество до конца

⁹⁶ Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 177.

⁹⁷ Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 104.

понятно и объяснимо лишь в сопоставлении с кругом философских и творческих идей литературы русского романтизма⁹⁸.

Среди жанрового разнообразия романтических повестей выделяются светские повести, которые явились наиболее ярким воплощением «формы времени», так как их материалом становятся современные авторам быт, нравы, общественные и личные отношения. Произведения В.Ф. Одоевского, В.А. Соллогуба, Н.Ф. Павлова, написанные в этом жанре, несут в себе новые черты, предвзяя открытия писателей-реалистов – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя. Ф.М. Достоевского.

1.2. Повести Н.Ф. Павлова в оценке критики

Творчество Н.Ф. Павлова отразило в себе черты переходной эпохи. В 30-е годы XIX века романтическая повесть часто «исходила из жизненного конфликта, черпала свои характеры и образы из тогдашней русской жизни, нащупывая путь к центральным ее проблемам»⁹⁹. Показательным в этом смысле являются повести Н.Ф. Павлова, в которых ярко выразилось движение от романтизма к реализму в отборе тем, в особенностях отражения окружающей действительности, в стремлении к созданию сложного человеческого характера, в стремлении к ясности изложения. Современная Н.Ф. Павлову критика сразу выделила отличительные особенности молодого прозаика: наблюдательность, умение подчеркнуть бытовые реалии, способность глубоко проникать в жизнь.

В рецензиях на первую книгу Н.Ф. Павлова содержались высокие оценки творчества начинающего прозаика. По мнению С.П. Шевырева, «Три повести» свидетельствуют о глубоком осмыслении автором жизни России, об умении наблюдать за обществом, о способности «подчинять воображение

⁹⁸ Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 190.

⁹⁹ Там же. С. 175.

жизни»¹⁰⁰. Шагом вперед по сравнению с существующей периодической литературой является умение Н.Ф. Павлова найти тему для повести «около себя», «в будни», и характеры в «обыкновенных людях»¹⁰¹. «Нового повествователя» С.П. Шевырев называет «Романтиком в классических формах»¹⁰². Надеждинская «Молва» отметила, что Н.Ф. Павлов «пристально взгляделся в жизнь» и «передал ее верно и живо»¹⁰³.

Правдивость, связь идейного содержания повестей с острыми проблемами крепостнической действительности, социальная острота конфликтов удивила современников писателя. Сборник «Три повести» затрагивал самые острые и наболевшие вопросы. «... Не берите их, чтобы заснуть слаще после обеда в мягких вольтеровских; не читайте, если хотите позабыться на минуту в чародействе красных вымыслов, если не хотите реки слезные лить о бедствиях»¹⁰⁴. Эта мысль А.А. Краевского повторится позднее в статье В.Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Белинский рассуждает о «человеке обеспеченном», который после «сладкого» обеда усаживается «в спокойных вольтеровских креслах с чашкою кофе» и берет книгу, чтобы отдохнуть и забыться. Однако, «книга говорит ему, что не все на свете живут так хорошо, как он... И нашему счастливцу неловко... А все виновата скверная книга, он взял ее для удовольствия, а вычитал тоску и скуку... Прочь ее!»¹⁰⁵. В 1835 году произведения Н.Ф. Павлова не советуют брать в руки равнодушному читателю, желающему покоя; через двенадцать лет уже произведения писателей натуральной школы (в известной степени продолжающих традиции «Трех повестей») будут нарушать размеренный образ жизни «человека обеспеченного».

¹⁰⁰ Шевырев С.П. Три повести Н. Павлова // Московский наблюдатель, 1935. № 3. Ч. I. С. 120.

¹⁰¹ Там же. С. 124.

¹⁰² Там же. С. 130.

¹⁰³ Три Повести. Николая Павлова. М. в тип. Н. Степанова. 1835. (8). 412 // Молва. 1835. № 4. Стб. 55.

¹⁰⁴ Там же. Стб. 56.

¹⁰⁵ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 тт. М.: АН СССР, 1953 – 1959. Т. XX. С. 298.

Об идейном содержании повестей Н.Ф. Павлова намеренно умолчал только О.И. Сенковский. Он даже подчеркнул: «Три случая из домашней жизни, - рассказанные живо и мило»¹⁰⁶, намекая на их развлекательный характер. Повесть «Именины» он называет «не совсем правдоподобною»¹⁰⁷. Однако критику журнала «Библиотека для чтения» не удалось выдержать до конца эту линию своей оценки. Он сбивается, когда заключает, что «Именины» - «это должна быть не повесть, а правда»¹⁰⁸.

Идеологическую позицию при оценке повестей Н.Ф. Павлова сразу занял Ф.В. Булгарин. Он прямо обвинил автора «Трех повестей» в «приверженности к идеям юной Франции», чем подчеркнул связь Н.Ф. Павлова с прогрессивно настроенной частью общества¹⁰⁹.

Н.Ф. Павлов расположил к себе писателей-современников глубоким проникновением в жизнь. «Еще недавно я с истинным наслаждением прочитал Три повести Павлова, особенно последнюю, - пишет Ф.И. Тютчев в письме И.С. Гагарину. – Кроме художественного таланта, достигающего тут редкой зрелости, я был поражен возмужалостью, совершеннолетием Русской мысли. Она сразу направилась к самой сердцевине общества: мысль свободная схватилась прямо с роковыми общественными вопросами, и притом не утратила художественного беспристрастия»¹¹⁰.

В.Г. Белинский включил Н.Ф. Павлова в число предшественников Н.В. Гоголя. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» В.Г. Белинский дает подробный отзыв на каждую из «Трех повестей». Признавая, что их автор отличается наблюдательностью, «внимательным изучением описываемого им мира»¹¹¹, В.Г. Белинский в то же время отмечает важную особенность творческой манеры Н.Ф. Павлова: произведения отличаются

¹⁰⁶ Три повести. Н. Павлова. Москва, в тип. Степанова, 1835, в 12, стр. 412 // Библиотека для чтения. Т. IX. Ч. VI. 1835. С. 5.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Новые повести, Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион. С.П., в Гутенберговой типографии, 1839, в 8 д.л. Стр. 416 // Северная пчела. 1839. № 285. С. 1158.

¹¹⁰ Аксаков И. Стихотворения Ф.И. Тютчева // Русский архив. 1879. № 5. С. 122.

¹¹¹ Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 280.

верностью в «частях и подробностях» при отсутствии «верности целого»¹¹². «...Они плод больше наблюдательности», «скорее списаны с действительности», но в них отсутствуют «характеры, индивидуальные и типические»¹¹³. Однако в целом критик высоко оценил первый сборник Н.Ф. Павлова. Особо был отмечен язык повестей: «В этом отношении г. Павлов принадлежит к немногочисленному числу наших отличных прозаиков»¹¹⁴. Показательно, что В.Г. Белинский анализирует повести Н.Ф. Павлова непосредственно перед рассмотрением гоголевских повестей, в которых, по его мнению, осуществляется переход к реализму. Тем самым критик выделяет Н.Ф. Павлова как ближайшего к Н.В. Гоголю писателя.

В свою очередь Н.В. Гоголь тоже отметил, что «Н. Павлов... получил с первого раза право на почетное место между нашими прозаическими писателями»¹¹⁵.

Размышления В.Г. Белинского о месте «Трех повестей» Н.Ф. Павлова в истории русской повести 1830-х годов продолжает А.С. Пушкин. Он не отказывает Н.Ф. Павлову в таланте, даже находит в произведениях молодого писателя отдельные черты реализма. Однако замечает, что Н.Ф. Павлову не хватает «глубины в знании человеческого сердца»¹¹⁶. При этом А.С. Пушкин подчеркивает, что «талант г. Павлова выше его произведений», и именно в авторе «Трех повестей» он видит первого, кто «у нас написал истинно занимательные рассказы»¹¹⁷.

Появившиеся в 1839 году «Новые повести» не вызвали такого большого количества рецензий, как это было при выходе «Трех повестей». Острые социальные темы остаются в повестях Н.Ф. Павлова, но выражаются

¹¹² Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 280-281.

¹¹³ Там же. С. 281.

¹¹⁴ Там же. С. 283.

¹¹⁵ Гоголь Н.В. О Современнике (письмо к П.А. Плетневу) // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский. Т. 8. Статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 425.

¹¹⁶ Пушкин А.С. «Три повести» Н. Павлова // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 7. Критика и публицистика. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 221.

¹¹⁷ Там же. С. 222.

не так ярко, звучат глуше. Н.Ф. Павлов как будто следует пожеланию А.С. Пушкина и стремится проникнуть в глубину человеческой души. При этом писатель подчеркивает, что те или иные изменения человеческого характера происходят под влиянием окружающей действительности, точнее, как результат социальной несправедливости.

В отзыве «Отечественных записок» отмечается правдивость «Новых повестей» Н.Ф. Павлова и связь с предшествующей книгой: «... То же глубокое знание души человеческой; тот же увлекающий, живой и быстрый ход действия; такие же образы, которые врезаются в ваше воображение и долго, если не никогда, не покинут его, то же обилие новых, оригинальных идей»¹¹⁸. Также в рецензии отмечается пессимизм автора. Он связан с глубоким проникновением Н.Ф. Павлова в сущность отношений между людьми: «... На земле нет полного счастья... в жизни все перемешано... возле играющей юности стоит гроб, возле любви – измена, возле упоения – ужас отчаяния»¹¹⁹.

Таким образом, социальный мотив вновь был положен в основу нового сборника Н.Ф. Павлова. Однако многими современниками не была воспринята «новость идей» книги. Кроме того, несколько изменилась манера изложения. Н.Ф. Павлов подчеркнуто стремится познать «тайны человеческого сердца». Не случайно в качестве эпиграфа к «Новым повестям» он взял слова из законов Ману: «Не испытай сердца человеческого». По отзывам современников, Н.Ф. Павлов в новой книге часто переступал определенную черту в познании человека. По мнению рецензента журнала «Современник», новые повести Н.Ф. Павлова утомляют читателя «стремлением к новости идей и чувствований», часто это увлечение уводит «сочинителя за пределы естественного»¹²⁰. В отзыве журнала «Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» отмечается, что Н.Ф.

¹¹⁸ Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион // Отечественные записки, 1839. Т.6. № 11. С. 107.

¹¹⁹ Там же. С. 108.

¹²⁰ Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион. В 8, 116 стр. // Современник. 1840. Т. 17. С. 63.

Павлов «во всякой повести своей показывает, каким ужасным могильным холодом веет от сердца человеческого, если разоблачить его до последней наготы... страшно становится за человека»¹²¹.

Анализируя технику литературного произведения, современная Н.Ф. Павлову критика своеобразно ставила вопрос о методе. Мысль В.Г. Белинского о неумении Н.Ф. Павлова придать «верность целому» продолжает критик журнала «Современник»: «... Всякое произведение изящного искусства оценивается преимущественно по тому впечатлению, которое сообщается душе созерцанием целого»¹²². Констатируя, что в повестях Н.Ф. Павлова «надобно отличать достоинство частей от ценности целого», рецензент не развивает эту мысль и не подкрепляет примерами. Добиваясь больших успехов в создании сложного человеческого характера, Н.Ф. Павлов обуславливает его обстоятельствами. Умение показать отдельные сцены, ярко выделив суть образа, доводится Н.Ф. Павловым до совершенства в новой книге. Поэтому в целом «Новые повести» высоко оцениваются: «...В последние три месяца... не можем представить ничего замечательнее книги г. Павлова»¹²³.

Сборник «Новые повести», вышедший в 1839 году, был последним, в котором опубликованы художественные произведения Н.Ф. Павлова. Поэтому последующая критика оценивала только два этих сборника. Незавершенные произведения Н.Ф. Павлова почти не рассматривались.

В 1851 году имя Н.Ф. Павлова-прозаика напомнил читающей публике Ап. Григорьев. В статье «Русская литература в 1851 году» «гением литературной эпохи» он называет Гоголя и доказывает, что вся «современная изящная словесность идет от него»¹²⁴. Далее он сравнивает гоголевскую «Шинель» и повесть Н.Ф. Павлова «Демон». По мнению Ап. Григорьева,

¹²¹ Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1839. Т. I. С. 469.

¹²² Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион. В 8, 116 стр. // Современник. 1840. Т. 17. С. 62.

¹²³ Там же. С. 61.

¹²⁴ Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Сочинения Аполлона Григорьева. Т. I. СПб: Н. Н. Страхов, 1876. С. 8.

Н.Ф. Павлов – писатель талантливый, однако его повесть явно проигрывает по сравнению с гоголевской. Причину критик находит в «чрезвычайно глубоком анализе», когда «талант принимает чудовища своего фантастически напряженного воображения за действительные, живые создания»¹²⁵. Поэтому страдания главного героя повести «Демон» - бедного чиновника – растущие до колоссальных размеров, не воспринимаются с тем сочувствием, которое вызывает у читателя горе Акакия Акакиевича. По мнению Ап. Григорьева, анализ Гоголя – верный, тогда как глубокий анализ Н.Ф. Павлова неправдоподобен.

Сопоставляя светскую повесть В.Ф. Одоевского, В.А. Соллогуба, Н.Ф. Павлова, Ап. Григорьев отдает предпочтение последнему. Подчеркивая, что главный герой повести «Миллион» - «живой человек со страстями и телом», критик однако отмечает, что Н.Ф. Павлову все же «недостает спокойствия, необходимого для художника... Пафос не обладает здесь предметом и находится в отношении к нему в художественной зависимости»¹²⁶.

Отношение к большому свету у трех известных авторов светских повестей – В.Ф. Одоевского, В.А. Соллогуба, Н.Ф. Павлова – почти одинаково: «свет» - «всепоглощающая и вместе обаятельно влекущая бездна, в которой коллизия не обходится без трагических последствий»¹²⁷. Но, по мнению Ап. Григорьева, взгляд Н.Ф. Павлова «несравненно высший»¹²⁸. По его мысли, можно устоять в коллизии, «вынести целою и невредимою свою человеческую самостоятельность, но за это уже... - ни верований в человека, ни верований в любовь и в чувство не уцелеет в вашей душе»¹²⁹.

Важной особенностью светских повестей Н.Ф. Павлова является своеобразный психологический анализ. Это сближает писателя с В.Ф. Одоевским. Однако, как отмечает критик, повести Н.Ф. Павлова «выше»

¹²⁵ Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Сочинения Аполлона Григорьева. Т. I. СПб: Н. Н. Страхов, 1876. С. 18-19.

¹²⁶ Там же. С. 38.

¹²⁷ Там же. С. 39.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

произведений В.Ф. Одоевского: в них «является уже не сухое негодование идеалиста, а страстное раздражение живого человека»¹³⁰.

Ап. Григорьев одним из первых дает сопоставительный анализ повестей Н.Ф. Павлова с произведениями Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Ф. Одоевского, В.А. Соллогуба, Е.А. Ган и отмечает особенности творческой манеры писателя.

Выстраивая своеобразную типологическую систему, Ап. Григорьев выделяет три группы писателей, последователей «гоголевского слова»: 1) И.А. Гончаров, 2) Ф.М. Достоевский, 3) И.С. Тургенев, Д.И. Григорович, А.Ф. Писемский. Связь Ф.М. Достоевского с Н.В. Гоголем Ап. Григорьев находит в том, что «гоголевский юмор отделен от стремления к идеалу и господствует один – дошедши до самых крайних причуд и странностей»¹³¹.

Писателем, который предопределил, в какой-то степени, появление Ф.М. Достоевского, является Н.Ф. Павлов. «Крайние причуды и странности», разделение юмора и идеала присутствуют не только в повести «Демон», появившейся за два года до гоголевской «Шинели», но, в особенности, в повести «Миллион». На это указывает и сам Ап. Григорьев при анализе последней сцены повести Н.Ф. Павлова. Критик следующим образом комментирует желание героя выяснить истинные чувства девушки, на которой хочет жениться: «С каким-то диким сладострастием добывается этой правды без покровы, этого горького безотрадного результата»¹³².

Романтикам свойственно использовать острые ситуации. Однако Н.Ф. Павлова интересует прежде всего поведение человека в момент катастрофы, он стремится проникнуть в потаенные уголки человеческого сердца.

Еще С.П. Шевырев выделил в качестве отличительной особенности творческой манеры Н.Ф. Павлова «дар описывать душу и вникать в ее

¹³⁰ Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Сочинения Аполлона Григорьева. Т. I. СПб: Н. Н. Страхов, 1876. С. 38.

¹³¹ Там же. С. 29.

¹³² Там же. С. 39.

движения»¹³³. Из этого главного свойства Н.Ф. Павлова вытекает его особенный стиль, который называется описательным. В повестях Н.Ф. Павлова мало разговоров, в них все совершается в описаниях автора и именно это обстоятельство делает возможным изображение жизни «не с верхушки, а со дна»¹³⁴.

Ап. Григорьев подчеркивает, что Н.Ф. Павлов показывает «надрывную силу переживаний»: «Все трагическое и грандиозное воплотил он в смелой и беспощадно-последовательной личности героя повести, и поставил ее в такое отношение к избранной им сфере жизни, которое уже менее всего может быть названо отношением ограничивающим сознание»¹³⁵.

Своеобразный психологический диалог, используемый Н.Ф. Павловым в конце повести «Миллион», обнаруживает стремление передать драматичность мира, который открывается перед глазами автора. Мироощущение Н.Ф. Павлова, тонко почувствованное Ап. Григорьевым, позволило назвать манеру письма автора «Демона» и «Миллиона» «страстной». Страстной манеры изложения требует и драматический мир, созданный Ф.М. Достоевским.

В 70-е годы XIX века к творчеству Н.Ф. Павлова обратился М.И. Сухомлинов. Анализируя идейное содержание «Трех повестей», он выстраивает своеобразную типологическую схему: проводит связь между антикрепостническими произведениями Н.Ф. Павлова и художественным творчеством писателей XVIII века – А.Д. Кантемиром, М.В. Ломоносовым, Н.И. Новиковым, А.Н. Радищевым. Сравнивая повесть Н.Ф. Павлова «Именины» с однотемными произведениями «Нищий» М.П. Погодина и «Сержант Иванов или все заодно» (1841) Н.В. Кукольника, М.И. Сухомлинов отдает предпочтение первому. «Жгучие вопросы русской общественной

¹³³ Шевырев С.П. Три повести Н. Павлова // Московский наблюдатель, 1935. № 3. Ч. I. С. 125.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Сочинения Аполлона Григорьева. Т. I. СПб: Н. Н. Страхов, 1876. С. 42.

жизни», умение схватить «характеристические черты современного быта» отличают произведения Павлова»¹³⁶.

Однако сопоставительный анализ М.И. Сухомлинова не всегда правомерен. Так, вписывая произведения Н.Ф. Павлова в контекст литературы первой половины XIX века, он сравнивает «Аукцион» Н.Ф. Павлова и «Княжну Мери» М.Ю. Лермонтова на основе случайно взятых фраз, тогда как между произведениями нет сходства в идейном отношении. Более того, М.И. Сухомлинов отмечает, что героиня повести Н.Ф. Павлова верно изображается эпитафией («Я нахожусь в положении той молодой девушки, у которой приятельница спрашивает точный список ее возлюбленных. «Я хорошо помню Огюста, голубоглазого Шарля, Эдмогда, Альфреда, маленького художника и высокого врача; но после этого я запутываюсь...» - отвечает она»). Кастиль-Блаз), который к лермонтовской Мери не приемлем.

М.И. Сухомлинов видит особенность творческой манеры Н.Ф. Павлова в том, что «при некоторой изысканности положений, характеров и даже языка, везде виден умный человек с верным и самостоятельным взглядом, замечающий в людях много движений, которые ускользают от других»¹³⁷. Это своеобразная формулировка «переходности» как неотъемлемого свойства художественной манеры Н.Ф. Павлова.

Хрестоматия Н.В. Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах» познакомила читателей с жизненным и творческим путем Н.Ф. Павлова. Отмечалось, что благодаря сборнику «Три повести», Н.Ф. Павлов оказался в ряду лучших беллетристов своего времени¹³⁸.

В 1889 году С.И. Пономарев напомнил русской публике имя известного писателя 1830-х годов – Н.Ф. Павлова. В «Материалах для истории русской литературы» он дает список сочинений Н.Ф. Павлова. Во

¹³⁶ Сухомлинов, М.И. Эпизод из литературы тридцатых годов: (Три повести Павлова) / М. Сухомлинов // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1, № 1. С. 56.

¹³⁷ Там же. С. 61.

¹³⁸ Гербель Н.В. Н.Ф. Павлов // Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб: 1880. С. 361.

вступительной статье о Н.Ф. Павлове С.И. Пономарев пишет о нем как о несправедливо забытом писателе: «Одаренный блестящим и разносторонним талантом, который в нем бесспорно признавали и друзья и враги, он был в свое время драматургом, беллетристом, переводчиком, поэтом, критиком и публицистом; его ценили такие люди, как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский, Ф.И. Тютчев, С.Т. Аксаков, А.С. Хомяков, П.А. Плетнев, С.П. Шевырев, Ю.Ф. Самарин, Ап. Григорьев; на вечерах у него собирались почти все московские литераторы и многие профессора; повести его переведены на иностранные языки: а между тем в наше время он менее известен, чем, например, Марлинский, менее оценен, чем Бенедиктов»¹³⁹.

Уже в то время – хотя после смерти Н.Ф. Павлова прошло двадцать пять лет – проникают ошибки в материалы, касающиеся биографии писателя и его произведений. С.И. Пономарев неверно приписывает Н.Ф. Павлову семь стихотворений¹⁴⁰, неправильно указывает год рождения писателя. В последствии ошибки с годом рождения и датой смерти писателя часто встречались в исследованиях как дореволюционных, так и советского времени. В описании жизненного пути Н.Ф. Павлова не упоминается такой важный в его жизни момент как арест и ссылка.

Имя Н.Ф. Павлова постепенно забывалось. Его произведения упоминались только как яркое свидетельство протеста против крепостного права, выраженное в литературе. П.Н. Сакулин анализирует ряд произведений русской литературы XIX века, в которых художественно воплощена драма крепостной интеллигенции. По мнению автора, эта тема составляет главный мотив в литературе 30-40-х годов XIX века. Эта важная социальная проблема решается в произведениях В.А. Ушакова, Н.Ф. Павлова, В.И. Даля, В.Ф. Одоевского, Н.В. Кукольника, А.И. Герцена, В.Г. Белинского. «Социальные причины» трагического положения крепостной

¹³⁹ Пономарев С.И. Материалы для истории русской литературы. Николай Филиппович Павлов (1805 – 1864). СПб: 1889. С. 1.

¹⁴⁰ История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 533.

интеллигенции глубже других вскрыл Н.Ф. Павлов, показав «страдания героев» в повести «Именины»¹⁴¹. По меткому выражению П.Н. Сакулина, «своею повестью Павлов хотел вонзить кинжал слова в чудовище крепостного права»¹⁴².

После Октябрьской революции внимание литературоведов по-прежнему сосредотачивается на первом сборнике Н.Ф. Павлова. В 1922 году публикуется повесть «Именины» со вступительной статьей В.В. Данилова. Именно эта повесть, по мнению критика, представляет наибольший общественно-исторический и литературный интерес. В.В. Данилов утверждает, что Н.Ф. Павлов в повести «Именины» «является сознательным реалистом»¹⁴³. Однако исследователь не показывает, в чем же выражается реалистичность метода автора «Именин». Он ограничивается сопоставлением сюжета о крепостном интеллигенте с фактами крепостнической действительности, подчеркивая, что Н.Ф. Павлов перенес из окружающей жизни трагические истории крепостных с «повышенным сознанием и бесправным положением»¹⁴⁴.

Показательно, что в книге «Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей» П.Н. Сакулин рассматривает творчество Н.Ф. Павлова в главе «На путях к художественному реализму. Беллетристика разночинцев». Исследователь выделяет основные особенности творческой манеры писателя: «жизненность и типичность» героев, «правдивость» психологического анализа¹⁴⁵. П.Н. Сакулин подчеркивает связь между манерой изложения А.С. Пушкина и Н.Ф. Павлова, которая проявляется в живости рассказа, лирических отступлениях, афоризмах, литературных ссылках. Однако у Н.Ф. Павлова отсутствует

¹⁴¹ Сакулин П. Крепостная интеллигенция // Великая Реформа. Т. 3. М., 1911. С. 66-104.

¹⁴² Там же. С. 96.

¹⁴³ Данилов В.В. Н.Ф. Павлов и его повесть «Именины» // Именины. Повесть Н.Ф. Павлова. СПб: Перфенон, 1922. С. 5.

¹⁴⁴ Там же. С. 6.

¹⁴⁵ Сакулин П.Н. Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 2: Новая литература. М.: Гос. акад. художественных наук, 1929. С. 510.

«простота фабуловедения и языка», которая свойственна творческой манере А.С. Пушкина¹⁴⁶.

Ценным вкладом в изучение творчества Н.Ф. Павлова является вступительная статья Н.Л. Степанова к сборнику «Три повести», изданному в 1931 году, которая затем вошла в его книгу «Поэты и прозаики». Повести Н.Ф. Павлова рассматриваются в ней в сопоставлении с произведениями писателей-современников Н.Ф. Павлова – А.А. Бестужева-Марлинского, В.Ф. Одоевского, А.В. Тимофеевым. По мнению Н.Л. Степанова, художественную манеру Н.Ф. Павлова отличают «обличительная резкость и публицистическая заостренность, демократический пафос»¹⁴⁷. Считая «Три повести» не только общественным, но и литературным событием 30-х годов XIX века, Н.Л. Степанов называет Н.Ф. Павлова «создателем русской психологической повести»¹⁴⁸ и впервые определяет значение Н.Ф. Павлова как предшественника М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева¹⁴⁹. Учителями Н.Ф. Павлова исследователь называет О. Бальзака, П. Мериме и В. Гюго. Мастерство психологического анализа и высокая техника сюжета, которыми в совершенстве владеет Н.Ф. Павлов, стали возможными благодаря знанию французской прозы и переводам произведений из французской литературы.

Соглашаясь, что «Три повести» воспринимались современниками Н.Ф. Павлова как «покушение на незыблемые устои», Н.Л. Степанов в то же время указывает, что уже жанр светской повести, используемый Н.Ф. Павловым, говорит об идеологическом родстве с дворянской средой и точно соотносит творчество Н.Ф. Павлова с «фрондирующей дворянской интеллигенцией»¹⁵⁰. Стремление точно соотнести мировоззрение писателя с идейным замыслом произведения, указание на то, что идейное содержание может быть шире мировоззрения писателя, было в духе 20-30-х годов XX века.

¹⁴⁶ Сакулин П.Н. Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 2: Новая литература. М.: Гос. акад. художественных наук, 1929. С. 511.

¹⁴⁷ Степанов Н. Запрещенная книга («Три повести» Н.Ф. Павлова) // Степанов Н. Поэты и прозаики. М.: «Художественная литература», 1966. С. 169.

¹⁴⁸ Там же. С.179.

¹⁴⁹ Там же. С. 179.

¹⁵⁰ Там же. С. 168.

Постепенно личность и творчество Н.Ф. Павлова стали привлекать более пристальное внимание исследователей XX века. В связи со столетием со дня смерти А.С. Пушкина Б.В. Смиренский обращается к Н.Ф. Павлову как к современнику великого поэта. Автора интересуют отдельные частные моменты соприкосновения писателей: книга Н.Ф. Павлова в библиотеке А.С. Пушкина, эпиграмма Н.Ф. Павлова на Ф.В. Булгарина в защиту А.С. Пушкина и т.п. Б.В. Смиренский не учитывает такие важные детали во взаимоотношениях писателей-современников как отзывы А.С. Пушкина о прозе Н.Ф. Павлова, влияние творчества А.С. Пушкина на светскую повесть Н.Ф. Павлова.

В 1939 году в журнале «Литературная учеба» публикуется без указания автора статья о Н.Ф. Павлове, в которой дается общая оценка жизненного и творческого пути писателя. По мнению критика, литературная известность Н.Ф. Павлова основана на первом сборнике повестей и трех письмах к Н.В. Гоголю; последующие произведения, за исключением повести «Маскарад», не представляют интереса. Связывая повесть Н.Ф. Павлова «Именины» с антикрепостническими произведениями XVIII века, автор статьи безоговорочно определяет творческую манеру Н.Ф. Павлова как реалистическую¹⁵¹. Общая идейная направленность статьи и отдельные неточности (неверно указан год рождения и дата смерти, использование источников, дающих в силу разных причин недостаточно объективную оценку личности Н.Ф. Павлова) позволяют предположить, что автором статьи является Б.В. Смиренский.

Характеристика творческого пути Н.Ф. Павлова, которая давалась в статьях 30-х годов XX века, была уже недостаточной. Использование отдельных негативных моментов жизни Н.Ф. Павлова, чаще всего почерпнутых из воспоминаний необъективно оценивающих личность Н.Ф.

¹⁵¹ Н.Ф. Павлов // Литературная учеба. № 4. 1939. С. 109 – 112.

Павлова современников¹⁵², заслонили и творчество писателя. Требовалось исследование, в котором должна была содержаться объективная оценка творческого наследия автора на шумевшего в свое время сборника «Три повести» и тепло принятой книги «Новые повести». Таким исследованием стала работа Ю.Д. Гранина «Н.Ф. Павлов». Использование архивных материалов, эпистолярного наследия, дневниковых записей позволили автору статьи по-новому подойти к оценке творческого наследия и личности Н.Ф. Павлова. Впервые Ю.Д. Гранин подробно рассмотрел творческий путь Н.Ф. Павлова, привлекая не только художественные произведения, но и критические статьи писателя.

Анализируя повести Н.Ф. Павлова, исследователь обращает внимание на идейную направленность и мастерство психологического анализа. Особенно выделяется на фоне романтической литературы 30-х годов XIX века язык повестей Н.Ф. Павлова. Его отличительными особенностями являются: «Свежесть и острота, стремление избежать сложившихся выражений, условных обозначений, тривиальных фраз»¹⁵³. Больших успехов в смысле языкового оформления, по мнению Ю.Д. Гранина, Н.Ф. Павлов достиг во втором сборнике – «Новые повести».

Ю.Д. Гранин доказывает, что именно Н.Ф. Павлов «впервые в русской литературе создал психологическую повесть, проложив пути прозе Лермонтова»¹⁵⁴. Поэтому правомерным является вывод исследователя о необходимости более глубокого и вдумчивого изучения творчества одного из ведущих писателей 30-х годов XIX века и о несомненном праве Н.Ф. Павлова занять в истории русской литературы более достойное место.

В 40-е годы XX века творчество Н.Ф. Павлова становится предметом исследования В.П. Вильчинского. Материалы диссертационного исследования, отдельные статьи легли в основу книги «Николай Филиппович

¹⁵² Берг Н.В. Посмертные записки Николая Васильевича Берга // Русская старина. Т.69. СПб: 1891. С. 229 – 279.

¹⁵³ Очерки по истории русской литературы первой половины XIX в. Вып. 1. Баку : НКП Азерб. ССР, 1941. С. 108.

¹⁵⁴ Там же. С. 148.

Павлов. Жизнь и творчество» (1970), которая стала результатом многолетнего изучения жизненного и творческого пути Н.Ф. Павлова. В.П. Вильчинский впервые глубоко изучил особенности мировоззрения Н.Ф. Павлова, сформулировал свою точку зрения, определил сложную позицию писателя в спорах западников и славянофилов. Анализ критических статей Н.Ф. Павлова 50-х годов XIX века позволил сделать определенные выводы об изменении взглядов писателя в конце творческого пути.

Исследуя художественную прозу Н.Ф. Павлова, В.П. Вильчинский отмечает «стремление к реалистическому методу творчества»¹⁵⁵. В доказательство этого положения автор книги приводит незавершенные прозаические произведения Н.Ф. Павлова – «Московский бал» (1831), «Родительская печаль», «Черный человек» (1834-1835), в которых «схвачены» сцены из реальной жизни.

Анализ повестей Н.Ф. Павлова позволил выделить особенности творческой манеры писателя: умение «показать сосуществование в человеке противоречивых свойств характера», «реальные.... условия жизни»¹⁵⁶.

Отмечая стилистическую близость повестей Н.Ф. Павлова и А.А. Марлинского, исследователь подчеркивает социальный характер произведений первого. Стремление к психологическому анализу сближает, по мнению В.П. Вильчинского, Н.Ф. Павлова с В.Ф. Одоевским. Сходство прозы Н.Ф. Павлова с лермонтовской автор книги усматривает через частные наблюдения – «тяготение к байронически-онегинскому типу», сходную роль образа доктора в «Маскараде» Н.Ф. Павлова и «Герое нашего времени»¹⁵⁷.

В целом работа В.П. Вильчинского является во многом описательной, поскольку исследователю важно было проследить жизненный и творческий путь Н.Ф. Павлова.

Большой вклад в изучение творчества Н.Ф. Павлова внес Н.А. Трифонов. В статье 1939 года «Повести Н.Ф. Павлова» им дается глубокий

¹⁵⁵ Вильчинский В.П. Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество. Л: Наука, 1970. С. 27.

¹⁵⁶ Там же. С. 32.

¹⁵⁷ Там же. С. 39.

анализ произведений писателя, столь популярного и известного в 30-е годы XIX века, что многие ему подражали. Действительно после выхода «Трех повестей» Н.Ф. Павлова появились «Три повести» Пустельгина (1837), «Три повести» Ниркомского (1838). О последних весьма нелестно отзывался В.Г. Белинский в рецензии 1838 года, указывая на подражание Н.Ф. Павлову: «Есть в нашей литературе «Три повести», которые очень скоро разлетелись по рукам читателей»¹⁵⁸. Кроме того, Н.Ф. Павлов оказал определенное влияние на писателей, получивших бóльшую известность.

Под редакцией Н.А. Трифонова трижды выходили произведения Н.Ф. Павлова (1957, 1958 и 1988). Во вступительной статье к первой книге Н.А. Трифонов подробно останавливается на художественной прозе Н.Ф. Павлова. Анализируя «Три повести», автор статьи подчеркивает актуальность повестей «Именины» и «Ятаган», отмечая реалистичность письма Н.Ф. Павлова. Однако считает, что не всегда типичны ситуации, в которые автор помещает своих героев¹⁵⁹. Автор вступительной статьи подчеркивает, что «Новые повести» тоже находились в русле «прогрессивной» литературы: в них особенно сильно звучит мысль Н.Ф. Павлова о господстве и всесиии денег.

Во вступительной статье ко второй книге Н.А. Трифонов определяет значение Н.Ф. Павлова как «зачинателя русской социально-психологической повести»¹⁶⁰. Произведения Н.Ф. Павлова Н.А. Трифонов рассматривает как «известный этап в развитии русской художественной прозы, этап, для которого характерно усиление психологического анализа»¹⁶¹.

Во второй половине XX века романтическая художественная система привлекла пристальное внимание исследователей, что сказалось и на

¹⁵⁸ Белинский В.Г. Три повести Ниркомского // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. II. С. 453.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов и его «Три повести» // Павлов Н.Ф. Три повести. М.: Гослитиздат, 1958. С. 8.

¹⁶¹ Там же.

рецепции творчества Н.Ф. Павлова как одного из самым популярных писателей 30-х годов XIX века.

Стремление Н.Ф. Павлова к реалистическому изображению жизни отмечает и Л.М. Крупчанов во вступительных статьях к двум изданиям произведений Н.Ф. Павлова (1985 и 1989). Говоря о повести «Именины», он отмечает правдивость изображения, хотя в целом не находит убедительного описания, «каким образом герой из забитого и запуганного крепостного музыканта превратился в смелого, независимого штаб-ротмистра»¹⁶². Повесть-миниатюра «Аукцион» реально схватывает миг светской жизни и показывает мимолетность, призрачность отношений между представителями светского общества. Наиболее острой является повесть «Ятаган», в которой достоверно изображаются армейские порядки того времени. По справедливому мнению Л.М. Крупчанова, в «Новых повестях» Н.Ф. Павлов «оставался верен своим прежним художественным принципам и взглядам на современное ему общество как на больное»¹⁶³.

В.И. Сахаров считает Н.Ф. Павлова одним из самых видных романтиков, предварявших литературу классического реализма и отмечает, что «в творчестве Павлова романтическая повесть предельно приблизилась к реалистической манере письма и психологизму»¹⁶⁴. В его произведениях критический, порой сатирический взгляд на светское общество усложняется темой социального неравенства, звучит протест против угнетения человека и насилия. Его герои, сохраняя романтические черты, были очень похожи на реальных представителей русского дворянства, чиновничества и военных. У Н.Ф. Павлова, считает В.И. Сахаров, «повесть стала выявлять типические черты людей, их общественный вес и значение»¹⁶⁵. Это был прямой путь к реализму, по которому шли будущие великие писатели-реалисты. «Читатели

¹⁶² Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 9.

¹⁶³ Там же. С. 11.

¹⁶⁴ Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 177.

¹⁶⁵ Там же. С. 176.

и критика видели, что Павлов указывает дорогу Гоголю, писателям «натуральной школы» и молодому Достоевскому и что его сатирическая зарисовка чиновничьей жизни и психологии «Демон» могла вызвать трагическую «Шинель»¹⁶⁶.

В.Ю. Троицкий находит определенное влияние светских повестей А.А. Бестужева-Марлинского на повести А.С. Пушкина «Выстрел» (1830), «Метель» (1830), «Барышня-крестьянка» (1830), «Станционный смотритель». Именно из романтической прозы, по мнению исследователя, были восприняты А.С. Пушкиным тематические контуры повести¹⁶⁷. Исследователь рассматривает творчество Н.Ф. Павлова как заключительное звено в развитии романтической прозы 30-х годов XIX века. «Три повести» Павлова явно обнаруживали сдвиг к реалистической прозе»¹⁶⁸.

В книге «Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века» В.Ю. Троицкий называет «Три повести» и «Новые повести» Н.Ф. Павлова в числе произведений, которые, обладая признаками романтического повествования, «уже были ориентированы на современную писателям действительность, на реальные обстоятельства жизни, знаменуя поворот ... к реалистическому принципу творчества¹⁶⁹. Логика жизни, а не прихоть автора, как утверждает автор исследования, определяет судьбу героя. Социальная действительность как самостоятельный феномен вырисовывается в произведениях Н.Ф. Павлова. «Она сама становится предметом художественного познания и отражения»¹⁷⁰.

В творчестве Н.Ф. Павлова намечается новый принцип воссоздания характера. По мнению В.Ю. Троицкого, Н.Ф. Павлов «шел к той детерминированности человеческой личности, которая выходит за пределы

¹⁶⁶ Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 177.

¹⁶⁷ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века. М.: Наука, 1985. С. 233.

¹⁶⁸ История русского романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20-30-х гг. XIX века. М.: Наука, 1979. С. 165.

¹⁶⁹ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века. М.: Наука, 1985. С. 222.

¹⁷⁰ Там же.

романтической типизации, потому что в характере начинали обнаруживаться конкретные связи со средой и предрешенность вариантов поведения личности условиями ее существования»¹⁷¹. Однако в целом повести Н.Ф. Павлова остаются романтическими по способам воссоздания характеров и по ряду черт романтической поэтики¹⁷².

Ю.В. Манн отмечает следующую особенность, возникшую в прозе 30-х годов XIX века, - социальное заострение конфликта. На первое место среди произведений, в которых обнаруживается такая тенденция, он ставит повесть В.Г. Белинского «Дмитрий Калинин» (1830) и утверждает, что «русский романтизм знает еще только одного писателя, который после Белинского с той же последовательностью и силой продолжил социальную разработку конфликта. Это Н.Ф. Павлов»¹⁷³. С этой точки зрения примечательны две повести – «Ятаган» и «Именины». С одной стороны, образ и жизнеописание главного героя «Именин» созданы по принципам романтизма. Но его поведение, неуверенность в обществе, разочарование в любви имеют социальную мотивировку. В «Ятагане» «социальный момент становится моментом художественного конфликта как некая преграда на пути персонажей»¹⁷⁴ к браку.

Таким образом, критика и XIX, и XX века указала отличительную особенность художественного метода Н.Ф. Павлова – движение от романтизма к реализму. Повести Н.Ф. Павлова отмечены, как «промежуточное звено между романтическими и реалистическими повестями»¹⁷⁵.

¹⁷¹ История русского романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20-30-х гг. XIX века. М.: Наука, 1979. С. 165.

¹⁷² Там же. С. 168.

¹⁷³ Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. С. 265.

¹⁷⁴ Там же. С. 269 – 270.

¹⁷⁵ История русской литературы XIX века. Часть 2 (1840 – 1860 годы) / под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://studlib.com/content/category/7/24/30/>

ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ

Достижения русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века сыграли важную роль в историко-литературном процессе. Жанр повести в этот период оказался наиболее продуктивным и востребованным. Краткая, но содержательная форма повести позволяла поднимать самые актуальные темы, отражать новые тенденции развития русской литературы. В романтической повести был переосмыслен взгляд на художественный образ, изменено его содержание, усилена эмоциональная насыщенность. Писатели-романтики сумели по-новому взглянуть на объект творчества, окружающую действительность, общество, внесли в повествование собственные эмоции и чувства. Именно в рамках романтической повести, в жанре светской повести, в частности, начинают зарождаться и развиваться реалистические тенденции.

Романтические светские повести Н.Ф. Павлова стали примером первых опытов, в которых отражено движение литературы к реализму. Не только в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя осуществляется переход от одного художественного метода к другому. Второстепенные писатели тоже оказывали определенное влияние на историко-литературный процесс, иногда даже опережая своих великих современников. Так, Н.Ф. Павлов в повести «Именины» правдиво показал трагическую судьбу крепостного музыканта. Его опыт будет творчески использован А.И. Герценом при создании реалистической повести о трагической судьбе крепостной актрисы («Сорока-воровка» (1846)). В повести «Ятаган» Н.Ф. Павлов разоблачил произвол, царящий в николаевской армии. Это произведение стало единственным в 30-е годы XIX века, в котором автор не побоялся коснуться запретной темы. Определенные достижения Н.Ф. Павлова будут учтены Л.Н. Толстым, который в 50-е годы был в хороших отношениях с известным прозаиком 30-х годов. Повесть Н.Ф. Павлова «Демон» во многом предопределила «Бедных людей» Ф.М. Достоевского. Не случайно имя автора повести о бедном чиновнике – Н.Ф. Павлова –

называлось в числе писателей, оказавших определенное влияние на первую повесть Ф.М. Достоевского¹⁷⁶.

Повести из светской жизни – «Аукцион», «Маскарад», «Миллион» - написаны в русле романтической литературы 30-х годов XIX века. Однако уже современная Н.Ф. Павлову критика выделила их на фоне произведений светской тематики. Повести Н.Ф. Павлова оценивались выше произведений В.Ф. Одоевского и В.А. Соллогуба. В повести «Аукцион» талантливо запечатлен один миг светской жизни. Тема лишнего человека, отраженная в повести «Маскарад», говорит о Н.Ф. Павлове как об одном из предшественников М.Ю. Лермонтова. В повести «Миллион» писатель художественно запечатлел сущность буржуазных отношений, стремительно ворвавшихся в жизнь России 30-х годов XIX века.

Большинство исследователей творчества Н.Ф. Павлова считают особенностью творческой манеры писателя углубленный психологизм, желание познать человеческую «душу до дна». Это дало основание назвать Н.Ф. Павлова одним из основоположников социально-психологической повести.

Сопоставление творческого наследия Н.Ф. Павлова с писателями 30-х годов XIX века дало возможность увидеть отличительные особенности его художественного метода: отбор реальных фактов и судеб; желание дать объективную оценку происходящему; стремление соединить человека и среду. Принцип историзма, который был положен в основу исследований творчества Н.Ф. Павлова, позволил сделать вывод, что его произведения продолжали традиции зачинателей жанра в отечественной литературе (Н.М. Карамзина, А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина). Творчество Н.Ф. Павлова, как справедливо отмечали исследователи XX века, занимало значительное место в литературном процессе этого периода и оказало определенное влияние на М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена, И.С. Тургенева,

¹⁷⁶ Цейтлин А.Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета). М., 1923. 63 с.

Ф.М. Достоевского. По мнению В.И. Кулешова, повести Н.Ф. Павлова были ступенью в движении русской литературы к реализму¹⁷⁷.

Все это позволяет говорить о Николае Филипповиче Павлове как писателе-романтике, содержательная форма повестей которого - переходная. Она, в определенной степени, оказала влияние на историко-литературный процесс, предопределив последующее развитие русской литературы.

¹⁷⁷ Кулешов В.И. *Натуральная школа в русской литературе XIX века*. М.: Просвещение, 1982. 300 с.

ГЛАВА II. Повести Н.Ф. Павлова в контексте «языка» русской культуры

2.1. Художественное воплощение русского дворянского быта, традиций и нравов в светских повестях Н.Ф. Павлова

Понятие «культура», являясь сложным и многоуровневым, несет в себе следующие основные характеристики: коммуникационный характер, символичность, тесная связь с бытом, историей и традицией¹⁷⁸. Высшим ее проявлением, «самосознанием»¹⁷⁹ является искусство, тогда как быт можно назвать фундаментом. Кроме того, искусство, в том числе литература, отражает национальные, культурные и бытовые особенности разных стран и эпох. Изображение картин быта, обстановки, отражение жизненного уклада в художественных произведениях является наглядной иллюстрацией сути понятий «культура» и «быт». Тексты содержат описания интерьеров, портретов и костюмов героев, сюжеты передают события в жизни персонажей и их поведенческие реакции.

Особенностью всей европейской культуры начала XIX явилось активное проникновение искусства в обыденную жизнь людей. Искусство становится моделью, которой жизнь подражает¹⁸⁰. Особенная роль в этом принадлежала театру. По словам Ю.М. Лотмана, «театрализуется эпоха в целом»¹⁸¹. Время активной литературной деятельности Н.Ф. Павлова совпало с периодом наивысшего расцвета русской дворянской культуры, в которой эта особенность проявилась в полной мере. Посещение театра становится

¹⁷⁸ Эта связь закрепляется и в определениях традиции, которая понимается как «исторические сложившиеся устойчивые образцы и правила поведения, взгляды, вкусы, обычаи, сознательно передаваемые от поколения к поколению, обеспечивающие этносу преемственность его культуры и поддерживающие его единство» (Садохин А.П. Культурология. Словарь терминов, понятий, имен. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 672).

¹⁷⁹ Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 2003. С. 52.

¹⁸⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПБ, 1999. С. 183.

¹⁸¹ Там же. С. 184.

обязательным времяпрепровождением. Важнейшие атрибуты дворянской культуры – бал и дуэль – тоже своеобразные театрализованные представления со своим сценарием, правилами, распределением ролей, реквизитом. Кроме того, театрализуется бытовое поведение людей, что выражается в возникновении моделей поведения для различных социальных ситуаций. Люди обязаны были вести себя по правилам, «прилично», зачастую скрывая свои истинные чувства. Это становится причиной критики светского общества и его нравов.

Романтическая светская повесть переживает расцвет в 30-е годы XIX века. Благодаря своей жанровой специфике она стала идеальной формой отражения быта, культуры и нравов русского дворянства. Пример тому – литературное наследие Николая Филипповича Павлова.

Повесть «Именины» открывает первый сборник Н.Ф. Павлова «Три повести». Портреты персонажей, особенности характера, непримиримость конфликта героя и общества созданы в русле романтической традиции, но сам характер конфликта, авторское отношение к современным общественным нравам расширяют ее рамки.

Основным мотивом повести является мотив оскорбленной чести, раскрывающийся с разных сторон, а важнейшим элементом композиции – ситуация дуэли. Дуэль – одна из самых ярких и противоречивых традиций, которая оставила «следы в культурах самых различных государств»¹⁸². Европейская дуэль уходит корнями в первые столетия нашей эры и связана с правилами судебного поединка, средневековых рыцарских турниров и рыцарской дуэли. В России существовал свой вариант судебного поединка – поле. В былинах остались рассказы об ариэрии¹⁸³, однако, по мнению исследователей, «предками» дуэли их назвать нельзя. Р. Хоптон считает, что «дуэль не имела местных корней в России... Для русских дуэли являлись

¹⁸² Хоптон Р. Дуэль. Всемирная история / Ричард Хоптон; [пер. с англ. А. Колина]. М.: Эксмо, 2010. С. 29.

¹⁸³ Поединок двух воинов один на один перед битвой войск.

иностранный диковинкой, позаимствованной в Западной Европе»¹⁸⁴. А.В. Востриков уточняет: «Дворянская культура, хотя и была вполне самостоятельным, замкнутым историческим феноменом, считала себя наследницей аристократической и воинской традиции Европы в целом»¹⁸⁵. Ю.М. Лотман отмечает, что «ничего аналогичного в быту русской «старой феодальной знати» не существовало»¹⁸⁶.

Дворянство было высшей ступенью в сословной иерархии послепетровского периода Российской истории. Привилегированное положение людей, родившихся «благородными», обязывало соблюдать определенные правила. «Кодекс чести был универсальным этическим законом»¹⁸⁷, который не только запрещал ложь, трусость и недостойное поведение дворянина, но и обязывал защищать честь, как свою, так и чужую. Основным способом для этого становится дуэль.

Расцвет дворянской культуры и связанной с ней дуэльной традиции приходится на первую половину XIX века. Вместе с тем дуэль, вступив в противоречие с государственной политикой и православием, сразу становится вне закона. «Любая... дуэль была в России уголовным преступлением»¹⁸⁸, за которое для участников полагалась смертная казнь. Это было закреплено во всех законодательных актах, начиная с особого указа Петра I 1702 года, «Артикула воинского» (1715) и «Устава воинского» (1716), хотя на практике и не применялось. Вошедший на Российский престол в 1825 году Николай I жестко выступал против поединков: «Я ненавижу дуэли; это – варварство; на мой взгляд, в них нет ничего

¹⁸⁴ Хоптон Р. Дуэль. Всемирная история / Ричард Хоптон; [пер. с англ. А. Колина]. М.: Эксмо, 2010. С. 369 – 370.

¹⁸⁵ Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб: Азбука, 2014. 490 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/547363-kniga-o-russkoy-dueli.html> (дата обращения 19.02.2020).

¹⁸⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПБ, 1999. С.165 – 166.

¹⁸⁷ Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб: Азбука, 2014. 490 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/547363-kniga-o-russkoy-dueli.html> (дата обращения 19.02.2020).

¹⁸⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПБ, 1999. С. 176.

рыцарского»¹⁸⁹. В эти годы писать о дуэлях было запрещено, упоминание даже в частной переписке было небезопасным. Таким образом, с одной стороны, дуэль в России была «символом золотого века благородства и чести»¹⁹⁰, с другой – преследуемым по закону и осуждаемым деянием. Отсюда крайне малое количество сохранившихся официальных документов и сведений о поединках. «В данном контексте особую важность приобретает русская литература»¹⁹¹, в частности романтическая светская повесть, как источник знаний о дуэльной традиции, поскольку ее авторы отражали современную действительность, реальные взаимоотношения людей, часто сами были участниками или свидетелями поединков. Мотив дуэли широко использовался в литературе первой половины XIX века, к нему обращались А.А. Бестужев-Марлинский («Испытание»), А.С. Пушкин («Выстрел», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка» (1836)), А.Ф. Вельтман («Эротида» (1835)), Е.А. Ган («Суд света»), Е.П. Ростопчина («Поединок»), В.А. Соллогуб («Большой свет»), В.Ф. Одоевский («Княжна Мими» (1834)) и другие.

Н. и С. – главные герои повести «Именины», с которыми связан мотив оскорбленной чести. По-разному складываются их судьбы до встречи на рязанской станции. Рассказчик знакомится с Н. в самый прекрасный момент его жизни: молодой богатый дворянин, «он только что женился»¹⁹² и был абсолютно счастлив. Однако через полтора года «угар счастья»¹⁹³ сменило «неисцелимое равнодушие»¹⁹⁴, причина которого становится понятна только в конце повести.

¹⁸⁹ Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Был и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПб, 1999. С. 166.

¹⁹⁰ Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб: Азбука, 2014. 490 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/547363-kniga-o-russkoy-dueli.html> (дата обращения 19.02.2020).

¹⁹¹ Хоптон Р. Дуэль. Всемирная история / Ричард Хоптон; [пер. с англ. А. Колина]. М.: Эксмо, 2010. С. 369.

¹⁹² Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 19.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. С. 21.

Первое описание внешности С. дается глазами Н. Это портрет истинно романтического героя: голубоглазый красавец-офицер раненой рукой проникновенно играет на гитаре. В нем соединилась внешняя красота, боевая доблесть и чувственность. На Н. он произвел сильное впечатление: «Чудный незнакомец осветил мою душу и пленительным голосом, и мужественной наружностью, и военными похождениями...»¹⁹⁵. «Глубокая печаль» в голосе, нежелание говорить о семье окружало С. ореолом загадочности. Именно Н. стал первым человеком, кому С. полностью доверил тайну своей жизни: блестящий офицер оказался в прошлом крепостным музыкантом; ради свободы и любви к дворянке бежал и сумел поступить на военную службу. Талантливый и гордый человек, он глубоко страдал от унижительного положения, невозможности распоряжаться своей судьбой и свободно любить. Уже дослужившись до офицерского чина, который социально уравнивал его с обидчиками и с Александриной, С. признается: «Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадет»¹⁹⁶. Он не упоминает дуэли, но, вероятно, они тоже могли быть.

Встреча втроем на именинах жены становится для всех героев глубоким потрясением и переворачивает их жизнь. Н. понимает, что его жена – бывшая возлюбленная С., а Александра Дмитриевна узнает в госте свою первую любовь. Для С. Александрина и мечты о счастье с ней были целью, ради которой он жил и боролся. О силе его чувств и надежде говорят слова, сказанные «почти шепотом: Сдержала ли она свое обещание?»¹⁹⁷. Но его борьба оказалась напрасной – Александрина была женой его нового знакомого. На этом записи Н. обрываются, как оборвалась прежняя жизнь героев. Последние фразы кратко, но емко передают трагизм их судеб. Н. не смог принять то, что сердце жены до него принадлежало другому: было задето его мужское самолюбие. Это была ревность к прошлому, обида

¹⁹⁵ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 24.

¹⁹⁶ Там же. С. 26.

¹⁹⁷ Там же.

любящего мужчины в единстве с ненавистью к сопернику. Дуэль с С. становится развязкой конфликта.

В светских повестях других авторов столкновения героев также нередко разрешаются с помощью дуэли. В повести В.А. Соллогуба «Большой свет» влюбленный в светскую красавицу Леонин случайно слышит разговор, из которого узнает о равнодушии к нему графини. Насмешка ее собеседника становится поводом к поединку. Леонин, не задумываясь, вызывает Щетинина на дуэль, тот принимает вызов, хотя явной ненависти между ними нет. Сафьев соглашается стать секундантом Леонина, но произносит: «Всякая дуэль – большая глупость»¹⁹⁸. Волнуется муж графини Воротынской, что «попал в такое сумасбродство»¹⁹⁹, но даже недовольство министра не останавливает его от участия в дуэли в роли секунданта Щетинина. В отличие от героев Н.Ф. Павлова, участники событий в повести В.А. Соллогуба действуют как бы по сценарию, больше повинаясь традиции. Когда Леонин понял свое заблуждение, ради светлого чувства к Наденьке и ее счастья со Щетинным, он отказывается от дуэли, и это приносит облегчение всем участникам. Недавний противник восклицает: «Я обниму его перед отъездом и поклянусь в вечной дружбе»²⁰⁰. Вызов героя Н.Ф. Павлова – выстраданный, осознанный шаг.

В повести Е.П. Ростопчиной «Поединок» мотив дуэли также имеет сюжетобразующее значение. Как и Н.Ф. Павлов, Е.П. Ростопчина использует форму исповеди. Валевиц произносит ее в качестве «урока», чтобы «удержать... на пути губительного предрассудка»²⁰¹ молодого товарища. Авторское отношение к поединкам крайне критично: неправильное истолкование понятий «обида и честь» - вот основные причины, толкающие людей на этот шаг. Сама дуэль называется «губительным предрассудком»,

¹⁹⁸ Соллогуб В.А. Большой свет // Соллогуб В.А. Избранная проза / Сост. В.А. Мильчиной; Вступ. статья и прим. А. С. Немзера; Ил. Ю. М. Игнатъева. М.: Правда, 1983. С. 146.

¹⁹⁹ Там же. С. 152.

²⁰⁰ Там же. С. 154.

²⁰¹ Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож. лит., 1989. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0030.shtml (дата обращения 11.12.2020).

«зверским, губительным злоупотреблением»²⁰². Угрызения совести и «нестерпимое раскаяние»²⁰³ остались на всю жизнь Валевицу после убийства на поединке Дольского, с которым в других обстоятельствах они могли бы стать близкими друзьями. События, которые привели героев к дуэли в «Поединке», отличаются от причин в повестях Н.Ф. Павлова и В.А. Соллогуба. Поведение Валевицы близко к бретерскому²⁰⁴. Поддавшись зависти, тщеславию и желанию отомстить отвергнувшей его женщине, Валевиц играет чувствами Юлии и Дольского, шантажирует их, пытаясь вывести Алексея из равновесия: «Я ожидал, что в порыве отчаяния он найдет или придумает случай вызвать меня на поединок...»²⁰⁵. Ему это удается: когда Валевиц был готов ложно назвать Юлию своей любовницей, Дольский, желая сберечь ее доброе имя, вызывает его на дуэль.

Примечательно, что самого слова «дуэль» в «Именинах» Н.Ф. Павлова нет, в отличие от повестей В.А. Соллогуба и Е.П. Ростопчиной. Первый намек на произошедший поединок появляется в начале произведения во время второй встречи Н. и рассказчика: «он хромал, и когда я спросил, отчего, то получил ответ: «пуля...» - и только»²⁰⁶. Такой ответ говорит, что была затронута неприятная для Н. тема, на которую не принято распространяться. Нет описания вызова, но очевидно, что он исходил от Н.: «Мне... тесно с ним под одним солнцем... мы встретились...»²⁰⁷.

В России не существовало официального дуэльного кодекса, но негласные правила, основанные на традиции, были жесткими. Согласно им,

²⁰² Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож. лит., 1989. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0030.shtml (дата обращения 11.12.2020).

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Бретер – охотник драться на дуэли, ищущий малейшего повода для вызова на дуэль (Толковый словарь русского языка: В 4 т. / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.Н. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М., Государственный институт «Советская энциклопедия»: ОГИЗ, 1935. Т.1. Стб. 187).

²⁰⁵ Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож. лит., 1989. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0030.shtml (дата обращения 11.12.2020).

²⁰⁶ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 21.

²⁰⁷ Там же. С. 43.

«на дуэли мог драться только дворянин»²⁰⁸, «дуэль могла состояться только между благородными людьми»²⁰⁹. В повести потомственный дворянин вызвал на дуэль бывшего крепостного. Этим он признал его равным себе, отдавая должное силе духа и воинской доблести, ведь по кодексу чести храбрость, бесстрашие были основными качествами благородного человека. Итог дуэли трагичен. Повесть заканчивается словами Н.: «Он не встал, я хромаю»²¹⁰.

Другие произведения, написанные в жанре светской романтической повести, в которых присутствует ситуация дуэли (А.А. Бестужев-Марлинский «Испытание», А.Ф. Вельтман «Эротиды», Е.А. Ган «Суд света», В.Ф. Одоевский «Княжна Мими» и др.) появились во время наибольшего их распространения и, одновременно, самого жесткого запрета на проведение и даже упоминание. При отсутствии официальных источников именно романтические повести можно считать историческими документами, в которых содержатся достоверные сведения об этом «уникальном феномене»²¹¹: причины поединков, часто связанные с любовью (оскорбленное самолюбие (Н.Ф. Павлов «Именины» и В.А. Соллогуб «Большой свет»), защита чести любимой женщины (Е.П. Ростопчина «Поединок»); участники (очень часто это были военные, и в каждом из анализируемых произведениях хотя бы один из дуэлянтов – офицер); оружие (во всех трех повестях герои стреляются из пистолетов); присутствие секундантов (они упоминаются в «Большой свете» В.А. Соллогуба и «Поединке» Е.П. Ростопчиной); возможный исход (в произведениях Н.Ф. Павлова и Е.П. Ростопчиной один из дуэлянтов погибает, другой получает ранение, в повести В.А. Соллогуба дуэль не состоялась); наказание за

²⁰⁸ Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб: Азбука, 2014. 490 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/547363-kniga-o-russkoy-dueli.html> (дата обращения 19.02.2020).

²⁰⁹ Ильченко Н.М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. С. 65.

²¹⁰ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 43.

²¹¹ Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб: Азбука, 2014. 490 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/547363-kniga-o-russkoy-dueli.html> (дата обращения 19.02.2020).

участие в поединках (выжившие офицеры из произведений В.А. Соллогуба и Е.П. Ростопчиной переводятся в другие полки, герой Н.Ф. Павлова избегает наказания); отношение современного авторам общества к дуэлям (поддержка традиции, но часто неодобрение (В.А. Соллогуб «Большой свет») и осуждение (Е.П. Ростопчина «Поединок»).

Мотив дуэли нередко является сюжетообразующим, а ситуация поединка помогает в полной мере раскрыть образ романтического героя, показать исключительный характер в исключительных, драматических обстоятельствах. В повести Н.Ф. Павлова «Именины», на первый взгляд, этот мотив не играет значительной роли. Однако именно дуэль, хотя в повести нет ее подробного описания, является развязкой сюжета. Для С. – это трагический финал столкновения с нравами крепостнического общества, борьбы за любовь и счастье, для Н. – попытка кровью соперника заглушить обиду, но спокойствия и мира в его душу это не приносит. Дуэль стала единственно возможным окончанием конфликта, к ней сводятся обе линии уязвленной чести, связанные с образами главных героев.

Повесть «Аукцион» - второе произведение сборника «Три повести». Однако впервые оно была опубликована в журнале «Телескоп» (1834, № 9), чему предшествовала активная переводческая деятельность Н.Ф. Павлова. Иногда он использовал сюжеты, отдельные ситуации переводимых произведений, наполняя их новым содержанием. Так, повесть «Аукцион» можно сравнить с переведенной им для журнала «Телескоп» повестью Ип. Люка «Клятва женщины». Ситуации, лежащие в основе этих повестей, сходные: узнав об измене, герои решают отомстить женщинам, которые предали их любовь. В своем оригинальном произведении Н.Ф. Павлов отказывается от прямых выводов («Для женщины, которая любит двух, нет границ»²¹² - эти слова говорит герой Ип. Люка Адольф Ренвиль обманувшей его Лилии перед тем, как покончить с собой на ее глазах) и обращается к социальному рассмотрению ситуации. Исключительная ситуация,

²¹² Люк Ип. Клятва женщины. Сцены из современной жизни // Телескоп. 1834. Ч. XXI. С. 39.

положенная в основу повести Ип. Люка, заменена более жизненной. Способ отмщения герой Н.Ф. Павлова, имя которого обозначено буквой Т., выбирает под влиянием светского общества.

Повесть названа «Аукцион», что символизирует продажность отношений в свете: покупателем становится тот, кто предлагает более высокую цену за вещь, а вещью здесь становится красавица-княгиня, изменившая Т. Уже в названии автор фиксирует свое критическое отношение к большому свету, к той среде, где нет места ничему искреннему и настоящему. Красота, молодость, чувства, отношения, любовь – все становится здесь предметом торга и подчинено его законам. Само появление в свете - это способ как можно выгоднее продать себя.

Повесть символически начинается с описания представления в Большом театре, где собрался цвет московского высшего общества. Но эти люди не наслаждаются искусством: «В Большом театре играли одну из тех бесчисленных пьес, которых никто не слушает»²¹³. Кто-то демонстрирует себя, назначая начальную цену как можно выше, кто-то оценивает. Вот красавица-княгиня, в которой «все заставляло мечтать, все закрадывалось в сердце», вокруг «небрежно раскинувшись на креслах, поводили невнимательными лорнетами московские денди...»²¹⁴. Все они – участники одного аукциона.

В описании публики предстает обобщенный портрет современной Н.Ф. Павлову светской молодежи: «московские денди, Чайльд-Гарольды, Онегины»²¹⁵. Дендизм зародился в Англии в конце XVIII века и имел две противоположные интерпретации. С одной стороны, это было противостояние французской утонченности, перешедшее в романтическое бунтарство, которое выражалось в нарочито экстравагантном, вольном, «неприличном» для представителя светского общества поведении, активном

²¹³ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 44.

²¹⁴ Там же. С. 45 – 46.

²¹⁵ Там же. С. 45.

противопоставлении себя обществу. Такой образ жизни и мыслей был отличительной особенностью личности Д.Г. Байрона – создателя знаменитого Чайльд-Гарольда. Иную природу индивидуализма раскрыл Джордж Бреммер, который мещанству, духовной ограниченности общества противопоставлял утонченность, одиночество и мечтательность, соединенные с наглостью и цинизмом.

В России дендизм не имел глубокой идеологической основы, поэтому проявлялся в основном в поведенческой модели и внешних атрибутах: небрежность позы, демонстрация равнодушия, невнимательность, которую можно наблюдать у героев повести «Аукцион», особое внимание к внешности. В облике денди важной деталью были очки, которые стали деталью, подчеркивающей отрицание светских ограничений. По правилам приличия в России XVIII века смотреть через очки на старших по возрасту или служебному положению, а также на женщин считалось дерзостью. Русский дендизм ввел в моду лорнет. Рассматривание в лорнет или зрительную трубу ложи, где сидели дамы, являлось «специфической чертой дендистского поведения»²¹⁶, которое демонстрирует и главный герой повести Н.Ф. Павлова Т.: «Его двурога трубка, блуждая в пространстве залы, останавливалась на одном и том же предмете»²¹⁷.

Не только молодые люди в театре заняты прекрасной женщиной. Она – центр внимания и для другой части публики: «Некоторые барыни, высовываясь из беневолютов, спрашивали: «Скажите, где сидит польская графиня?»²¹⁸. Перед нами праздные представительницы света, ничем глубоко не интересующиеся. Для них выход в театр – возможность показать наряды, обсудить присутствующих или очередную сплетню.

В повести находит отражение одна из самых ярких составляющих дворянской культуры XIX века – бальная традиция. Сезон балов приходился

²¹⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПб, 1999. С. 130.

²¹⁷ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 45.

²¹⁸ Там же.

на зиму, и в повести ощущается ее атмосфера. «Засверкал огонь, затрещал камин» в доме Т. после его встречи с княгиней в театре; «в одно утро его карета перестала скрипеть по снегу» у ее дома; «зимнее солнце»²¹⁹ добавляло штрихи к прекрасному облику княгини.

Мотив бала имеет в повести сюжетобразующее значение, соединяясь с мотивами игры и маски. Он возникает после того, как главный герой принимает решение отомстить красавице, обманувшей его чувства. С этого момента и его, и княгиню как будто подхватывает безудержный и безумный вихрь, который переходит в образ бала: «В самом деле, он прилежно старался нравиться: вертелся, рассыпался, силился показать, что угорел в чаду света, что без ума весел и без памяти счастлив! Княгиня замелькала в вихре зал, и наступила минута затмения для сияющих звезд паркета»²²⁰. Недаром с этого момента начинается игра между Т. и княгиней, «вписанная» в вальс, самый романтический и волнующий балльный танец: «Когда на одном бале Т. подошел к ней в первый раз, приглашая вальсировать, боязливо подала она руку и потупила взоры. Что ни делай, каков ни будь, а совестно встретиться с человеком, против которого был неправ. ... Иногда Т., вальсируя с княгиней, жал ей руку: он извинялся поэтическим забвением; она не сердилась»²²¹. В героях, несомненно, живы воспоминания о любви, как будто живы былые чувства, но они подчинены правилам светской игры.

Повесть В.А. Соллогуба «Большой свет» имеет подзаголовок «Повесть в двух танцах». С первых же страниц также приходит ощущение, что не бал является частью жизни изображаемого общества, а жизнь и судьбы персонажей причудливым образом вписаны между фигурами и па вальса, кадрили и мазурки. Танец выступает и как прием организации текста: первая часть называется «попурри», вторая – «мазурка»²²². Открывается повесть

²¹⁹Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 49.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

²²² Ильченко Н.М. Поэтика образа танца в светской романтической повести // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014, № 2 (2). С. 176.

балом-маскарадом, на котором появляется главный герой Леонин. В нескольких фразах дан яркий образ петербургского бала в богатых интерьерах, с нарядными дамами и кавалерами, а метонимичные образы символично обобщают картину: «В углублении гремела музыка при шумном говоре фонтана. В зале и по лестницам толпились фраки в круглых шляпах, мундиры с пестрыми султанами, а вокруг их вертелись пищали маски всех цветов и видов. Было шумно и весело»²²³.

Как и в повести Н.Ф. Павлова, в произведении В.А. Соллогуба бал приобретает обобщающее символическое значение: жизнь высшего света – это бесконечный завораживающий праздник, жизнь напоказ, без глубоких чувств и настоящих эмоций, а основной мотив поступков участников – выгода. Используя атмосферу бала, женское обаяние и хитрость, графиня Воротынская влюбляет в себя Леонина, чтобы окончательно привязать к себе молодого человека, велит Щетинину привезти его на бал в ее доме.

Кульминацией «Аукциона» является сцена в доме княгини, когда Т., как ему казалось, сумел отомстить ей, жестоко уязвив женское самолюбие. Т. долго раздумывает над тем, как больнее отплатить княгине за обманутую любовь: можно пустить в свет ее письма, можно преследовать колкими насмешками. Однако он выбирает другой способ: притворившись влюбленным, бывает всюду, где появляется княгиня. Наконец, приезжает к ней для решительного объяснения, доводит княгиню до «страстного томления», а потом с насмешливой улыбкой «и самым учтивым тоном, с убийственным хладнокровием сказал: «Княгиня, ради бога, извините меня! Я от вас ничего не хочу, у вас есть святыя обязанности, а мне вы, другая... все равно»²²⁴. Т. был доволен, увидев красавицу в полуобморочном состоянии после перенесенного унижения. Кажется, что «карты раскрыты», игра закончена.

²²³ Соллогуб В.А. Большой свет // Соллогуб В.А. Избранная проза / Сост. В. А. Мильчиной; Вступ. статья и прим. А.С. Немзера; Ил. Ю.М. Игнатьева. М.: Правда, 1983. С. 67.

²²⁴ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 51.

Кульминационный момент повести – объяснение с княгиней – обрамлен встречей Т. с ее мужем. «А я на аукцион, - сказал ее муж, встретившись в передней с Т.», «А я с аукциона, - сказал ему князь, встретившись опять в передней»²²⁵. В образе князя представлен тип человека светского общества, для которого вся жизнь – это купля-продажа. Ему повезло, когда он «купил» себе жену, молодую, красивую «игрушку» общества, которой можно любоваться и получать с этого выгоду. В нем нет ни ревности, ни недовольства ее успехом у других мужчин. Он не утруждает себя даже формальным проявлением заботы. Так, в начале повести после спектакля «... вместо того чтоб – по долгу учтивости и покровительства, которым сильный обязан слабому, - очищать дорогу, он спокойно шагал по следам жены, предоставляя ей право продираться первой сквозь невежливую толпу»²²⁶.

Однако Т., столь продуманно разыгравший «спектакль» с княгиней, ошибся. Истинная развязка и кульминация игры наступает немного позднее и вновь на балу: «В этот день был бал, на который съехалась почти вся Москва»²²⁷. Вечером, по привычке явившись на бал, он неожиданно встречается с княгиней. Т. был уверен, что княгиня долго не оправится от удара по ее женскому самолюбию. Она же весело танцевала, а шум толпы выражал восторг очаровательной женщине. Очевидно, что княгиня «переиграла» Т. Он был движим искренним, пусть и не самым благородным, чувством обиды и жаждой мести. Но игра, к которой привыкла одна из самых ярких представительниц высшего света, была более искусной. Ничто не в силах тронуть или задеть женщину, для которой жизнь – это бесконечное блестящее притворство. Данная сцена символична и напрямую связана с названием повести: бал – своеобразная «выставка», часть всеобщего аукциона, где все танцуют, блистают, веселятся, скрывая свои истинные

²²⁵ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 33.

²²⁶ Там же. С. 29.

²²⁷ Там же. С. 51.

чувства с целью как можно дороже продать свою молодость, красоту, возможности.

Автор внезапно останавливает повествование: «Я отвернулся от нее: я подвержен бессонницам»²²⁸, предоставляя читателям сделать выводы. Вместе с тем повесть «Аукцион» выражает законченную мысль в художественной системе Н.Ф. Павлова – истинные чувства невозможны в светском обществе. Открытый финал позволяет размышлять о прочитанном.

Таким образом, Н.Ф. Павлов, усвоив в качестве переводчика достижения французских писателей – мастерство психологического анализа, технику построения произведения, романтический колорит – значительно углубил содержательную сторону произведения. В повести «Аукцион» он переосмыслил ситуацию (поведение героя, «которого оставили»), лежащую в основе повести И. Люка «Клятва женщины». В повести Н.Ф. Павлова фактически отсутствует романтический колорит (предчувствия, вещий сон, клятва в полночь, значимые в повествовании французского писателя). Русского писателя интересовали мотивы поступков героев, которые связаны с определенными нормами поведения светского общества.

Название – это первый элемент, «визитная карточка» текста, емко и образно передающий основную тему или идею. Заголовок произведения часто имеет символическое значение, что проявилось в названии повести «Аукцион», а также в последней повести первого сборника «Ятаган». С одной стороны, оно отсылает к легендам о смелости и отваге турецких янычар, которые были неразлучны со своим грозным оружием. Но в первой фразе эпиграфа ятаган лишен привлекательности, его лаконичное описание звучит настораживающе: «В руке у него был какой-то скверный тесак...»²²⁹. Этими словами автор дает понять, что с ним будут связаны трагические события в жизни героев.

²²⁸ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 33.

²²⁹ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 52.

В авторских размышлениях предстает живая картина общественных отношений России первой трети XIX века. Социальное положение человека зависело «от его места в служебной иерархии»²³⁰, которая была определена в принятой по указу Петра I в 1722 году «Табели о рангах». Этот документ делил все виды государственной службы на воинскую, статскую и придворную, но уже в самом полном названии документа было обозначено преимущество военной службы перед прочими: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был»²³¹. Общее предпочтение было обусловлено и характером государственного управления: «русские императоры были военными и получали военное воспитание и образование»²³², а Николая I исследователи называют самым «военным» из русских царей²³³. Преимущественное положение военных в обществе передано и в повести «Ятаган». Время описываемых событий Н.Ф. Павлов определяет как эпоху «торжества» военных: «Все благоговело перед мундиром или бредило мундиром»²³⁴. Ю.М. Лотман в книге «Беседы о русской культуре» назовет это «культура мундира». Показательно, что главными героями большого количества литературных произведений первой половины XIX века становятся военные (А.С. Пушкин «Выстрел», А.А. Бестужев-Марлинский

²³⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПБ, 1999. С. 23.

²³¹ Петр I. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VI, 1720—1722, № 3890. С. 486.

²³² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПБ, 1999. С. 25.

²³³ Малышев С.А. Военный Петербург эпохи Николая I. М.: Центрполиграф, 2012. 397 с. URL: https://thelibrary.ru/books/s_a_malyshhev/voennyy_peterburg_epohi_nikolaya_i-read-6.html (дата обращения: 25.05.2021).

²³⁴ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 55.

«Испытание, Е.П. Ростопчина «Поединок», В.А. Соллогуб «Большой свет» и другие).

Кроме того, военнослужащие всех рангов имели право наследственного дворянства, из-за чего «военная служба считалась преимущественно дворянской службой – статская не считалась «благородной»²³⁵. Поэтому в обществе сложилось и сохранялось почти два столетия не только благосклонное отношение к военным, но и, как следствие, ироничное, порой пренебрежительное, отношение к статским. Это отразилось и в повести Н.Ф. Павлова. Так, он сравнивает два низших чина военной и статской службы: «Корнет не то, что коллежский регистратор, исчадие чернил, рабочий грязных судов, безответный труженик опрятных канцелярий, который растёт помаленьку под бессмыслицей прозы в духоте четырех стен»²³⁶. Автор объясняет такое предпочтение и с психологической точки зрения. Благодаря особому отношению к военным в обществе, молодые люди, надев мундир, удовлетворяли свое честолюбие, им был гарантирован успех в свете и в любви.

Сюжет повести «Ятаган» основан на исполнении в действительности суеверной приметы, разрушившей жизнь главного героя и жизнь близких ему людей. Роковым событием становится дуэль корнета с тщеславным и заносчивым адъютантом. Значение мотива дуэли в повести нельзя до конца понять без анализа культурных особенностей русского дворянского общества. Нами уже отмечалось, что одной из самых интересных и противоречивых традиций России XIX века стала дуэль. Отношение в обществе к дуэлям и их участникам было неоднозначным. Запрещенность придавала романтичность ситуации, многие считали необходимым защищать честь любой ценой. Других отталкивала жестокость и трагичность последствий поединков, в которых виделось «своеобразное ритуальное

²³⁵ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПБ, 1999. С. 25.

²³⁶ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 54.

убийство»²³⁷. Если поводом был любовный конфликт, женщину-виновницу осуждали и одновременно завидовали ей. Н.Ф. Павлов также обращает внимание на особенность современных ему нравов: «Заманчиво быть причиной дуэли, приятно заставить умереть или убить – это к лицу женщине, это по душе ей»²³⁸.

Несмотря на то, что по закону участников дуэли ждало суровое наказание, смертная казнь не применялась. По замечанию Р. Хоптона, «поединки приобрели особенное распространение среди офицеров армии»²³⁹, за это их ждал перевод в менее престижное место службы и «разжалование в солдаты с правом выслуги»²⁴⁰. Об этом говорят и сюжеты художественных произведений. Полковник Велевич (Е.П. Ростопчина «Поединок») «был переведен ... из гвардии за какой-то проступок, которого начальники не разглашали»²⁴¹. Позднее он сам расскажет, что это была дуэль, на которой он убил товарища. Леонина, героя повести В.А. Соллогуба «Большой свет», начальство выслало из Петербурга за одно только намерение участвовать в дуэли.

В повести Н.Ф. Павлова Бронин, принявший вызов, убивает адъютанта и его переводят из Петербурга под начальство знакомого полковника простым солдатом. Забота матери и любовь княжны Веры дают ему силы стойко переносить все тяготы своего положения. Княжна по-женски старается помочь Александру: окружает нежностью и вниманием (его подушка вышита ею), просит отца принять участие в его судьбе, пускает в ход женское очарование в общении с полковником. Она романтизирует

²³⁷ Ильченко Н. М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. С. 63.

²³⁸ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 70.

²³⁹ Хоптон Р. Дуэль. Всемирная история / Ричард Хоптон; [пер. с англ. А. Колина]. М.: Эксмо, 2010. С. 373.

²⁴⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПБ, 1999. С. 176.

²⁴¹ Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож. лит., 1989. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0030.shtml (дата обращения 11.12.2020)

ситуацию и образ солдата, но искренне готова отказаться от благ светской жизни ради него. Однако автор называет неожиданное препятствие к их браку. Княжна не видит возможности отдать руку Бронину из-за общественных правил, так как «солдату нельзя ездить в карете»²⁴². В этом проявляется проникновение социальной темы в конфликт произведения.

В начале повести Н.Ф. Павлов определяет время повествования как эпоху, когда «военные... торжествовали на всех сценах»²⁴³. Контрастом к всеобщему восторгу автор правдиво показывает строгость, телесные наказания, которые стали обычным явлением в николаевской армии. Так на первый план выходит непривычная для литературы 30-х годов XIX века тема жестокости, царившей в военной среде, а с ней другая сторона армейской жизни. «Легендарно суровая дисциплина николаевской армии считалась главным условием порядка и безопасности государства, позволяла императору надеяться на беспрекословное подчинение, верность долгу и присяге, непоколебимую стойкость и самопожертвование своих войск»²⁴⁴. В жизни нередко дисциплина превращалась в диктатуру, требовательность – в самодурство, строгость – в жестокость. В словах полковника звучит и угроза, и описание страшной армейской реальности: «Я покажу тебе только, как бледно может быть лицо, как впалы щеки и как мутны глаза...»²⁴⁵. Ему не представляет труда уничтожить простого солдата. Он уверен в себе. Никто его не остановит и не посмеет осудить: «Ты мой при свете солнца, при тысяче глаз»²⁴⁶. Прикрываясь требованиями к дисциплине и строевой подготовке, полковник дает волю ярости и гневу, что воспринимается как нормальное поведение командира, оправданное тем, что «несносно, когда

²⁴² Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 86.

²⁴³ Там же. С. 54.

²⁴⁴ Малышев С.А. Военный Петербург эпохи Николая I. М.: Центрполиграф, 2012. 397 с. URL: https://thelibrary.ru/books/s_a_malyshev/voennyi_peterburg_epohi_nikolaya_i-read-6.html (дата обращения: 25.05.2021).

²⁴⁵ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 94.

²⁴⁶ Там же.

ученье идет дурно»²⁴⁷. Потеряв самообладание, не выдержав нарочитых придинок и издевательств, Бронин дерзко ответил полковнику, и за «нарушение дисциплины» его высекли²⁴⁸.

Примечательно, что по Полевому уголовному уложению 1812 года, которое действовало во время написания «Ятагана», дворяне освобождались от телесных наказаний, но Бронин, разжалованный в солдаты, не избежал этого. Его слова в адрес полковника на учениях, в первую очередь, были «нарушением дисциплины, на которую опирается общее благосостояние»²⁴⁹. Современники отмечали, что «после известных событий декабря 1825 г. и воцарения Николая I в армии вновь стало входить в норму грубое с офицерами и жестокое с нижними чинами обращение»²⁵⁰. Поэтому другими солдатами это воспринимается как обыкновенное дело. «Возвращаясь с ученья, некоторые солдаты рассуждали между собой о преимуществах толстой рубашки перед тонкою»²⁵¹, видимо, вспоминая свой опыт.

Произошедшее было тяжелым ударом для чести молодого человека. Для дворянина главным средством восстановления достоинства была дуэль. Находясь в положении бесправного солдата, испытав унижение, Бронин не мог поступить по закону чести. Из этой ситуации для него не было выхода. Александра не радует ни письмо от княжны, ни известие о помиловании. Он воспринимает это как «насмешку судьбы».

²⁴⁷ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 95.

²⁴⁸ Телесные наказания в русской армии имеют свою историю. Основным документом юридической реформы Петра I был Воинский устав, утвержденный в 1716 году. Годом ранее (1715) было издано приложение к нему – Артикул воинский, который по сути являлся первым военно-уголовным кодексом. Основным моментом было то, что вина определялась не как отступление от этических или религиозных норм, а нарушение дисциплины и субординации. Кроме военной иерархии, порядка службы Артикул устанавливал систему наказаний, в том числе телесных. По мнению историков, Петр I взял за основу западноевропейское законодательство. Например, у шведов было заимствовано печально знаменитое наказание шпицрутенами (битье металлическими шомполами)

²⁴⁹ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 96.

²⁵⁰ Сидоркин А.И. Воинские наказания в Российской империи (1725-1855 гг.) // Lex Russica. М.: Изд-во МГЮА, 2013, № 5. С. 542-559. URL: <https://regiment.ru/Lib/C/411.htm> (дата обращения: 26.06.2021)

²⁵¹ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 96.

Удивительно, но никто из героев не связывает череду драматических событий с плохой приметой – подаренным ятаганом. О нем как будто забыли. Однако, когда у Бронина зародилась отчаянная мысль, «безобразный умысел»²⁵², ятаган, ухоженный и отчищенный, напоминает о себе ярким блеском из новых ножен: «Драгоценный ятаган засверкал на стене»²⁵³. Как будто замороженный этим блеском, Бронин «вдруг подошел к ятагану, дико стал перед ним и впился в него глазами!..»²⁵⁴. В момент принятия окончательного решения «он снял ятаган со стены...»²⁵⁵. Пробравшись ночью к дому полковника, утром Бронин убивает его турецким кинжалом. Картина ночной улицы, по которой крадется солдат, символична: «Месяц разделил широкую улицу села на две резкие половины: светлую и мрачную...»²⁵⁶. Она передает душевную борьбу героя перед совершением убийства, а жизнь Бронина и близких ему людей навсегда разделилась на «до» и «после». Мечты о будущем, счастье и любовь остались в светлом прошлом, впереди – страдания и смерть. Перед тем, как пойти в церковь, полковник «пасмурно сказал кому-то: «Помирите меня с ним»²⁵⁷. Он готов был пойти на примирение, возможно, осознав, что поступил с ним негуманно и бесчестно. Но это уже ничего не могло изменить. За убийство полковника Бронин был приговорен к прогнанию сквозь строй, которое входило в новую систему наказания военных, определенную в Полевом уголовном уложении 1812 года. Сама экзекуция изображается Н.Ф. Павловым лаконично, мало эмоционально, человеческие страдания скрыты за многочисленными многоточиями. Изначально известен и исход. «Позади рядом прохаживался лекарь», для фиксации смерти, «и вблизи дожидалась тележка...»²⁵⁸ для мертвого.

²⁵² Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 99.

²⁵³ Там же. С. 98.

²⁵⁴ Там же С. 99.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же. С. 100.

²⁵⁸ Там же.

Таким образом, в повести Н.Ф. Павлов «Ятаган» нашли отражение особенности социального устройства общества (социальная иерархия, преимущественное положение военных, которое поддерживалось государством), одна из характерных традиций русского дворянства (дуэль), а также наиболее острые темы и проблемы современной автору действительности (строгая дисциплина, действующая в армии, переходящая в жестокость, несправедливость и безжалостность к низшим сословиям). Последнее было смелым шагом для литературы 1830-х годов. Социальная тематика в повести переплетается с общечеловеческой и нравственной проблематикой (милосердие и жестокость, подлость, использование своего превосходства против слабого).

Однако в целом повести присущи основные черты романтической светской повести: дается описание быта и времяпрепровождения представителей высшего света (жизнь князя с дочерью в деревенском поместье и столице), характеров и нравов военной элиты (высокомерие адъютанта, заносчивость полковника), присутствует любовная интрига (чувства княжны и Бронина, ее «игра» с полковником), свет становится враждебным к главным героям, попавшим в драматические обстоятельства, но сохранившим свои чувства.

Повесть «Маскарад», написанная в 1835 году, была включена первой во второй цикл прозаических произведений Н.Ф. Павлова «Новые повести». Уже самим названием автор дает читателю установку на праздник, игру и интригу.

Мотив маскарада, игры, маски находит широкое распространение в русском искусстве эпохи романтизма, органически вписываясь в его поэтику. Игра становится «яркой формой мифообразования романтической и постромантической эпохи»²⁵⁹. С этими явлениями связано внимание к загадочному, фантастическому; изображение героев с необычной судьбой и

²⁵⁹ Чернышева Е.Г. Мифопоэтические мотивы в русской фантастической прозе 20 - 40-х годов XIX века : автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. С. 29.

неординарным характером, имеющим некую тайну; отражение критического взгляда на нравы светского общества 30-х годов XIX века. «...Игровые мотивы позволяли открывать и "поэзию действительности", и высшие ценности бытия, и его трагические антиномии»²⁶⁰.

Особое значение в развитии сюжета и судьбах героев приобретает тема бала-маскарада. К ней обращались А.С. Пушкин («Евгений Онегин»), Е.А. Баратынский («Цыганка» (1831)) В.Ф. Одоевский («Княжна Зизи» (1839)), В.А. Соллогуб («Большой свет»), Е.А. Ган («Идеал») и другие; в названии произведений образ маскарада выносили М.Ю. Лермонтов («Маскарад»²⁶¹), В.Д. Дмитриев («Маскарад»), В.А. фон Роткирх («Мертвец в маскараде») и другие. Мотив бала и танца играет сюжетобразующую роль в повестях Н.Ф. Павлова «Аукцион», В.А. Соллогуба «Большой свет», А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание»; мотив маскарада, игры и загадки является ведущим в драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад» и одноименной повести Н.Ф. Павлова; маску под маской «одевает» героиня повести В.А. Соллогуба «Большой свет». Пушкин задает традицию критического изображения маскарадности жизни, воплощенной в образе ослепляющего праздника, на котором под маской внешней роскоши прячется духовная нищета. В VIII главе романа в стихах «Евгений Онегин» Татьяна готова отдать «Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад...»²⁶² за простые, близкие душе вещи и искренние чувства.

Бальный сезон в Москве приходился на зиму, его разгар – на святки. С первых строк повести «Маскарад» автором создается атмосфера святочных вечеров, рождественского праздника, воплощенного в образе бала-маскарада «в одном из старинных домов Москвы»²⁶³. Не менее знамениты были

²⁶⁰ Чернышева Е.Г. Мифопоэтические мотивы в русской фантастической прозе 20 - 40-х годов XIX века : автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. С. 29.

²⁶¹ Рассматривается финальный вариант пьесы.

²⁶² Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 162.

²⁶³ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 104.

святочные балы Петербурга. Например, «один из самых блистательных балов... три дня после рождества»²⁶⁴ описывает А.А. Бестужев-Марлинский в повести «Испытание»; герои повести А.А. Соллогуба «Большой свет» встречаются на маскараде.

В описании бала и его участников присутствуют все «основные составляющие маскарада»²⁶⁵, которые выделяет Т.И. Печерская в работе «Историко-культурные истоки мотива маскарада»: театральность, игра, пространство бальной залы, традиционные маски, маскарадные костюмы, интрига. Упоминаются маски-аллегории (История – правда, Повесть – обман), маски и костюмы героев итальянской комедии дель арте (черная венициана Левина, домино), костюмы разных национальностей (еврейка, турчанка, черкешенка). Автор подробно описывает танцевальную залу, делая акцент на ее необычности: «Это была не зала... Это была гостиная, обращаемая иногда в залу, это была зала в старинном уборе гостиной»²⁶⁶. Комната поражает красотой и роскошью, в отличие от обычных зал, где были лишь «голые стены, ряд стульев»: «легкий свод потолка», напоминающий небо; карниз с «завитками коринфского ордена»; золото и шелковые ткани; «тяжелая бронза ... на малахитах и мозаиках»; «предметы искусств, рассыпанные щедрой рукой»²⁶⁷. Все это производит впечатление театральных декораций, а гости напоминают актеров, которые в пространстве, полном «волшебного обаяния мраморов, света и живописи», в костюмах «всех народов, всех веков и женской фантазии»²⁶⁸, играют каждый свою игру среди общего представления – маскарада. Поведение графини с толпой

²⁶⁴ Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 68.

²⁶⁵ Печерская Т.И. Историко-культурные истоки мотива маскарада // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сюжет и мотив в контексте традиции: сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. С. 25.

²⁶⁶ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 110.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 110.

поклонников, лица которых скрыты за традиционными масками, старающимися привлечь к себе ее внимание, - тоже игра. Ее взгляды и слова, очаровывающие «всенародной приветливостью», оказываются лишь «дешевым участием»²⁶⁹. Играет она и с «неугомонным» дядей, пытаясь уйти от его пристального внимания и опеки, и с таинственной маской, скрывая за спокойствием волнение от намеков о равнодушии Левина.

В раскрытии тайны Левина также находит развитие мотив игры и маски. Из рассказа доктора ясно, что это необыкновенный человек, непохожий ни на кого из окружения графини. Уже с молодых лет внутренне он был независим от законов света, «на нем не лежало ярмо светского подданства»²⁷⁰. Богатство, знатность, признание не приносили ему счастье. Наделенный способностью глубоко мыслить и чувствовать, горящий желанием найти себе применение, он не мог жить праздно, без цели. Но в светском обществе все эти качества были не нужны, «на всякого налагалось только единственное условие – занять в комнате известное пространство»²⁷¹. Жизнь света, как театральная пьеса, идет по установленному сценарию, а его члены – «нарядные куклы»²⁷². Единственный выход, который находит для себя герой, – создание семьи, где он видит «бесконечную деятельность для души, самое приятное занятие уму»²⁷³, обретение семейного счастья.

Однажды на балу герой встречает необыкновенную девушку, которая возвращает ему интерес к жизни. Автор делает акцент: «Все танцевало, она нет. Одно это обстоятельство как-то располагало к ней душу»²⁷⁴. Ее непохожесть на других, некая отчужденность, неброская красота покоряют Левина. Главные характеристики ее образа, которые дает автор через слова доктора, - очарование, одухотворенность и нравственность. Став женой Левина, героиня не только не утрачивает своих прекрасных душевных

²⁶⁹ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 108.

²⁷⁰ Там же. С. 127.

²⁷¹ Там же. С. 128.

²⁷² Там же. С. 131.

²⁷³ Там же. С. 132.

²⁷⁴ Там же. С. 134.

качеств, но и проявляет новые – искренность, сострадание к ближнему, участие в судьбе бедных. Семейная жизнь героев, описанная со стороны, предстает как гармоничный союз абсолютно счастливых людей, искренне любящих и доверяющих друг другу. Несколько настораживает одно замечание, сделанное доктором, пусть и в положительном смысле: «Жена его вечно была одинакова»²⁷⁵. Однако далее становится ясно, что это тоже была игра, а искренность, «ровный, кроткий, задумчивый ее нрав»²⁷⁶ – постоянная маска, помогающая создать впечатление, достичь определенной цели и скрыть порок.

Неожиданно идиллия «мирного счастья»²⁷⁷ рушится, прекрасная сказка оказывается обманом. Молодая жена заболевает и перед смертью пытается уничтожить письма любовника, одно из которых все же попадает в руки Левина. Автор прямо не говорит, почему она хотела избавиться от писем. Искреннее раскаяние приводит к исповеди, однако Левин не услышал от нее признания. По-видимому, стремление скрыть измену было продиктовано не раскаянием и заботой о чувствах Левина, а явилось продолжением игры. Она не могла позволить себе выйти из образа «милого, непостижимо-заманчивого творения»²⁷⁸. Однако перед лицом смерти падает маска с жены и завеса с глаз мужа. На него обрушивается страшная правда: под добродетелью и любовью скрывались порок и ложь. Такого удара он выдержать не мог. Живший с открытым сердцем, искренний, чуждый светской игре, Левин сам превращается в холодную маску, а его жизнь после предательства – в «послушание актера, который должен же доиграть и лишнее действие драмы»²⁷⁹.

²⁷⁵ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 139.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. С. 136.

²⁷⁸ Там же. С. 134.

²⁷⁹ Там же. С. 126.

Таким образом, изображение бала-маскарада в начале повести переходит в изображение «маскарада» жизни. И прямой, и переносный образ маскарада связан с мотивами маски и игры.

В следующей повести «Демон» Н.Ф. Павлов создал портрет мелкого чиновника, «маленького человека», раздираемого противоречиями, но стремящегося к своей цели. Бытовые описания, которым отведено значительное место в произведении, имеют важное значение в раскрытии образа главного героя, вносят элемент жизненности, реалистичности.

Композиционно и образно повесть полностью построена на антитезе и контрасте. В начале повести автор подробно описывает комнаты дома Андрея Ивановича, останавливается на деталях интерьера, которые становятся своеобразным ключом к пониманию его рода занятий, характера, образа мыслей и произошедших внутренних перемен. Дом на Петербургской стороне, небольшая комната в роли кабинета, дешевая сальная свеча вместо восковой говорят о невысоком достатке чиновника. Чистота – об аккуратности, учитывая, что в доме нет прислуги. «Главное украшение кабинета» составляли деловые бумаги, которые он переписывает набело, чем и зарабатывает на жизнь. Как положительную особенность автор выделяет то, что герой не стремится к иностранному, комната наполнена исключительно «своим, родным»: «книга русского писателя, картинка русского художника, процесс русского суда и соловей русской рощи»²⁸⁰. В отечественной поэзии соловей стал образом-символом русской природы, вольной русской души, полной романтических чувств. К этому образу обращались в своем творчестве такие поэты и писатели-романтики, как А.С. Пушкин, А.А. Бестужев-Марлинский, А.В. Кольцов, П.А. Катенин и другие. На стихотворение А.А. Дельвига «Русская песня» А.А. Алябьев в 1820-е годы написал знаменитый романс «Соловей».

²⁸⁰ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 152.

Описание комнаты жены чиновника, расположенной рядом с кабинетом, автор дает чередой бытовых предметов, вещей (туалет красного дерева, новые перчатки, склянка с духами и т.д.), по которым становится ясно, Андрей Иванович «добрый муж». Он не жаден и все заработанные деньги тратит на создание для жены возможного комфорта и уюта. Он искренне заботится о ней, и только с ее стороны кровати постелен красивый ковер, защищающий ноги от холодного пола.

Таким образом, перед читателем предстает образ героя, небогатого чиновника, без особых притязаний к жизни, но доброго, трудолюбивого, «добродетельного». Однако заманчивый и коварный «демон» Петербурга проникает в его жизнь и мысли: «Свежий воздух и черные мысли пахнули с Невы»²⁸¹. Великий город, являясь символом цивилизации, развития, красоты, одновременно полон порока. Это влияние чуждо для русской души, воспитанной в христианской морали, оно убивает ее: «Влияние этой ночи было пагубно Андрею Ивановичу»²⁸². Размышления в комнате жены, наложенные на образы Петербурга, приводят его к неожиданному решению. Он страдает от того, что не может дать молодой женщине большего, что она лишена радостей богатой жизни, но выход из ситуации находит именно за счет ее красоты и молодости, которые можно выгодно предложить начальнику.

Кабинет начальника, где состоялся судьбоносный для Андрея Ивановича разговор, описан очень подробно. Здесь все по-другому. Просторная комната, большие окна, дверь, которые кажутся чиновнику огромными. На длинном столе стоят «великолепные часы» и много подсвечников. Комната заполнена дорогими вещами, среди которых нет ни одной русской: «Ландкарты французские, книги французские, гравюры,

²⁸¹ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 155.

²⁸² Там же. С. 157.

литографии французские, ковер английский»²⁸³. Все говорит о богатстве, статусе и оторванности от русской жизни.

Внутренние перемены, которые произошли с Андреем Ивановичем, Н.Ф. Павлов наглядно иллюстрирует изменением его быта. В конце повести автор вновь описывает дом Андрея Ивановича, но уже новый: «Андрей Иванович сообразил все эти неудобства и переехал»²⁸⁴. В нем также есть кабинет, но его хозяин «не все перевез с собой»²⁸⁵. Изображая кабинет начальника и новое жилище чиновника, как его повторение, Н.Ф. Павлов использует традиционную романтическую оппозицию «свое – чужое», противопоставляя русское и иностранное, европейское. Вместо русских книг и картин в кабинете появились «бронзовые часы», «парижские картинки», а «каждое кресло работал немец»²⁸⁶. «Старый друг» соловей исчез, стал лишним в новой жизни и комнате. Совершенно другим выглядит и сам чиновник: с анненским крестом на шее, хорошо одетый, праздный, живущий за счет жены. Он уже не только не работает дома, но и пренебрегает службой. Несмотря на то, что способ достижения цели противоречил добродетели и морали, герой абсолютно доволен переменами в своей жизни и собой. Его душа продана «демон» богатства и тщеславия.

Второй сборник Н.Ф. Павлова «Новые повести» заканчивается повестью «Миллион». В ней органически соединяются основные признаки романтического произведения: заостренный психологизм, столкновение мечты и реальности, изображение героя необычной судьбы и неординарных душевных качеств. Вместе с тем, в этой повести присутствуют черты реалистической поэтики: обращение автора к реальной, современной действительности, интерес к деталям быта, правдивое описание жизни и нравов светского общества первой половины XIX века, критический взгляд и непредвзятость характеристик его представителей.

²⁸³ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 172.

²⁸⁴ Там же. С. 181.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же.

Н.Ф. Павлова с уверенностью можно назвать московским писателем. Почти всю жизнь он сам прожил в Москве. Дом Н.Ф. Павлова и его жены, поэтессы и переводчицы Каролины Яниш, был в 1840-е годы одним из центров культурной жизни. В своих повестях Н.Ф. Павлов создал своеобразный «портрет» современной ему Москвы и москвичей, ярко и образно изобразил город, в котором живут его герои.

Открывается «Миллион» зарисовкой из жизни московского дворянства. Вся первая часть повести целиком посвящена Тверскому бульвару, который в основном именуется просто «бульвар». Первоначально он так и назывался в действительности, так как был единственным в Москве. Практически сразу он стал местом прогулок и встреч дворянского общества, а такое времяпрепровождение традиционным. С первых строк Тверской бульвар предстает как «жизненное» пространство, в котором сталкиваются и сочетаются роскошь и простота, красота и высокомерие, зависть и желание показать свое превосходство. Все это образно передано в описании подъезда «великолепной четвероместной коляски»²⁸⁷, принадлежащей княжескому семейству и ее соревнование с каретой и «несчастливыми дрожками»²⁸⁸ за первенство на Тверском. Автор называет те сильнейшие человеческие чувства и качества, проявляющиеся на бульваре, которые являются движущей силой, «пружиной наших действий»²⁸⁹: «любовь», «честолюбие», «зависть», «тщеславие». Таким образом, бульвар воспринимается не просто как городская улица, а как своеобразная проекция жизни московского общества и человеческой жизни вообще.

Н.Ф. Павлов описывает его как «пространство, освещенное солнцем, обсаженное деревьями, усыпанное песком и наполненное какими-то лицами, шляпками, цветами, палками»²⁹⁰. Перед нами описание Москвы, восстановленной, реконструированной и вернувшейся к жизни после пожара

²⁸⁷ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С.183.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. С. 183.

²⁹⁰ Там же.

1812 года. Для восстановления города в 1813 году Александр I создал Комиссию для строения Москвы, а позднее утвердил Генеральный план города, согласно которому улицы должны были проектироваться прямыми и широкими, вокруг особняков требовалось разбивать сады. На это в своих произведениях обращали внимание писатели-современники Н.Ф. Павлова. В «Московских письмах» (1838) Н.И. Греча читаем: «Но главнейшее удобство Москвы есть *простор*, позволяющий окружать дома обширными садами»²⁹¹. В обновленном пространстве с новой силой начала кипеть жизнь. Здесь все чувства обострены, «все, что выходит из пределов обыкновенности... очень заметно, очень ярко у нас, во-первых, потому что в Москве просторно»²⁹².

Пространство Тверского бульвара является сюжетообразующим в повести. С ним связана завязка сюжета произведения, введение в повествование главных героев. Именно на бульваре появляются первый раз княжна Софья и Г... Для княжны Тверской – это ее сцена, место власти женской красоты и всеобщего восхищения зрителей: «Она ходила в полном блеске бульварной славы»²⁹³. Все, «молодые люди и пожилые холостяки, добивались чести пройти возле княжны»²⁹⁴. Из ее окружения видим, как богата была Москва гостями: «Беспреданно кто-нибудь возле нее, кто с Кавказа, из Петербурга, из Франции, из Англии, кто из Москвы»²⁹⁵. Ее движение по бульвару – это шествие «повелительницы», которая довольна своей властью, но и тяготится ею. В душе княжны рождаются противоречивые чувства. «Свет дал ей узнать, как приятно быть первой, дал отвесть блаженство неравенства»²⁹⁶, но она понимает, что ни один мужчина не смотрит на нее с искренним чувством и желанием. «В такие минуты она, может быть, чувствовала, что есть ужасного в известности, нестерпимого в

²⁹¹ Греч Н.И. Московские письма // Сочинения Николая Греча. Часть пятая. Мелкие сочинения. СПб, 1838. С. 106.

²⁹² Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 185.

²⁹³ Там же. С. 188.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же. С. 189.

славе»²⁹⁷. Ею любуются со стороны, как красивой вещью, используя ее блеск для того, чтобы выделиться самим.

Среди этого восхищенного равнодушия, кажется, один человек способен стать ее «избавителем». Г... отличается от всех на бульваре. Он не просто богат и привлекателен. С его появлением сразу становится понятно, что перед нами необычный человек, духовно выше и сильнее других: «...Шел не перелетный щеголь бульвара, шла судьба..»²⁹⁸. Даже княжна теряет всеобщее внимание: «Он мало-помалу делался центром бульвара»²⁹⁹. Г... тоже стремится оказаться рядом с княжной, но искренне и на равных. Под его взглядом исчезает все наигранное, напускное и легкомысленное. От него исходила сила и спокойствие, и «прежняя княжна исчезла»³⁰⁰, «терялась в его тени» и «слушалась»³⁰¹. Однако это человек с чутким сердцем и чистой душой, о чем говорила его «удивительно добрая улыбка»³⁰². До встречи с княжной Г... прошел тяжелый путь духовной борьбы. Аристократ по происхождению, волей судьбы он не ушел «от влияния века и попал в откупщики»³⁰³, что принесло ему огромные доходы. Его «благородное сердце» долго «страдало под ярмом тяжелого промысла»³⁰⁴. Однако постепенно «Г... привыкал жить с мыслию, что все продается»³⁰⁵. Автор подчеркивает двойственность его натуры, в которой «встретились два противоположных полюса: строгое благоразумие промышленника и идеальный порыв самого благородного сердца»³⁰⁶. Кажется, что княжна и Г... созданы друг для друга, дополняют друг друга и могут стать счастливыми, вопреки бульварным нравам.

²⁹⁷ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 190.

²⁹⁸ Там же. С. 193.

²⁹⁹ Там же. С. 192.

³⁰⁰ Там же. С. 193.

³⁰¹ Там же. С. 194.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же. С. 196.

³⁰⁴ Там же. С. 197.

³⁰⁵ Там же. С. 198.

³⁰⁶ Там же.

В описании бульварной публики нашла отражение традиция противопоставления Москвы и Петербурга, сложившаяся в обществе и литературе периода романтизма. К этой теме обращались многие писатели: П. Вяземский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Н. Загоскин и другие. Авторская позиция Н.Ф. Павлова в отношении «спора» двух столиц высказана через характеристику «приезжего из Петербурга». С княжной он «был вежливее, внимательнее...; он просил спасти его, он заехал в провинцию...»³⁰⁷. Такое же отношение петербуржцев к Москве отмечает М.Н. Загоскин в рассказе «Два московских бала в 1801 году», вошедшем в сборник «Москва и москвичи»: «Москва, по мнению их, конечно, большой город, но город решительно провинциальный»³⁰⁸. «На великолепных берегах Невы» персонаж Н.Ф. Павлова оставил все, там кипит «буря его деятельности, светскости и славы»³⁰⁹. В Москве, по мнению Н.Ф. Павлова, жизнь более спокойная и праздная: «Деятельность процветает у нас только на Ильинке да в Английском клубе»³¹⁰. Москвичи, «смиранные жители первопрестольного града», обращаются к княжне «больше с музыкой». «Ох, эта музыка! от этой музыки житья нет!»³¹¹ - иронично замечает автор.

Для девушки-аристократки самой важной целью в жизни было удачное замужество, от которого часто зависело благополучие всей семьи. С этой целью блистает на Тверском и княжна Софья. Н.Ф. Павлов показывает, что в Москве более сильны традиции, зависимость от общественного мнения и выбора мужчины; женщина не выбирает, а покоряет и ждет выбора. Петербург в этом вопросе более «демократичен». Автор упоминает о немногих девушках на Тверском, «у которых в осанке видна была

³⁰⁷ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 189.

³⁰⁸ Загоскин М. Два московских бала в 1801 году // Полное собрание сочинений М.Н. Загоскина. Том седьмой. Москва и москвичи. СПб, М., 1898. С. 63.

³⁰⁹ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 189.

³¹⁰ Там же. С. 188.

³¹¹ Там же. С. 189.

уверенность выйти замуж, когда вздумается, у которых в сердце гнезился Петербург...»³¹².

Н.В. Гоголь в «Петербургских записках 1836 года» писал: «Москва женского рода, Петербург - мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи»³¹³. Эта мысль звучит и у Н.Ф. Павлова. Очередная встреча героев происходит в московском доме княгини, который «был почти со всех сторон окружен садом»³¹⁴. Старые ветвистые деревья, широкие аллеи, все вокруг производило «самое поэтическое впечатление», «располагало к нежности, надежде»³¹⁵. Сад вместе с домом образует чудесное, сказочное «женское» пространство, которое затягивает в сети красоты, очарования и семейной идиллии. Именно «красота», «мир поэзии» и «радушие» княжеского дома изначально привлекли Г..., сердце которого устало от сухого расчета. Противоположные чувства вызывает у него их дом в Петровском парке: «Помилуйте, как там можно жить! пыль, шум, только и делай, что гуляй да принимай гуляющих, дом как улица...»³¹⁶. В этих словах чувствуется параллель с бульваром. Герою не комфортно в атмосфере и пространстве бульвара, ему ближе домашнее спокойствие и душевность. Г... искренне увлечен Софьей, как будто околдован, и это мешает ему увидеть тонкую игру в любовь, которую ведет она и о которой прямо говорит автор. В ход шло все: взгляд, поворот головы, продуманные движения, вовремя рассказанные английские стихи, поддержка сестер. Даже приезд друга-сочинителя лестью и умением произвести впечатление она обернула в свою пользу. Единственный раз княжна не сумела сдержаться и на секунду

³¹² Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 182.

³¹³ Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский. Т. 8. Статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 178.

³¹⁴ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 198.

³¹⁵ Там же. С. 199.

³¹⁶ Там же.

показала свою истинную натуру, взглянув на Г... «чудесным, но страшным взглядом»³¹⁷. Но его любовь еще долго оставалась слепа.

Кульминацией повести является бал в доме княгини. Сцена бала значима здесь, как и в повестях «Аукцион», «Маскарад». Бал – неотъемлемая часть жизни и быта русского дворянства первой половины XIX века. Умение хорошо танцевать было первым шагом к успеху для молодого человека, а выбор его в мазурке, основном, кульминационном танце бала, - признанием в обществе. Примечательно, что Г... не увлекают танцы, ему неприятно, что его «начинали беспрестанно выбирать»³¹⁸. «Мазурку он с некоторых пор оставил»³¹⁹, так как он уже достиг своего положения в обществе, ему не нужно заявлять о себе и пробиваться вперед. Зато к вальсу, самому романтичному и волнующему танцу бала, в котором можно наиболее полно выразить свои чувства, Г... относится по-особому. Именно после первого вальса с княжной он решается сделать ей предложение, но ее вальс с другим мужчиной открывает ему глаза и будит в душе сомнения в искренности ее чувств. Он принимает решение проверить: «любит княжна или обманывает»³²⁰, предложив ей деньги за искренность.

Последний разговор княжны и Г... происходит снова в ее доме. Стараясь исправить ошибку на балу, вернуть доверие Г... и услышать от него долгожданное предложение, она пускает в ход все свое умение. «Искушенная светом, испытанная в премудрости притворства»³²¹, она даже комнату для разговора выбирает не случайно. Автор подробно описывает обстановку, располагающую к мирному разговору, удобную для нежных слов наедине. Но Г... уже не поддается очарованию дома, он хочет только одного – понять, любит ли его Софья, искренни ли ее чувства так же, как его, сможет ли она отказаться от пятисот тысяч ради любви. Он надеется, что его опасения

³¹⁷ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 203.

³¹⁸ Там же. С. 214.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же. С. 222.

³²¹ Там же. С. 227.

напрасны, «страстное, неистовое выражение его лица показывало, до какой степени он будет счастлив, если она не возьмет»³²², но и не может поверить, каждое ее слово не приносит облегчения, а добавляет новые сомнения и страдания. Он «повышает ставки» и предлагает миллион. Искренность была куплена. Даже стремление к выгодному замужеству, которое дало бы ей многое в жизни, не пересилило желания обладать миллионом.

Перед нами история двух незаурядных молодых людей, представителей высшего московского общества, чьи чувства искажены. Софья – красива и умна, это привлекает и отталкивает. Она хочет быть счастлива, но счастье понимается ею не как обретение любви, родственной души, а как замужество с наибольшей выгодой, дающее статус, положение и богатство. Так воспитывалось большинство девушек; так же думают и чувствуют ее мать и младшие сестры. У них нет злого умысла против Г..., они просто не умеют мыслить и чувствовать иначе. Г... другой. Его мечта – найти искренние чувства, сила которых не зависит от финансового благополучия. Полюбив Софью, он надеялся, что она отвечает ему тем же, но боится поверить в возможность этого. Его проверка мучительна так же, как и сомнения, но он тоже не может по-другому. «К недоверчивости и раздору с самим собой»³²³. Г... привело то, что он до конца не смог смириться с необходимостью смотреть на жизнь и людей через призму выгоды и денежных отношений. Несомненно, что симпатии автора на стороне героя.

«Миллион» - это реальная зарисовка из жизни высшего света, написанная Н.Ф. Павловым «с натуры». Он ничего не придумывал, а описывал то, что происходило в действительности на московских улицах, за дверями особняков и в душах людей.

Таким образом, в повестях Н.Ф. Павлова нашла отражение тенденция «театрализации» жизни российского общества начала XIX века, которая проникла и в общественную, социальную сферу, и в личную, бытовую.

³²² Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 237.

³²³ Там же. С. 198.

Ежедневно в традиционное времяпрепровождение входит посещение балов, театра, публичные прогулки и приемы. Поведение дворян было строго регламентировано, каждая ситуация бытовой и общественной жизни имела свои правила и сценарий развития. Кодекс дворянской чести диктовал определенные нормы поведения и предлагал способ защиты своего достоинства.

В повестях Н.Ф. Павлова «Аукцион», «Маскарад», «Ятаган» и «Миллион» представлена живая атмосфера столичных балов, особенности бальной церемонии, облик и поведение участников согласно исполняемой роли (светская красавица, пылкий поклонник, сторонний наблюдатель). Мотив дуэли, которая являлась организованной последовательностью действий с четким распределением ролей среди участников, возникает в двух повестях – «Именины» и «Ятаган». Примечательно, что в них же отчаяние и невозможность в силу социальных обстоятельств вызвать обидчика на поединок толкают главных героев на убийство. В «Именинах» С. смог удержаться от рокового шага, Александр Бронин в «Ятагане» нет. В «Именинах», «Ятагане», «Миллионе» присутствуют сцены домашних приемов с традиционным обедом, чаепитием, музицированием, чтением, где персонажи играют роли радушных хозяев или приглашенных гостей. Крайне критически автор относится к проникновению игры в человеческие отношения. Он осуждает неискренность, прикрываемую светскими приличиями и корыстными целями, которая разрушает чувства, надежду на счастье и жизнь людей.

2.2. Повести Н.Ф. Павлова в формировании национальной картины мира: мифопоэтический аспект

В философии, искусстве и эстетике конца XVIII – начала XIX века широкое развитие получило учение о мифе. Особенностью романтизма, расцвет которого пришелся на этот период, являлся интерес к фольклору и

мифу как проявлению высшей художественности³²⁴. Романтическая концепция мифа была наиболее полно реализована в философских трудах Ф. Шеллинга, который писал: «Мифология есть необходимое условие и первичный материал для всякого искусства»³²⁵.

Существует множество определений мифа, сложились разные подходы к пониманию его природы. Большинство исследователей отмечали связь мифа с ритуалом (А.Н. Афанасьев³²⁶, Д. Фрэзер³²⁷, В.Н. Топоров³²⁸, Е.М. Мелетинский³²⁹, К.И. Шарафадина³³⁰ и другие) и архетипом (К.Г. Юнг³³¹, К. Леви-Стросс³³², Е.М. Мелетинский³³³, Е.М. Щепановская³³⁴ и другие). Многие ученые в области эстетики и литературоведения (Ю.Б. Борев³³⁵, А. Никифоров³³⁶, Е.М. Мелетинский³³⁷ и другие) рассматривают миф как форму перехода от магических реалий к художественной реальности³³⁸, от магии к искусству. А.С. Козлов, характеризуя современную мифологическую критику, говорил «о мифе как решающем факторе для понимания всей

³²⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 562.

³²⁵ Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: «Мысль», 1966. С. 105.

³²⁶ Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси: поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. М.: Эксмо, 2005. 605 с.

³²⁷ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. — М.: Эксмо, 2006. 958 с.

³²⁸ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.

³²⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2000. 407 с.

³³⁰ Шарафадина К.И. "Алфавит Флоры" в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы. СПб.: Петербург. ин-т печати, 2003. 309 с.

³³¹ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.

³³² Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.

³³³ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2000. 407 с.

³³⁴ Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов: культурофилософский подход. Автореферат диссертации на соиск. ученой ст. канд. философ. наук. СПб.: 2011. 27 с.

³³⁵ Борев Ю.Б. Эстетика: / Юрий Борев. М.: Русь-Олимп: АСТ: Астрель, 2005. 829 с.

³³⁶ Никифоров А.Л. Природа философии: основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.

³³⁷ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2000. 407 с.

³³⁸ Борев Ю.Б. Эстетика: / Юрий Борев. М.: Русь-Олимп: АСТ: Астрель, 2005. С. 312.

художественной продукции человечества, древней и современной»³³⁹. Тесную связь мифа и литературы отмечал А.Ф. Лосев, утверждая, что «мифологическими образами наполнены решительно все литературы, и древние, и новые, и новейшие»³⁴⁰. Это объясняет интерес к особенностям сюжета и образной системе произведения, связанных с мифологией.

Мифопоэтика – часть общей поэтики текста, определяющей его художественное своеобразие³⁴¹. Иногда мифологические составляющие присутствуют в произведении явно в виде образов, сравнений и т.п., но зачастую мифопоэтический смысл становится ясен лишь при внимательном изучении и анализе текста. Во всех повестях Н.Ф. Павлова наблюдается обращение к мифопоэтическим образам и мотивам, имеющее глубокий символический смысл.

Первая повесть сборника Н.Ф. Павлова «Три повести» названа «Именины». В дореволюционной России день святого, имя которого давалось ребенку при крещении, считалось более значимым, чем день рождения. В православной культуре имени придавалось большое значение, как «персональному знаку человека, определяющему его место в мироздании и социуме»³⁴². Тем показательнее, что главные герои произведения безымянны. Н.Ф. Павлов подчеркивает, что человек достоин внимания и уважения вне зависимости от имени и происхождения; представители разных социальных слоев одинаково могут любить и страдать. Кроме того, этот прием является одним из способов создания достоверности³⁴³.

³³⁹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 562.

³⁴⁰ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. С. 443 – 444.

³⁴¹ По мнению С.П. Белокуровой, «в современном значении термин мифопоэтика можно истолковать как исследование "проекций" мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т. д.) на произведение» (Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. Санкт-Петербург: Паритет, 2006. 314 с. [Электронный ресурс]. URL: https://literary_criticism.academic.ru/191/%D0%BC%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения 23.03.2020)).

³⁴² Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 202.

³⁴³ Автор намеренно не называет фамилии героев, условно указывая лишь начальные буквы, возможно, за ними стояли реальные люди, известные современникам и узнавшие себя в героях повести.

Праздничные дни стали судьбоносными для героев. На именинах бабушки Александрины произошла первая встреча С. и девушки. Это стало началом любви и короткого обманчивого счастья. Их последняя встреча, которая положила конец надеждам, случилась в именины самой Александрины.

При создании образа С. и в рассказе о его судьбе автор обращается к мифологическим мотивам, что помогает более точно передать внутренние состояния и переживания героя. Встретив в лице своего «благодетеля» настоящего друга, С. не сразу находит силы общаться с ним и другими на равных. Он долго чувствует себя ничтожным, недостойным, «выброшенным из числа людей»³⁴⁴. Владимир Семенович участием, искренним желанием помочь как будто заново создает С., дает ему возможность совершенствоваться, учиться, осознавать себя как личность. Он словно повторяет Божье деяние: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдыхнул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Библия. Ветхий завет. Книга Бытия, глава 1, 2:7). Герой так говорит о роли Владимира Семеновича в своей судьбе: «Он пересоздавал меня, очищал ржавчину с моего ума и с моей души»³⁴⁵.

Жизнь С. до дня объяснения с Александриной была полна унижений и нравственных мук. События этого дня одновременно стали вершиной страданий героя и поворотом к новой жизни. В своей исповеди С. сравнивает его с кризисом в течении болезни, называет «двенадцатый день, свое домашнее Ватерлоо»³⁴⁶. Каждое из определений передает значимость и драматизм произошедшего. Слова «двенадцатый день» можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, это аллюзия на древнегреческие мифы о подвигах Геракла³⁴⁷. С другой стороны, число

³⁴⁴ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 26.

³⁴⁵ Там же. С. 27.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Последний, двенадцатый подвиг, связанный с походом в царство мертвых, был одним из самых сложных. Он стал последним среди тяжелых испытаний на службе у Еврифоя.

двенадцать имеет особый символический смысл в христианстве. Например, последний, двенадцатый день Рождества – это окончание праздничных, но страшных дней Святков. С момента первой встречи с девушкой С. испытывал счастье взаимной любви, но понимал, что им не суждено быть вместе. Разговор с Александриной стал итогом внутренней борьбы и дался С. нелегко. Признание, что он крепостной, стало ударом для нее, обморок девушки глубоко уязвил самолюбие молодого человека. Еще бóльшим испытанием стало вечернее известие о том, что он проигран своим баринном в карты. В словах «домашнее Ватерлоо» упоминается последняя попытка Наполеона вернуть власть, закончившаяся его поражением³⁴⁸. С. прошел через «битву» с самим собой, но вышел победителем: отчаяние толкает его на убийство, однако он смог удержаться от великого греха.

Постоянные спутники С. – музыка и природа. Образ Волги с ее крутыми берегами символизирует драматичный жизненный путь С. Молодого музыканта тянет на волжский простор, к свободной стихии. Но здесь он получает и тревожный знак: его посещают мрачные мысли, как предвестники будущих переживаний. День первой встречи с Александриной навсегда запомнился С. как «светлый, прекрасный день»³⁴⁹. Солнце «в большинстве культур – основной символ созидательной энергии»³⁵⁰, тепла и светлых чувств. Оно освещает спокойную, «присмирившую» Волгу, играющих детей, вдохновленного С., едущего навстречу любви в окружении природы-именинницы. Потрясенный объяснением с Александриной и известием о проигрыше, С. снова оказывается на берегу Волги. Это уже «бунтующая» бездна, граница между жизнью и смертью. В ложном предсмертном письме С. написал, «что бросился в Волгу»³⁵¹, этим он

³⁴⁸ Битва при Ватерлоо 18 июня 1815 г. была сражением, которым Наполеон надеялся вернуть себе французский престол.

³⁴⁹ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 26.

³⁵⁰ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 156.

³⁵¹ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 39.

разрывает связь с прошлой жизнью. Бесправный крепостной музыкант умер. Гордый и отважный солдат продолжил борьбу за жизнь и любовь.

В повести «Именины» рассказывается о судьбах двух героев, связанных между собой любовью к одной женщине. В основе истории Н. лежит миф об обретенном и потерянном рае. Женившись по любви, герой получает все для абсолютного счастья, рая на земле: «Он видел в жене и друга, и любовницу, и цель жизни...»³⁵². Сомнение в ее искренности, ревность и обида разрушают идиллию, лишают душевного покоя, убивают чувства.

Повесть «Аукцион» менее других насыщена мифологическими образами. В начале произведения автор рассуждает о балете, описывает представление в Большом театре. Балерин он поэтично называет «полунагие лилеи порхающей Флоры»³⁵³. Он сопоставляет их с цветами, окружающими древнеримскую богиню Флору³⁵⁴, отдавая дань их изяществу, легкости и красоте.

После встречи главных героев в театре, Т. приезжает домой в смятении и глубоком раздумье. Перед камином он лихорадочно, как в бреду, вспоминает прошлое и строит план мести княгине за обман. Камин, как «очаг какого-нибудь колдуна»³⁵⁵ завораживает, будит воображение и фантазию. Огонь, с которым часто сопоставляют духовный порыв, переживания, олицетворяет противоречивые чувства Т.: не угасшую страсть, обиду, «бунтующее самолюбие»³⁵⁶, страдание и желание отомстить. Однако Т. не лишен благородства, поэтому отбрасывает «низкую» мысль предать огласке любовные письма княгини, а сами бумаги сжигает. Но когда он находит

³⁵² Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 19.

³⁵³ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 45.

³⁵⁴ Богиня цветов, расцвета, весны и полевых плодов.

³⁵⁵ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 47.

³⁵⁶ Там же. С. 48.

подходящее решение, «глаза его заблестели ярче камина»³⁵⁷, выдавая радость, предвкушение удовлетворения от мести.

Повесть «Ятаган» - наиболее смелая благодаря острой социальной проблематике. Однако она не менее интересна с точки зрения использования мифопоэтических мотивов и образов.

Корнет Александр Бронин в состоянии абсолютного счастья от получения первого офицерского звания накануне своего дня рождения неожиданно приезжает в имение матери и получает в подарок ятаган. Кинжал представлял собой «наследственную святыню» семьи, и для молодого военного сложно было подобрать подарок лучше, чем легендарное оружие турецких янычар. Ятаган воплотил в себе гордость за военные подвиги предков, ценился как трофей, подогревал тщеславие своего нового владельца. Но одновременно автор вставляет тревожное напоминание, что изначально клинок ковался для «азиатского пояса», использовался в моменты «раскаленной крови», был «палачом христианских голов»³⁵⁸ в руках воинов Ислама. Постепенно раскрывается еще один символический и трагический смысл подарка. Янычары занимали привилегированное положение в Османской армии, но они были рабами султана. От них требовалась беспрекословная преданность, они не могли распоряжаться своей судьбой, заводить семьи. Александр по стечению обстоятельств из блестящего офицера становится бесправным солдатом, жизнь которого полностью зависит от воли командира, после чего и семейное счастье с любимой девушкой становится невозможным.

Мать хочет порадовать сына, несколько тревожит лишь то, что «есть примета, примета народная, примета давнишняя»³⁵⁹. По народным славянским поверьям, ножи, другие острые и режущие предметы из железа являлись оберегами, но обращение с ними «регламентировалось множеством

³⁵⁷ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 48.

³⁵⁸ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 58.

³⁵⁹ Там же.

правил и запретов»³⁶⁰, вокруг ножей сложилось много «плохих» примет. Например, подарить нож считалось к ссоре. Поэтому все – и слуги в доме матери, и знатные гости на обеде у князя в соседней усадьбе – хвалили искусно сделанный клинок, но суеверно повторяли, что «кинжалами не дарят». Однако Александр доволен подарком, для него ятаган – семейная реликвия, предмет гордости. «О, я не боюсь примет»³⁶¹, – говорит он, желая в первую очередь произвести впечатление на молодую княжну. Один из гостей князя – адъютант – произносит пророческую фразу, указывая на основное предназначение оружия: «Кинжал примечательный... можно б сказать прекрасный, если б прекрасно было убивать людей»³⁶².

По контрасту с ятаганом, как красивой игрушкой, имеющей убийственную силу, дается поэтическое описание реки Красивая Мечь, в необычном, «несогласованном» названии которой тоже заключен образ оружия. Каждое упоминание ятагана сопровождается тревожными замечаниями о плохой примете и смерти. В легенде о происхождении реки отмечается, что меч должен был использоваться для сохранения жизни: «...Ярослав ... для спасения любимого коня вынул меч и хотел обрубить постромки, но уронил его в воду»³⁶³. В лирическом отступлении Н.Ф. Павлов восхищается русской природой, которая неразрывно связана с историей, памятью и жизнью народа. Он обращается к одному из древнейших архетипических образов – реке. «Согласно этиологическим преданиям и легендам, реки – это кровеносные «жилы» земли»³⁶⁴. Н.Ф. Павлов повторяет образы народной мифологии: «Много рек рассекает необъятную Россию. Питательные жилы огромного тела, то бьются неприметно, как волосяные

³⁶⁰ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 327.

³⁶¹ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 63.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же. С. 59.

³⁶⁴ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). С. 416.

сосуды, то кипят жизнью, как начальственная артерия»³⁶⁵. Однако во многих культурах река – это «мощный символ уходящего времени и жизни»³⁶⁶. Так и Красивая Мечь станет свидетельницей всех роковых событий, трагической развязки и гибели главного героя.

Автор упоминает и другие предания, которые составляют «поэзию старины»³⁶⁷ вокруг реки, связанные с «Конь-Камнем». В славянской мифологии «происхождение крупных каменных глыб, валунов, скал и т.п. часто объясняется окаменением людей (иногда животных), великанов, проклятых или наказанных за грехи»³⁶⁸. Н.Ф. Павлов приводит две легенды происхождения камня. По одной – это окаменелый витязь, а обломки – его подданные, которые восхваляли своего господина «в день св. Вознесения», вместо молитвы Христу творили «в честь его игрища и пляски»; по другой – это наказанный за гордыню «чужестранный богатырь»³⁶⁹, которого поразил гром. В сознании народа, в народных преданиях сливаются воедино языческие и христианские представления и традиции, как соединились в один день два праздника. 24 июня (7 июля) славянами отмечается рождество ближайшего предшественника Иисуса Христа – Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечи) и языческий праздник Ивана Купалы, посвященный летнему солнцестоянию и расцвету природы. В годовом праздничном цикле эти дни симметричны Рождеству Христову и святкам. Иоанн Креститель является одним из самых почитаемых святых в христианстве, с именем которого связано несколько церковных праздников. День Ивана Купалы, как и святки, «считается временем откровения тайн природы, когда растворяются небеса и земля, «играет» или останавливается солнце, говорят растения и животные,

³⁶⁵ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 59.

³⁶⁶ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 304.

³⁶⁷ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 59.

³⁶⁸ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 214.

³⁶⁹ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 59.

вода превращается в вино, обнажаются клады и т. п.»³⁷⁰. Н.Ф. Павлов также говорит о народном поверье: свечение в ночь накануне Ивана Купалы «теплится над схороненным кладом или над русским, убитым за независимость»³⁷¹. «Ночь накануне Ивана Купалы превосходит сам день.... Эта ночь признается временем наибольшего разгула нечистой силы»³⁷². Этим она похожа на святочную ночь перед Крещением. Двойственный характер праздничного дня, упоминание о «горьких трудах» народа вносит нотки тревоги в поэтическое описание красот русской природы. Кроме того, поведение человека в день Иоанна Крестителя ограничивалось многими рекомендациями и запретами. Считалось плохой приметой, запрещалось брать в руки ножи и другие острые предметы. В повести нет указания, что ятаган Александр получил именно в день праздника, однако его приезд и последующие события в доме князя по времени близки именно этому периоду, что может рассматриваться как еще один символический намек на будущую трагедию.

С функциональным значением заглавного образа – ятагана – своеобразно связана семантика имени и фамилии главного героя. Оружие – не только средство нападения, уничтожения, но и защиты. Значение греческого имени Александр – «защитник». Версий образования фамилии Бронин несколько, по одной из которых в основу легло слова «бронь, броня» – старое название кольчуги, защищавшей русских воинов в битвах. Молодой человек, блестяще начавший карьеру военного, был единственной надеждой и радостью своей матери и должен был стать ее опорой, защитой в старости. Разжалованный в солдаты, он стал бесправным, потерял возможность защищать себя и близких. Он узнает, что Веру любит полковник, от которого

³⁷⁰ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки). С. 363.

³⁷¹ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 59.

³⁷² Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки). С. 363.

зависит его судьба, но не признается, что сам любит ее. Скрывая от соперника правду, он пытается защитить себя, но также понимает, что не сможет открыто заявить о их любви и сделать княжне предложение. Бронин ревнует и страдает от бессилия. Еще больше он боится страданий матери, поэтому не говорит ей о своем унижении. Однако ни новость о прощении, ни материнская забота, ни мысли о княжне не смогли остановить его от рокового шага. Поддавшись отчаянию, он своими руками погубил свою жизнь и не смог оградить от боли и горя любимых женщин.

Во многих культурах нож, клинок является символом смерти, жертвы и возмездия (мести). Не имея возможности восстановить свою честь, Бронин совершает убийство, мстит за унижение. Христиане относились к туркам, как к иноверцам, дикарям, кровожадным завоевателям. Православный христианин, дворянин теперь сам поступает, как дикарь, разбойник. Примечательно, что убийство – великий грех для православного – Александр совершает турецким ятаганом в праздничное утро под звон церковных колоколов.

В христианской традиции кинжал имеет еще одно значение – это символ мученичества. «Нож является атрибутом некоторых христианских святых мучеников, включая святого Варфоломея, с которого, согласно его Житию, живьем содрали кожу»³⁷³. На долю героя Н.Ф. Павлова выпало немало испытаний. Экзекуция шпицрутенами за убийство стала последней мукой в его жизни, а то, что он испытал перед смертью, похоже на страдания, которые испытал апостол Христа. Образ ятагана, вынесенный в заголовок повести, приобретает символическое значение, связанное как с народной славянской, так и с общекультурной традицией. Название, эпитафия, упоминание старинной приметы, мрачное предчувствие – все это вносит в историю тему рока. «Страшный» подарок становится знаком судьбы, орудием убийства и символической причиной гибели героя, которая явилась следствием социальной и нравственной несправедливости.

³⁷³ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 239.

Второй сборник Н.Ф. Павлова «Новые повести» имеет общий эпитаф: «Не испытай сердца человеческого» (из законов Ману)». Он отсылает читателя к предписаниям добродетели, составленным Ману, так в древнеиндийской мифологии именуется первопредок, прародитель людей³⁷⁴. Таким эпитафом автор дал понять, что обратился к сердечным драмам, трагическим испытаниям, которые сопровождают человека с первых дней. Нередко они обнаруживают в «сердце человеческом» безысходность, закрывающую его для жизни, добра и любви. Своих героев Н.Ф. Павлов проводит через испытание любовью («Маскарад»), деньгами («Демон»), любовью и деньгами одновременно («Миллион»).

Повесть Н.Ф. Павлова «Маскарад» начинается описанием бала-маскарада, проходившего «в первых числах прошлого января»³⁷⁵, то есть в дни Святков. В народной славянской традиции Святки начинались с Николина дня (6 / 19 декабря). После принятия Христианства их стали связывать с циклом рождественских обрядов и отмечать по церковному календарю (с 25 декабря / 7 января до 6 / 19 января). Изначально этот период включал в себя три праздничные даты – Рождество, Новый год и Крещение. Это был целый праздничный комплекс из двенадцать дней, смысл и значение которого очень противоречивы. Святки – необычный праздник, соединяющий в себе языческие и христианские традиции. Особое мифологическое значение святков в народном календаре определяется «пограничным» характером этого периода³⁷⁶. Мир выходит из хаоса и получает покровительство Спасителя, солнце поворачивается с зимы на лето, сменяется календарный год, люди очищаются от грехов крещенской водой. В первую очередь Святки – это веселый праздник, освещенный рождением Иисуса. В церквях шли торжественные службы, проходили народные гулянья, колядование, в столицах открывался сезон балов. С другой стороны – это мистическое,

³⁷⁴ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336.

³⁷⁵ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 104.

³⁷⁶ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 427.

страшное время. Святки считались опасным периодом, который принадлежит потусторонним силам, — это один из основных мотивов общеславянской святочной мифологии³⁷⁷. Существует поверье, что Бог-отец, радуясь рождению сына, освобождает души умерших и нечистую силу. С этим связаны многочисленные запреты, магические обряды, одним из которых являлось гадание. Присутствие духов в мире людей в святочное время, по языческим представлениям, могло помочь узнать будущее, судьбу. Церковь всегда отрицательно относилась к гаданиям и запрещала их, но гадали всегда и представители всех сословий.

Народная и светская культура святочного периода становится объектом пристального изучения в художественном мире русских романтиков³⁷⁸. Возникает особый жанр «святочного рассказа», который получил свое название от вышедших в 1826 году «Святочных рассказов» Н.А. Полевого.³⁷⁹ Позднее как синоним стало использоваться название «рождественский рассказ»³⁸⁰. К нему обращались Н.В. Гоголь («Ночь перед Рождеством» (1830 – 1832)), А.А. Бестужев-Марлинский («Страшное гаданье» (1831)), Н.П. Вагнер («Любка»), В.А. фон Роткирх («Мертвец в маскараде»), Д.В. Григорович («Прохожий (Святочный рассказ)» (1851)), В.И. Даль («Авсень» (1848)) и другие). Мотивы рождественского праздника, гадания, вторжения нечистой силы в жизнь людей использовали в своих произведениях А.А.

³⁷⁷ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). С. 585.

³⁷⁸ Ильченко Н.М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. С. 140.

³⁷⁹ В качестве определения жанровых черт святочного рассказа обычно используют отрывок из «Жемчужного ожерелья» Н. С. Лескова, написанного в 1885 году: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера - от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец - чтобы он оканчивался непременно весело. ... он должен быть истинное происшествие!» (Лесков Н.С. Жемчужное ожерелье // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1958. Т. VII. С. 433)

³⁸⁰ Его основателем считается Ч. Диккенс, чьи рождественские повести (первая – «Рождественская песнь в прозе» - вышла 1843 году) имели большой успех и в Европе, и в России. Таким образом, жанр святочного рассказа в русской литературе оформился раньше, чем в европейской.

Бестужева-Марлинского («Испытание»), В.А. Соллогуб («Большой свет»), Е.П. Ростопчина («Поединок») и другие авторы.

В повести А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» целая глава посвящена описанию святочных дней в Петербурге. Все население занято праздничными хлопотами, бойко кипит торговля на Сенной площади, где и «приказной с собольим воротником», и «безместный бедняк» соединяются в «толпу покупателей»³⁸¹. Этим подчеркивается объединяющая сила светлого праздника для христиан. Автор указывает на живость старых, народных традиций: «Святки больше всех других праздников сохранили на себе печать старины»³⁸², но также отмечает появление новых. В России обычаем наряжать елку в сочельник связывают с женой будущего императора Николая I – Александрой Федоровной (прусской принцессой Шарлоттой)³⁸³. В повести есть описание, как готовились к Рождеству ее соотечественники: «У немцев, составляющих едва ли не треть петербургского населения, канун рождества есть детский праздник. На столе, в углу залы, возвышается деревцо, покрытое покрывалом Изиды... Все семейство собирается вместе. Глава оного торжественно срывает покрывало, и глазам восхищенных детей предстает Weihnachtsbaum в полном величии, увенчано лентами, увешано игрушками...»³⁸⁴. Наступление Рождества – это праздничные службы, колокольный звон и традиционный семейный обед, а «со второго дня начинались настоящие святки, то есть колядованья, гаданья... подблюдные песни, беганье за ворота и все старинные обряды язычества»³⁸⁵. Однако автор с сожалением говорит, что жители столицы во многом утратили связь с национальной традицией: «Лучшее общество ограничилось одними

³⁸¹ Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 203.

³⁸² Там же. С. 201.

³⁸³ Ильченко Н.М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. С. 134.

³⁸⁴ Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 204.

³⁸⁵ Там же. С. 205.

балами»³⁸⁶. Балы становятся излюбленным времяпрепровождением дворянства в святочный период. В русской романтической прозе мотив рождественского бала и бала-маскарада встречается очень часто. Его использовали А.А. Соллогуб («Большой свет»), В.А. фон Роткирх («Мертвец в маскараде»), В.И. Панаев («Приключение в маскараде» (1820), В. Дмитриев («Маскарад») и др.

Особая роль в развитии интриги повести «Маскарад» Н.Ф. Павлова принадлежит таинственной маске. Автор называет ее по-разному: старуха, колдунья, волшебница, злая пророчица, чудесная женщина, отмечая загадочность ее образа. Знаки зодиака на ее шапке вносят элемент мистики, указывают на способность управлять чужими судьбами. Во время народных гуляний приход персонажей из иного мира инсценировали святочные ряженые, среди которых наиболее популярными были фигуры страшилищ, «стариков» и т.п.³⁸⁷. Таким образом, этот персонаж связан с карнавальными традициями и народной мифологией, но в нем также явно присутствуют демонические черты. «Эта маска была одета в широкое черное платье»³⁸⁸. Черный цвет традиционно считался атрибутом дьявола и смерти³⁸⁹. Одержимость Ольги в ее желании понять Левина как человека и тем самым покорить как мужчину провоцируется именно этой маской. Все это указывает на демоническую природу образа. После слов «гроб и письмо» доктор приходит в растерянность от ее осведомленности о тайне Левина: «Кто она? ...Каким образом удалось ей проникнуть в самую страшную глубину семейной жизни и подглядеть эту невиданную сцену, у которой не было свидетелей, кроме тусклой лампы да образа спасителя!»³⁹⁰. Народные

³⁸⁶ Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 205.

³⁸⁷ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 427.

³⁸⁸ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 105.

³⁸⁹ Касперавичюс М.М. Функции религиозной и светской символики. Л.: Знание, 1990. С. 19.

³⁹⁰ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 125 – 126.

поверья «оживают»: в разгар святочного бала среди гостей присутствует сам Дьявол.

Автор подчеркивает, что чувства и стремления Ольги основаны не на искренней привязанности, а на гордыне и желании доказать свою женскую силу. Ее чувства не одухотворены и не могут быть глубокими. Услышав тайну мужчины, которую ждала со слезами нетерпения и отчаяния, она теряет к нему интерес. Однако можно отметить и элемент назидания. На святочном балу Ольга сначала надеялась на объяснение с Левиным, а затем на то, что, узнав причину его холодности, поймет, что ей делать дальше. Но доктор, который был близок с героем, искренне его любил и понимал, не оставил ей шанса. Его слова звучат как приговор ее гордыне: «Не говорите с ним, ...не подходите к нему, не смотрите на него»³⁹¹.

На фоне бала-маскарада выделяется пара героев – графиня Ольга и ее дядя. Портрет молодой вдовы напоминает описание античной статуи на пьедестале: «На ней было белое газовое платье. Крепко прильнув к ее пышной груди, к гибкому стану, оно раскидывалось вдруг на тысячу небрежных складок и... ниспадало потом до ее ног. Темно-русые волосы <...> соединялись сзади в одну косу... Несколько... локонов отпадало от этой косы, украденной у древней Греции, с головы Дианы. <...> Все ее черты тянулись гордо к небу; и стоило вам быть у ног ее, чтобы она вас не увидела»³⁹². Сопоставлением с богиней Дианой автор подчеркнул силу красоты графини, которая собирает вокруг себя толпы поклонников, со статуей – холодность. Заметим некоторое несоответствие. Автор связывает образ Дианы с Древней Грецией, хотя это богиня растительного и животного мира, охоты, женственности, олицетворение Луны римской мифологии. В греческой ей соответствовали Артемида и Геката³⁹³. В украшении бального наряда Ольги присутствуют растительные мотивы: виноградные гроздья и

³⁹¹ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 148.

³⁹² Там же. С. 108 – 109.

³⁹³ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 187.

листья. «Легкая серебряная гирлянда виноградных кистей» красовалась на подоле платья, на шарфе «светилась продольная кайма, серебряные листья винограда»³⁹⁴. Виноград – один из самых древних символов плодородия в ближневосточных религиях и возрождения, духовной жизни в язычестве и христианстве³⁹⁵.

Одним из пунктов бального этикета было наличие у женщины букета. «В руке у графини был букет из разноцветных анемонов, называемых будто бы по-русски ветреницами»³⁹⁶. Красивые, но недолговечные анемоны символизируют быстротечность жизни, хрупкость, печаль, горе, смерть³⁹⁷, намекая на будущий драматический исход событий. Русский вариант названия включает в себе истинную сущность характера графини: «Существо, которому судьба велела пронестись резво над землей и не заметить, что там делается, и не зацепиться ни за одну горесть»³⁹⁸. История Левина для нее – лишь ключ к тайне «призрака, который мешал ей жить»³⁹⁹. Не способная на глубокие чувства, она легко забыла свою страсть к Левину, выслушав историю его жизни.

Букет для Ольги является не только украшением, но и необходимым «инструментом» особого символического языка. Раздосадованная на иронию дяди, она «ударилась по пальцам своим букетом»⁴⁰⁰; в разговоре с Левиным старалась продемонстрировать кротость и скромность, «прикладывая к губам свой букет», а перед важным вопросом к нему, пытаясь вызвать его на откровенность, решительно «опустила букет на раму картины»⁴⁰¹, показывая свою открытость. Торопясь услышать рассказ доктора, она шла и от

³⁹⁴ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 106.

³⁹⁵ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 20.

³⁹⁶ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 109.

³⁹⁷ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 7.

³⁹⁸ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 109.

³⁹⁹ Там же. С. 119.

⁴⁰⁰ Там же. С. 109 – 110.

⁴⁰¹ Там же. С. 119.

волнения «тайком мучила свой букет»⁴⁰², от нетерпения узнать разгадку холодности Левина, забыв обо всем, роняет букет на пол.

Графиня Воротынская в повести В.А. Соллогуба «Большой свет» появляется на маскараде «с букетом настоящих цветов в руке»⁴⁰³, который она затем отдает Леонину. Неискушенный юноша воспринял это как знак откровения, искренности, букет стал «талисманом любви», который он хранил два года своей мучительной любви к графине. Осознав, как он жестоко обманывался, Леонин в раздражении «начал рвать в куски записки, терзать букет...»⁴⁰⁴.

Еще одна необычная деталь в облике Ольги: «На лбу сверкала утренняя звезда из бриллиантов»⁴⁰⁵. Это аллюзия на образ римской богини утренней зари Авроры, контрастный образу Дианы, олицетворяющей ночное светило. Такое сопоставление подчеркивает обманчивость облика героини. Далее Н.Ф. Павлов усиливает противопоставление антитезой утренняя – вечерняя звезда (целомудренное утро – порочный вечер): «Однако же ничто в ней, кроме девственных красок наряда, не напоминало невинного утра... Это была скорее звезда вечера, которая не умиляет души, а будит воображение и светит бессоннице»⁴⁰⁶.

Особое внимание автор обращает на «блестящие» глаза графини: «Вечно в искрах, вечно в лучах, они не давали возможности взглядеться в их цвет»⁴⁰⁷. По славянским представлениям, глаза часто считаютсяместилищем души⁴⁰⁸. Ее глаза своим блеском не давали проникнуть к ней в душу, понять истинные ее движения. В рассуждениях о глазах Ольги Н.Ф.

⁴⁰² Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 121.

⁴⁰³ Соллогуб В.А. Большой свет // Соллогуб В.А. Избранная проза / Сост. В.А. Мильчиной; Вступ. статья и прим. А.С. Немзера; Ил. Ю.М. Игнатьева. М.: Правда, 1983. С. 89.

⁴⁰⁴ Там же. С. 155.

⁴⁰⁵ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 109.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 105.

Павлов использует традиционную для романтизма оппозицию Север – Юг в значении «свое – чужое», которая также является одной из основных семантических оппозиций в народной культуре⁴⁰⁹. «У нас на севере блестящие глаза вероломнее тусклых... Это не наша природа»⁴¹⁰. Н.Ф. Павлов делает акцент: для «нас», представителей православной культуры, свойственна духовность, которая передается через глаза, кроткий и открытый взгляд. Не случайно русская пословица гласит: «Глаза – зеркало души». Блеск глаз Ольги – явление «чужого» Юга, выдающее «надменную часть души»⁴¹¹, гордыню, которая проявилась в абсолютной уверенности во всемогущей ее женской красоте. В христианстве это считается великим грехом: «Гордость очей и надменность сердца, отличающие нечестивых, – грех» (Библия. Ветхий завет. Книга Притчей Соломоновых, 21:4). Духовная чистота ассоциируется автором с северной зимой, белизной снега. Глаза графини излучают «обман, искушение»⁴¹². В них нельзя увидеть чистую душу, это лишь «яркая вывеска», она порочна, как «снег, подернутый солнцем»⁴¹³.

Дядя графини «ласково и насмешливо»⁴¹⁴ наблюдает за увлечением племянницы Левиным. Его глаза постоянно следят за молодой вдовой, от них не ускользает ни одно ее движение или выражение лица. Во многих мифологиях глаз (око) является символом всепроникающего знания, всевидящей власти⁴¹⁵. Проницательный взгляд «неугомонного» дяди заставляет графиню скрывать свои чувства, играть, стараясь уйти от его иронии и опеки.

Между доктором и Левиным сложились особые отношения. Доктор представлен Н.Ф. Павловым с симпатией и доброй иронией. Автор выделяет

⁴⁰⁹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 425.

⁴¹⁰ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 109.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Там же. С. 107.

⁴¹⁵ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 27.

его «умные глаза», «значительную наружность»); увлекаясь разговором, он начинал «оживать, как статуя Пигмалиона»⁴¹⁶. Писатель сравнивает своего героя с ожившей статуей Галатеи, которую в греческом мифе создал скульптор Пигмалион и влюбился в свое творение. Доктор располагает к себе людей. «С незапамятных времен» он был дружески принят в доме дяди, Ольга искренне радуется их встрече, Левин здоровается с ним с необычной нежностью, что вызывает своеобразную зависть графини. Доктор был свидетелем всех радостных и трагических событий в жизни главного героя и является единственным хранителем его тайны, поэтому становится «ниточкой», связывающей Ольгу с Левиным.

В повести Н.Ф. Павлова есть упоминание еще одного бала, на котором произошла первая встреча Левина с его будущей женой. И снова это праздничное и мистическое время святок, «однажды накануне Нового года»⁴¹⁷. В воспоминаниях доктора осталась его необычная атмосфера: «Свет, шум и какая-то особенная торжественность этого московского вечера нравилась мне чрезвычайно»⁴¹⁸. Девушка покорила Левина непохожестью на других, отчужденностью от общего веселья, неброской, но необыкновенной красотой. Она была как будто выше происходящей суеты. Ее глаза излучали «тихий свет лампы, у которой одно предназначение – осветить приют молитвы»⁴¹⁹. Описание ее глаз резко контрастно описанию глаз графини Ольги, в которых был «обман, искушение»⁴²⁰.

В ее бальном наряде выделяется лишь одна деталь: «Белый розан был приколот на голове»⁴²¹. Белый цвет в христианстве символизирует жизнь, чистоту, невинность и спокойствие⁴²². Сам цветок розы в западной традиции – безупречный, образцовый, символ сердца, а также божественной,

⁴¹⁶ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 111.

⁴¹⁷ Там же. С. 132.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же. С. 135.

⁴²⁰ Там же. С. 109.

⁴²¹ Там же. С. 134.

⁴²² Касперавичюс М.М. Функции религиозной и светской символики. Л.: Знание, 1990. С. 16 – 17.

романтической и чувственной любви. Белая роза – эмблема целомудрия, чистоты и девственности⁴²³. Доктор называет жену Левина «непостижимо-заманчивое творение», «очаровательное, нравственное существо», «милая женщина»⁴²⁴, передавая основные авторские характеристики – одухотворенность и очарование. Даже при взгляде на нее больную, утратившую внешнюю красоту, его поражает «то же смирение, та же покорность»⁴²⁵ и вспоминается «белый розан» на голове. С розой связано много мифов и легенд. У христиан это символ Христа и Богородицы. В Древней Греции и римско-католической традиции роза является цветком, хранящим тайну. Многие толкования подчеркивают ее двойственность: красота и недолговечность, нежные лепестки и острые шипы. И в жене Левина Н.Ф. Павлов неоднократно отмечает противоречивость. Несмотря на «нежное сложение» и «непрочность тела» ее лицо выражало «непостижимую силу»⁴²⁶. Она была окружена любовью и комфортом, в отношениях с мужем «все легко, свободно, вместе»⁴²⁷, имела любимое увлечение – рисование, но постоянно «исчезала» из дома. Кажется, что она искренне любила мужа, но оказывается, что во время счастливой семейной жизни у нее был любовник. Ее глаза излучали смирение и одухотворенность, но за этим скрывались грех измены и умелая игра.

С образом жены Левина связан еще один предмет-символ. Во время болезни доктор дважды видит у нее в руках ключ, который она прячет. Символика ключа объясняется функциями предмета. С его помощью можно что-то закрыть, отсюда значение секретности, сокровенной тайны, но можно и открыть, снять запрет, раскрыть тайну. Кроме того, во многих культурах (Древний Египет, христианство) ключ рассматривается как символ перехода

⁴²³ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 139.

⁴²⁴ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 134, 135, 144.

⁴²⁵ Там же. С. 144.

⁴²⁶ Там же. С. 135.

⁴²⁷ Там же. С. 137.

от земной жизни к загробной⁴²⁸. Долгое время ключ был единственным свидетелем второй, тайной жизни своей хозяйки, скрывал доказательство ее греха – письма любовника в закрытой шкатулке. Даже неизлечимо больная она не может переступить через страх быть разоблаченной. Воспользоваться ключом, открыть шкатулку, чтобы уничтожить письма, женщина решилась, только предчувствуя близкую смерть. Ключ становится роковым символом. После того как он открывает ее тайну, жена Левина умирает дважды: сначала физически, а затем, после прочтения мужем одного из писем, в его глазах рушится светлый образ верной и любящей жены. Ключ символизирует ее переход к загробной жизни как грешницы, достойной ада, ведь она совершила великий грех, нарушила одну из Божьих заповедей – «не прелюбодействуй» (Библия. Ветхий завет. Вторая книга Моисеева. Исход, 20:14; Пятая книга Моисеева. Второзаконие, 5:18).

Важной мифологемой, наполненной разными смыслами, в повести является небо. Говоря о многочисленных поклонниках графини, стремящихся оказаться с ней в паре, Н.Ф. Павлов иронично пишет: «...Иной офицер, полный силы и забвения, врезывался в эти ряды неприятелей, падал с неба в середину тесного круга...»⁴²⁹. Подчеркивая необычность и великолепие танцевальной залы, автор использует в ее описании сравнение с небом: «Легкий свод потолка...резко отделял округлую форму, подобие неба, от плоских линий земли»⁴³⁰. Древние архетипические представления о небе трактуют его, как часть мироздания, «верхний» мир, созданный Богом⁴³¹, основным символом которого был круг или полусфера, что нашло отражение в архитектуре. Во всех мифологиях мира небо имеет сакральную природу. Оно представляется жилищем богов, происхождение главных божеств также связано с ним (почти все боги славянской мифологии – Род, Сварог, Перун,

⁴²⁸ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 68.

⁴²⁹ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 106.

⁴³⁰ Там же. С. 110.

⁴³¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 316.

Дажьбог, Стрибог; Байаме - верховное божество ряда австралийских племен и т.д.) После слов Левина, которыми он явно дал понять Ольге, что равнодушен к ней, она «подошла к окну и мельком взглянула на небо»⁴³². Небо здесь – «бездонная глубина, где есть всемогущая воля»⁴³³, безграничный внешний мир, наделенный чудесной силой и знаниями. О наличии в мифологических сюжетах подобного мотива писали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский⁴³⁴. Перед могуществом неба Ольга оказывается бессильной: «Мысль ее потонула мгновенно в этой бездонной глубине»⁴³⁵. Она как будто хочет найти в ней поддержку, помощь в борьбе за чувства Левина, но у неба своя воля, неподвластная никому, поэтому остается без ответа вопрос: «Да как же перенести ее на землю?»⁴³⁶

Еще одна «небесная» мифологема - звезды: «Там в пустыне мрака сияли звезды, бриллианты неба – та ярче, та темнее»⁴³⁷. В славянской мифологии они соотносятся с судьбами людей: «С рождением человека появляется на небе его двойник – загорается его звезда, со смертью человека она падает и исчезает»⁴³⁸. Яркость звезд уподобляет их драгоценным камням⁴³⁹, отсюда и авторская метафора «бриллианты неба».

В сцене, где Ольга и Левин остаются наедине, их отношения сопоставляются с огнем, горением: «Перегорелые головни рухались в камине, огонь, час от часу разноцветней, воздушней, перебежал по раскаленным угольям, все менее и менее касаясь их поверхности»⁴⁴⁰. Во всех мифологиях и религиях огонь вместе с водой и землей является одной из

⁴³² Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 120.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Лотман Ю.М. (совместно с Б. А. Успенским) Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: «Александра», 1992. С. 64.

⁴³⁵ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 120.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 317.

⁴³⁹ Там же. С. 176.

⁴⁴⁰ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 116.

основных стихий мироздания⁴⁴¹, божественной энергией, несущей созидательную и разрушительную силу. Часто с огнем сопоставляют искушение, сексуальную страсть⁴⁴². «Перегорелые головни» – это «перегоревшие» чувства Левина, которые не в силах воскресить даже очарование графини. Как бы она ни старалась, как бы изощренно ни пыталась его обворожить, как бы «разноцветней, воздушней» ни становилось ее обольщение, он оставался холоден, и «разговор... прерывался, потухал»⁴⁴³. Заметив пристальный взгляд Левина, Ольга «вспыхнула и торопливо нагнулась шевелить уголья»⁴⁴⁴, как будто желая разжечь ответные чувства, но попытка была безуспешной, «искры прекрасных глаз пропадали даром»⁴⁴⁵.

Чтобы узнать тайну Левина, графиня приводит доктора в уединенную комнату, где «на стене висело овальное зеркало в золоченой раме»⁴⁴⁶. Зеркало в народных представлениях – символ «удвоения» действительности, граница между земным и потусторонним мирами⁴⁴⁷. Издавна к нему относились как к мистическому предмету. Очень популярно в святки было гадание с зеркалом. Оно считалось одним из самых достоверных, но очень страшным и опасным из-за прямого обращения к потусторонним силам. Это широко отражено в литературе, например, в произведениях В.А. Жуковского («Светлана» (1813)), А.С. Пушкина («Евгений Онегин»), М.П. Погодина («Васильев вечер» (1831)), А.А. Шаховского («Нечаянная свадьба» (1839)) и другие. Традиционно с зеркалом гадали девушки, чтобы увидеть в нем будущего жениха. В повести Е.П. Ростопчиной «Поединок» присутствует сцена гадания старой цыганки на судьбу юного Дольского. «Однажды на святках» она пришла просить милостыню. По обычаю, «ее приняли и

⁴⁴¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 336.

⁴⁴² Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 111.

⁴⁴³ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 116.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Там же. С. 117.

⁴⁴⁶ Там же. С. 121.

⁴⁴⁷ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 182.

наградили»⁴⁴⁸. По народным представлениям, любой человек, пришедший в дом в Святки, «воспринимался как особа священная..., поэтому первым требованием было угостить или одарить каждого посетителя»⁴⁴⁹. Автор подробно описывает загадочную обстановку «главного гаданья», в которой мальчик испытывает сладостные волнение и страх : «Эти два зеркала, одно против другого, эти две свечи на столе, которые отражались в зеркалах до бесконечности, рисуя блестящие, магические перспективы..., необрезные глыбы топленого воска и олова...»⁴⁵⁰. Когда в комнату входит мать Алеши, она видит судьбу своего сына: «Бедовое зеркало цыганки показало ей меня погибающим от пули»⁴⁵¹. Дополнительную интригу, загадочность вносит исчезновение цыганки. Святочное гадание оказалось пророческим. Как ни пыталась мать оградить Алексея от оружия и военной службы, Дольский становится офицером и гибнет на дуэли.

Под впечатлением от рассказа доктора Ольга видит в зеркале привидение умершей жены Левина. Отражение выходящего из танцевальной залы героя имеет символическое значение: потерявший интерес к жизни, он уже давно мертв духовно, физический уход из жизни тоже близок: «Левин уехал куда-то умирать»⁴⁵². Выслушав рассказ доктора и удовлетворив любопытство, молодая вдова потеряла интерес к герою, тайна исчезла. После этого и зеркало лишается мистической силы. Оставшись одна, она спокойно «встала, подошла к зеркалу, взглянулась, подняла глаза...»⁴⁵³. Оно отразило прежнюю графиню, вернувшуюся в свою роль, – равнодушную и уверенную в себе.

⁴⁴⁸ Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож. лит., 1989. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0030.shtml (дата обращения 11.12.2020).

⁴⁴⁹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 427.

⁴⁵⁰ Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож. лит., 1989. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0030.shtml (дата обращения 11.12.2020).

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 150.

⁴⁵³ Там же. С. 149.

При анализе текста повести обращают на себя внимание множественные лексические антитезы, связанные с образами основных персонажей. К. Леви-Стросс, а вслед за ним Е.М. Мелетинский отмечали, что осмысление важных качеств окружающих предметов и явлений с помощью так называемых «бинарных оппозиций» было важной частью мифологической логики⁴⁵⁴. Н.Ф. Павлов использует основные ценностные оппозиции для создания противоречивых характеров героев: графини Ольги (правда — ложь, зло — добро, утро — вечер, север — юг; весь образ построен на скрытой антитезе — внешняя красота / внутренняя пустота), Левина (скука — веселье, красота — безобразие, молодость — старость), жены Левина (жизнь — смерть), колдуньи (красота — безобразие).

В изображении бала-маскарада как «выставки» внешнего блеска и красоты, скрывающей внутреннюю пустоту, ситуации обмана, выдаваемого под маской за правду, Н.Ф. Павлов выступает продолжателем традиции А.С. Пушкина, которая нашла воплощение в произведениях писателей первой половины XIX века (М.Ю. Лермонтова, В.А. Соллогуба, В.А. фон Роткирха др.). Образ главного героя повести «Маскарад» включается в ряд так называемых «лишних людей» русской литературы. Мотив присутствия потусторонних сил в жизни людей, символическое упоминание важнейшего святочного обрядового предмета — зеркала — являются элементами жанра святочного рассказа в том виде, в каком он сложился в русской романтической литературе начала XIX века.

Слово, которое обозначает понятие, вынесенное Н.Ф. Павловым в название повести «Демон», происходит от древне-греческого «дух», «божество». В античной культуре «даймоны» могли быть служителями как зла, так и добра, ими были существа, средние между богом и человеком. Однако в мифологических представлениях разных народов закрепилось однозначно отрицательное значение понятия и образа. В славянской

⁴⁵⁴ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2000. С. 84.

мифологии – это опасные духи, управляющие природой и жизнью человека, которые могут принимать различные облики; в христианской традиции – падший ангел, «дьявол, злой дух»⁴⁵⁵. Демонические образы слуг злых, темных сил, помощников дьявола, или самого дьявола неоднократно использовались в романтической фантастической повести (Ан. Погорельский «Лафертовская маковница», А.С. Пушкин и В.П. Титов «Уединенный домик на Васильевском», Н.В. Гоголь «Вечер накануне Ивана Купалы» (1830), О.М. Сомов «Русалка. Малороссийская быль» (1829) и другие).

Это единственное произведение из двух сборников Н.Ф. Павлова, события в котором происходят не в Москве, а в Петербурге. По мнению Е.М. Дзюбы, «города, избранные в качестве места действия, имеют для автора особое значение. Их выбор указывает на интерес писателя к тем географическим пространствам, которые так или иначе были связаны с формированием славяно-русской цивилизации»⁴⁵⁶. Особая роль Петербурга в этом процессе доказана исторически и неоднократно отражена в произведениях искусства.

Северная столица во многих текстах русской литературы выступает не просто как художественное пространство, место действия, а как самостоятельный образ. Ни один российский город с самого своего основания не вызывал таких противоположных отзывов и чувств, как Петербург; ни один настолько не мифологизирован. Анализу феномена Петербурга посвящены труды М. Пыляева⁴⁵⁷, А.Ф. Кони⁴⁵⁸, Н. Анциферова⁴⁵⁹, М.С. Кагана⁴⁶⁰, В.В. Антонова⁴⁶¹, О.В. Волкова⁴⁶², Б.К.

⁴⁵⁵ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.Н. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М., Государственный институт «Советская энциклопедия»: ОГИЗ, 1935. Т.1. Стб. 685.

⁴⁵⁶ Дзюба Е.М. «Любезна небесам страна...»: монография. М.: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. С. 52.

⁴⁵⁷ Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 1997. 471 с.

⁴⁵⁸ Кони А.Ф. Петербург. Воспоминания старожила. Пб., 1922. 80 с.

⁴⁵⁹ Анциферов Н. Душа Петербурга. Пб., 1922. 228 с.

⁴⁶⁰ Каган М.С. История культуры Петербурга: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Социально-культурная деятельность». СПб.: СПбГУП, 2000. 231 с.

⁴⁶¹ Антонов В.В. Петербург неизвестный, забытый, знакомый. М.: Центрполиграф ; СПб.: МиМ-Дельта, 2007. 318 с.

Пукинского⁴⁶³ и многих других исследователей. В.Н. Топоров, изучая литературные тексты, в которых присутствует образ Петербурга, вводит понятие «петербургский текст» как особое представление города, раскрытия мифопоэтики его пространства и образа.

По мнению В.Н. Топорова, «начало Петербургскому тексту было положено на рубеже 20-30-х годов XIX века Пушкиным»⁴⁶⁴, развивали его многие русские поэты и писатели XIX – XX веков (Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Ап. Григорьев, В.А. Соллогуб, В.Ф. Одоевский, И.С. Тургенев, А. Блок и другие), некоторые исследователи говорят о более ранних истоках⁴⁶⁵. Завершая обзор, В.Н. Топоров замечает, что не назвал других авторов и тексты, образующие единство Петербургского текста, которые углубляли и дополняли его, «но... они не должны быть забыты»⁴⁶⁶. В этой связи анализ «петербургской» повести Н.Ф. Павлова «Демон» дает новый материал для иллюстрации «петербургского текста» русской литературы.

В павловском описании города присутствуют все основные, по определению В.Н. Топоров, «субстратные» элементы. Природные составляющие: специфические для Петербурга белые ночи («самая светлая ночь»), сильные ветра («ураган Финского залива»), два берега Невы («на том берегу»), водная стихия («морские волны», «родное море»), солнце. Элементы материально-культурной сферы: названия улиц (Петербургская сторона, Дворцовая набережная, Невский проспект), набережные, выложенные гранитом («этот гранит»), улицы, закоулки, здания (особое

⁴⁶² Волков О.В. Северная Пальмира. М.: Эксмо, 2006. 285 с.

⁴⁶³ Пукинский Б.К. Санкт-Петербург. 1000 вопросов и ответов. СПб, «Норинт», 1998. 432 с.

⁴⁶⁴ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: «Искусство-СПб», 2003. С. 23.

⁴⁶⁵ Е.М. Дзюба, исследуя сборник М.Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766 – 1768, 1789), доказывает, что вымышленная славянская столица Винета – это одна из первых попыток художественного воплощения образа Петербурга, «своеобразный пунктир будущей дуалистичной модели русской столицы» (Дзюба Е.М. «Любезна небесам страна...»: монография. М.: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. С. 52 - 64).

⁴⁶⁶ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: «Искусство-СПб», 2003. С. 24.

внимание отведено дому начальника, двум домам героя), комнаты, планировка (расположение кабинета чиновника в старом и новом доме), лестницы, двери (парадная лестница и дверь в доме начальника).

Духовно-культурный элемент «петербургского текста» составляют мифы и предания, окружающие город. В описании петербургского сна, город предстает отдельным миром, имеющим свое построение: «Трое часовых стерегли его. На земле несколько штыков, между землею и небом ангел колонны, а на небе стоял месяц на карауле»⁴⁶⁷. Учитывая, что пространство Петербурга тесно связано с водной стихией, пронизано каналами, это соотносимо с древними теориями об устройстве мира. Например, в общеславянской мифологии «Земля – это плоская (круглая, квадратная) твердь, окруженная водой и накрытая сверху небесным куполом»⁴⁶⁸; западные славяне верили, что Земля держится на ветвях огромного дерева или на деревянном столбе. Н.Ф. Павлов создает свою легенду.

В наименовании города Н.Ф. Павлов использует перифраз, в котором подчеркивается географическое положение: «граниты Севера», «гигант Севера». Примечательно, что традиционная оппозиция «свое – чужое» часто реализуется в романтической литературе через противопоставление Севера, как «своего», родного, русского, и Юга, как иностранного, «чужого» в культурном и нравственно-психологическом плане. Название «Северная Пальмира» берет свое начало в произведениях классицизма и также является одним из специфических для «петербургского текста». Сравнение с богатейшим античным городом, который находился в оазисе Сирийской пустыни, неслучайно. Петербург, окруженный огромными по территории безжизненными болотами, был подобен оазису. Открывающаяся панорама города поражала красотой, богатством и изяществом.

⁴⁶⁷ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 169.

⁴⁶⁸ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки). С. 315.

В образе Петербурга в повести Н.Ф. Павлова много противоречивого. В нем все рядом: широкие улицы (пространство, простор) и толпы горожан, сталкивающиеся друг с другом люди (теснота, ограничение пространства); маленький кабинет Андрея Ивановича («небольшая комната») и «простор» кабинета начальника с неестественно «огромной» дверью, стенами и окнами; спокойствие ночи и суета, веселье дня. Сам город восхищает и одновременно пугает своим величием («...вздрогнуть при виде человеческой силы, человеческих богатств и гранитов Севера»⁴⁶⁹, «страшно и приятно было смотреть на грозный и великолепный сон»⁴⁷⁰). Такой город завораживает, подчиняет, диктует свою волю, как древний демон вмешивается в жизнь людей. Демоническая сила, искушающая главного героя, заставляющая принять неестественное для русского христианина решение в отношении жены, исходит от Петербурга.

Таким образом, Н.Ф. Павлов для создания образа Петербурга использовал как традиционные мифологические элементы, так и более поздние образы-символы, позволяющие включить повесть в «петербургский текст» русской литературы.

Мифопоэтические мотивы повести «Миллион» связаны с образом княжеского дома, подмосковной усадьбы семьи. Усадьба в русской культуре представляла собой универсальное пространство, соединяющее в себе природное начало, которое ассоциировалось с деревней, и культурное, городское. Главными составляющими усадебного мира был дом и сад.

Дом княгини «был почти со всех сторон окружен садом»⁴⁷¹, который практически скрывал дом: «Большие окна выглядывали кое-где из-за широких зеленых листьев»⁴⁷². Таким образом, значение пространства, в котором живет княгиня с дочерьми, представляется единством сразу двух

⁴⁶⁹ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 153.

⁴⁷⁰ Там же. С. 155.

⁴⁷¹ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 198.

⁴⁷² Там же. С. 199.

мифологем. Дом в славянской народной культуре – «средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода»⁴⁷³. Сад во всех мировых культурах является образом «идеального мира, космического порядка и гармонии – потерянный и обретенный рай»⁴⁷⁴. Из Библейских текстов идет метафорическое значение образа сада, как места любви, любовного рая: «Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, - и польются ароматы его! – Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его» (Библия. Ветхий завет. Песнь Песней Соломона, 4:16). Неслучайно Г... тянется к этому месту, здесь он мечтает вернуть своей душе покой, обрести истинные ценности – «веру, любовь, дружбу»⁴⁷⁵. Сначала его околдовывает красота сада и княжны, возникает желание «поэзии», любить и быть любимым, затем подкупает искренняя и радушная атмосфера дома.

Однако в начале описания дома Н.Ф. Павлов вводит необычный тревожный мотив. Сквозь зелень деревьев может почудиться «или собрание колдуний, или шайка разбойников»⁴⁷⁶, присутствует чувство страха за близкого неженатого родственника, который решится пойти в дом, где живут молодые женщины. Этот момент можно объяснить выводами Е.Е. Дмитриевой в книге «Жизнь усадебного мира: Утраченный и обретенный рай»⁴⁷⁷. Автор отмечает, что архаичное понимание природы – это не только олицетворение Божьего образа, но и древнего Хаоса, полного демонических сил. Поэтому вместе с идеализацией усадебной жизни, наблюдалась традиция видеть в ней ирреальное, демоническое начало. Итак, усадьба княгини становится для Г... сначала местом мечтаний о любви и счастье

⁴⁷³ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 168.

⁴⁷⁴ Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. С. 319.

⁴⁷⁵ Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 198.

⁴⁷⁶ Там же. С. 199.

⁴⁷⁷ Дмитриева Е.Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. М.: О.Г.И, 2008. 524 с.

(мнимого обретенного рая), затем жестоких сомнений и разочарования (потерянного рая).

В образе княжны тоже угадываются колдовские черты, которые заключены в психологической игре, которую она ведет ради цели выйти замуж за Г.... Софья осознанно выбирает с Г... способы усилить свое очарование, сильнее влюбить в себя: слова, одежду, обстановку, вещи, запахи. В самые важные моменты развития из отношений она оказывается среди зелени и цветов, что выгодно оттеняет ее красоту, должно было подчеркнуть связь с природой, искренность. Так, она произносит приятные для него слова, стоя в платье белого цвета (символ чистоты и невинности) перед широкой аллеей в тени ветвей дерева. Тематически аллея связана с прогулкой, которая в обобщенно-метафорическом плане представляет «человеческий путь»⁴⁷⁸, что способствовало появлению в литературе устойчивого мотива аллеи. Красивая, «прямодушная» Софья как будто звала за собой и выражала готовность пойти вместе с ним по жизни. При разговоре с литератором выгодно для своей красоты садится между ширмой, обвитой плющом и кустами цветов. Чтобы польстить самолюбию, перед его приходом на видное место, словно невзначай, кладет написанную им книгу. Для решающего разговора с Г... приводит его в комнату, где много зелени и стоит букет розанов, имеющих значение цветов любви, чувствуется их аромат. Даже недоверчивый Г... долго находится в плену ее тонкой игры, как будто под влиянием колдовства.

Единственное, что тревожило Г... - это особенный взгляд Софьи. Она могла просчитать свои действия, придать себе искренний и невинный вид, но глаза, которые в славянских мифологических представлениях вмещают в себя душу человека, выдают ее обман. Н.Ф. Павлов дважды называет этот взгляд «ужасным», «страшным». В нем проявлялись расчет, продуманность, желание обольстить, что было неприемлемо для Г... Неслучайно, что с

⁴⁷⁸ Ревякина А.А. 2004.04.014. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: О.Г.И., 2003. 528 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение: Реферативный журнал. М., 2004. С. 84.

молодым человеком на балу княжна сближается с одного взгляда. Их страстный вальс высказал до конца все, что она тщательно скрывала, подтолкнул Г... к мучительной проверке ее чувств.

Таким образом, в развитии сюжетов повестей использованы мифологические мотивы, а их поэтика богата элементами, как древнейшей, так и более поздней мифологии. Автор широко использует мотивы народной славянской и христианской мифологии для организации сюжета, античные образы и архетипические символы для углубления психологизма, что характерно романтическим произведениям. Архаико-мифологические элементы вводятся и для контрастного изображения характера, выражения критического отношения к представителям и нравам светского общества.

ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ

Прозаические сборники Н.Ф. Павлова стали значимым событием в историко-литературном процессе 30-х годов XIX века. В форме романтической повести, которая уже сама явилась «формой времени», автор отразил современную ему эпоху, общественные отношения и культурные особенности первой трети XIX века в тесной связи с общекультурной и христианской традицией.

В произведениях показаны реалии быта дворян 30-х годов XIX века:

- внешний облик и одежда (женское платье для выхода в театр («Аукцион»), бальное платье («Маскарад»), повседневная женская одежда («Аукцион», «Миллион», «Демон»), костюмы для маскарада («Маскарад»), военный мундир («Именины», «Ятаган»));

- интерьеры (бальная зала («Маскарад»), кабинеты чиновников («Демон»), обстановка комнат в доме («Демон», «Миллион»));

- традиционное времяпрепровождение (выезды и публичные прогулки, музыкальные вечера, званые обеды, чтение, вышивка, ведение дневников и альбомов);

- многочисленные вещи бытового обихода.

Представлены основные составляющие дворянской культуры, такие как театр («Аукцион»), бал («Аукцион», «Маскарад», «Миллион»), дуэль («Именины», «Ятаган»), общественные явления, например, дендизм («Аукцион»), «культ мундира» («Ятаган», «Именины»), противоречивое отношение к дуэли («Ятаган»).

В сюжетных ситуациях и авторских описаниях показаны нравы, бытовавшие в дворянской среде: поведение женщины в обществе и с мужчиной, поведение мужчины-жениха и мужа, девушки-невесты и жены, воплощение в жизни понятий дворянской чести, «чести мундира» и др.

Особенностью повестей Н.Ф. Павлова стало обращение к злободневным для 1830-х годов темам крепостного права («Именины»), телесных наказаний в николаевской армии («Ятаган»), социального расслоения («Маскарад», «Демон», «Миллион»).

В поэтике произведений значимы многочисленные обращения Н.Ф. Павлова к мифологическим образам и мотивам. Автор вводит прямо или косвенно персонажей различных мифологий (античные богини Диана и Аврора, древнеиндийский прародитель Ману («Маскарад»), демоны («Демон»)), общекультурные и христианские символы-предметы (нож («Ятаган»), зеркало, ключ («Маскарад»)), народные приметы, регламентирующие бытовое поведение людей («Ятаган»), народные предания («Ятаган», «Демон»), мотивы народных славянских и христианских праздников («Ятаган», «Маскарад»), цветовую символику («Маскарад», «Демон», «Миллион»), растительные мотивы и символику цветов («Маскарад», «Миллион»), важные общекультурны мифологемы (небо, глаза («Маскарад», «Демон», «Миллион»), звезда, огонь («Маскарад»), река («Ятаган»), дорога, сад, дом («Миллион»)). Интерес представляют образы и мотивы, связанные с мифологизацией современных Н.Ф. Павлову личностей и реалий – Байрона, Наполеона, Петербурга, Ватерлоо. В образах главных героев повестей «Маскарад» и «Миллион» представлены «лишние люди»

байронически-онегинского типа (Левин и Г...), а образ Петербурга в повести «Демон» создан в традициях «петербургского текста» русской литературы.

Подобные образы и мотивы встречаются в произведениях современников Н.Ф. Павлова (М.Ю. Лермонтова, В.А. Соллогуба, А.А. Бестужева-Марлинского, Е.П. Ростопчиной, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других).

Анализ повестей Н.Ф. Павлова позволил сделать вывод, что в целом они сохранили основные черты романтического произведения: герои необычной судьбы и исключительных качеств, столкновение мечты и реальности как основа конфликта, углубленный психологизм, использование мифологических и символических образов и мотивов. Однако во всех повестях присутствуют элементы реалистической поэтики: художественное изображение современной действительности, подробные бытовые описания, отражение образа жизни и традиций русского дворянства первой трети XIX века, критичный взгляд на нравы светского общества.

ГЛАВА III. Диалог с Н.Ф. Павловым в творчестве русских писателей XIX – XX века

3.1. Особенности психологического анализа в повестях Н.Ф. Павлова и их соотнесение с сюжетными ситуациями и образами произведений М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского

Главное, что отметили критики и читатели после выхода первого цикла повестей Н.Ф. Павлова, - это социальная заостренность конфликта. Однако уже в «Трех повестях» в полной мере проявилась общая специфика прозы Н.Ф. Павлова – особый психологический анализ.

Теоретической разработкой проблемы психологизма в литературе занимались такие ученые как А.А. Потебня⁴⁷⁹, Д.Н. Овсянико-Куликовский⁴⁸⁰, Л.Я. Гинзбург⁴⁸¹, Л.С. Выготский⁴⁸² и другие. Понятия «психологизм» и «психологический анализ» обычно используются авторами как синонимичные, взаимозаменяющие⁴⁸³. По отношению к Н.Ф. Павлову применим термин «психологизм» с точки зрения общей оценки художественных особенностей его прозы, но при непосредственном рассмотрении произведений более точным будет использование термина «психологический анализ», основные составляющие которого выделила Л.Я. Гинзбург⁴⁸⁴.

⁴⁷⁹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., «Искусство», 1976. 614 с.

⁴⁸⁰ Овсянико-Куликовский Д.Н. Вопросы психологии творчества. СПб., 1902. 303 с.

⁴⁸¹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., Художественная литература, 1976. 448 с.

⁴⁸² Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 341 с.

⁴⁸³ Психологизм - (от греч. *psyche* – душа и *logos* - понятие, слово) – способ изображения душевной жизни человека в художественном произведении: воссоздание внутренней жизни персонажа, ее динамики, смены душевных состояний, анализ свойств личности героя (Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. Санкт-Петербург: Паритет, 2006. 314 с. [Электронный ресурс]. URL: https://literary_criticism.academic.ru/191/%D0%BC%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения 23.03.2020)).

⁴⁸⁴ Психологический анализ пользуется разными средствами. Он осуществляется в форме прямых авторских размышлений, или в форме самоанализа героев, или косвенным образом — в изображении их жестов, поступков, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель (Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., Художественная литература, 1976. С. 330).

Современные Н.Ф. Павлову критики обращали внимание на используемый писателем своеобразный глубокий психологический анализ, который получил развитие в творчестве других авторов. Так, Ап. Григорьев указал на типологические связи повестей Н.Ф. Павлова с произведениями М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского⁴⁸⁵. Исследователи XX века разделяют эту точку зрения. Н. Степанов называл Н.Ф. Павлова предшественником М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева в создании русской психологической повести⁴⁸⁶. Н.А. Трифонов неоднократно говорил о Н.Ф. Павлове, как писателе, стоящем у истоков психологической прозы в русской литературе: «Для повестей Павлова характерно стремление к углубленному психологическому анализу... Один из зачинателей русской социально-психологической повести, П. (Павлов) в известной мере был предшественником психологической прозы М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского»⁴⁸⁷. В современных исследованиях эта точка зрения также находит отражение. Т.Н. Пашаева в одной из статей делает вывод: «Художественные открытия Павлова, его стиль во многом предвосхищают поэтику Гоголя, Лермонтова, Тургенева»⁴⁸⁸.

Типологические связи обусловлены единой культурно-исторической эпохой и господствующей идеологией. В результате у авторов складываются сходные взгляды на современное общество, подход к отбору фактов действительности, изображению характеров и обстоятельств. В произведениях разных авторов появляются похожие герои, близкие сюжетные ситуации. Важную роль играли контактные связи писателей. Исследователи говорят о личном знакомстве Н.Ф. Павлова и М.Ю. Лермонтова в начале 1830-х годов, когда Н.Ф. Павлов уже был известным

⁴⁸⁵ Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Сочинения Аполлона Григорьева. Т. I. СПб: Н. Н. Страхов, 1876. С. 1 - 44.

⁴⁸⁶ См. Степанов Н. Запрещенная книга («Три повести» Н.Ф. Павлова) // Степанов Н. Поэты и прозаики. М.: «Художественная литература», 1966. С. 177, 179.

⁴⁸⁷ Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 5: Мурари — Припев / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1968. 976 стб. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 06.03.2020).

⁴⁸⁸ Пашаева Т.Н. Жанровые особенности повестей Н. Ф. Павлова // Вестник Дагестанского государственного университета. 2009. Вып. 3. С. 20.

литератором благодаря переводам и стихам, отмечают прямые заимствования начинающим М.Ю. Лермонтовым из поэзии Н.Ф. Павлова и эпиграммные обращения М.Ю. Лермонтова к Н.Ф. Павлову⁴⁸⁹. Известно, что в 1840-е годы М.Ю. Лермонтов и Н.В. Гоголь посещали литературный салон Павловых в Москве⁴⁹⁰. В письме к П.А. Плетневу в 1846 году Н.В. Гоголь писал лестные слова о значимости повестей Н.Ф. Павлова⁴⁹¹. Самому Н.Ф. Павлову очень нравилась повесть М.Ю. Лермонтова «Бэла»⁴⁹², также его называли «горячим поклонником таланта Достоевского». Его друг – Н.А. Мельгунов – писал в 1846 году М.П. Погодину: «Павлов, окончив теперь повесть Достоевского «Бедные люди», от нее в восторге»⁴⁹³.

В каждой повести Н.Ф. Павлов, раскрывая сюжет, описывая внешние события, обращается к внутреннему миру героев. Его интересуют психологические особенности поведения представителей разных социальных групп в различных жизненных обстоятельствах, скрывающие или передающие их подлинные переживания и намерения.

Повесть «Именины» имеет необычную композицию двойного рассказа в рассказе: начинается повествование от лица рассказчика, затем приводится рукопись N., в которой дана исповедь С. Форма дневника, исповеди характерна для романтического произведения и является приемом более глубокого психологического анализа – самораскрытия героя.

⁴⁸⁹ Алпатов Т.А. Павлов Николай Филиппович // М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014. 936 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-dictionary/znakomye-i-sovremenniki/pavlov-nikolaj-filippovich.htm> (дата обращения 16.01.2022); Трифонов Н.А. Павлов Н.Ф. // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия», 1981. 746 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-3613.htm> (дата обращения 16.01.2022).

⁴⁹⁰ Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 13.

⁴⁹¹ Гоголь Н.В. О Современнике (письмо к П. А. Плетневу) // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский. Т. 8. Статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 425.

⁴⁹² Трифонов Н.А. Павлов Н.Ф. // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия», 1981. 746 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-3613.htm> (дата обращения 16.01.2022).

⁴⁹³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб, 1894. Кн.8. С. 349.

В истории своей жизни С. вскользь упоминает о внешних тяготах положения крепостного человека. Главная его трагедия имеет психологическую природу – это осознание собственного бесправия, невозможность быть хозяином своей жизни, ощущение себя существом «второго сорта». Оторванный барской волей от семьи, через музыку он нашел не только применение таланту и заслужил любовь Александрины, но и научился получать «утешение», ощущения, которые чувствует ребенок рядом с матерью. «Музыка спасла своего питомца»⁴⁹⁴, даря чувство защищенности, надежду. Погружение в музыку в психологическом плане заменило ему общение с матерью и материнскую любовь.

Однако в крепостническом обществе талант не мог гарантировать уважение и искреннее признание. С. глубоко ранит то, что все в нем видели большого музыканта и не видели равного. Он не сразу привыкает к нормальному с человеческой точки зрения отношению своего благодетеля Владимира Семеновича: «Его обращение показалось мне сначала дико»⁴⁹⁵. Воспоминания героя правдиво передают психологические комплексы, которые он долго не мог перебороть: страх перед людьми, привычка ходить на цыпочках, отвечать шепотом. С. подробно анализирует свои ощущения и чувства до и после обретения свободы. Например, с вызовом говорит о наслаждении поступать без оглядки на правила, чины и приличия: «Понимаете ли вы удовольствие отвечать грубо на вежливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу...»⁴⁹⁶. Подробно, словно любуясь собой, проговаривает движения ногами, которые не мог позволить раньше. Из описания собственных ощущений и чувств он создает свои психологические портреты в разных жизненных ситуациях. Такой углубленный самоанализ, доведенный до рефлексии⁴⁹⁷, станет отличительной

⁴⁹⁴ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 25.

⁴⁹⁵ Там же. С. 26.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ РЕФЛЕКСИЯ (англ. reflection) — мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств,

чертой части русского общества эпохи 30-40-х годов XIX века и будет использован М.Ю. Лермонтовым при создании образа Печорина в романе «Герой нашего времени».

Совершенствование в искусстве, общение на равных с другим дворянином пробуждает в С. обостренное чувство собственного достоинства. Поэтому так болезненно он воспринимает похвалу, которая «пахла милостью»⁴⁹⁸, разговоры о продаже крепостных музыкантов, чувствует обиду на книги, где нет упоминания о людях «низкого» происхождения: «Они все говорили мне о других и никогда обо мне самом»⁴⁹⁹. Проигрыш барином в карты жестоко оскорбляет его. Для дворянина естественным и единственным способом защитить и восстановить свою честь была бы дуэль. С. не мог себе этого позволить. Доведенный до крайнего отчаяния, он чуть не совершает убийство своего барина. Неудивительно, что Н.Ф. Павлов сумел так тонко передать душевные переживания С. Автор «Именин», ставший известным писателем и критиком, вошедший в высшее общество Москвы, был незаконнорожденным ребенком помещика Грущецкого и формально числился сыном крепостного.

История «чуждого незнакомца» глубоко тронула Н. Однако офицер и его рассказ произвел на него неоднозначное впечатление. К восхищению искренностью и военной доблестью добавлялась некая тревога: «Он глядел каким-то бестрепетным соседом смерти... В нем все было перемешано: и смерть и жизнь, и музыка и штыки»⁵⁰⁰. После окончания исповеди С. чувства Н. близки к ужасу: «Он казался мне страшен, я чувствовал невольное отвращение к нему, не умея объяснить причины...»⁵⁰¹. Здесь нет пренебрежения дворянина к крепостному, это страх перед неизвестным, что

состояний, способностей, характера, отношений с и к др., своих задач, назначения и т. д. (Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=118634&p=289> (дата обращения 09.01.2022).

⁴⁹⁸ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 26.

⁴⁹⁹ Там же. С. 27.

⁵⁰⁰ Там же. С. 24.

⁵⁰¹ Там же. С. 41.

невозможно до конца понять. «Тогда я был молод, счастлив!»⁵⁰² – говорит N. о себе. В момент их встречи он поглощен личным счастьем, причем ему не пришлось за него бороться: благородство по происхождению, семейное богатство, женитьба по взаимной любви. До конца понять внутреннюю трагедию С. он просто не мог, а то, «с какой отчаянной решимостью»⁵⁰³ бесправный крепостной боролся за свою свободу и любовь, поражало и внушало страх.

После сцены на именинах Александры Дмитриевны, становится понятна перемена в отношении к жене N., которая так поразила рассказчика в начале повести. Изменился сам N.: из счастливого, восторженного влюбленного, пределом мечтаний которого было «поселиться в деревне с книгами и женою»⁵⁰⁴, он превращается в холодного, язвительного «главу жены», проводящего время в обществе светских красавиц. Ревность и обида стали причиной его охлаждения и разочарования. Свои сомнения и недоверие он высказал в разговоре с рассказчиком. В его словах звучит упрек в неискренности, обмане ради удачного замужества: «Женщина любит страстно и, пожалуй, выйдет замуж за другого, потому что ее могут уговорить и бабушка, и маменька, и тетушки... умеет, не краснея, поклясться в вечной верности не тому, кого любит»⁵⁰⁵.

Схожие завуалированные упреки Вере в предательстве любви, еще более жесткие за счет прямого обвинения в корысти, произносит Печорин в романе М.Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская»: «Теперь по чести я готов пожертвовать самую чистейшею, самую воздушную любовью для 3 т<ысяч> душ с винокуренным заводом и для какого-нибудь графского герба на

⁵⁰² Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 24.

⁵⁰³ Там же. С. 41.

⁵⁰⁴ Там же. С. 20.

⁵⁰⁵ Там же. С. 22.

дверцах кареты! Надобно пользоваться случаем, такие вещи не падают с неба!»⁵⁰⁶.

Истинные чувства самой героини повести «Именины» остаются не известны. С одной стороны, в браке с Н. ее не в чем упрекнуть. В глазах рассказчика во время знакомства она – идеальная жена, искренняя и счастливая; во второй приезд – глубоко несчастная, страдающая, но все равно любящая женщина. Однако очевидно, что любовь Александрины к С. была первым серьезным чувством и оставила глубокий след в ее душе. Муж понял, как она была поражена встречей, видел «однажды как ... плакала украдкой...»⁵⁰⁷. Это дало весомый повод для окончательного разочарования Н. в любви, жене и женщинах.

С самого начала повести «Аукцион» в действиях персонажей четко прослеживается театральность, наигранность, за которой прячутся истинные мысли и чувства. Молодые «щеголи» с нарочитым равнодушием скользят взглядами по ложе с красавицей-княгиней, но каждый из них счастлив от одной мысли, что она может посмотреть на него. Т., как истинный денди, оглядывает в лорнет публику, но этот прием он использует специально, пытаясь скрыть интерес к княгине, когда-то обманувшей его чувства. Чтобы не выдать свое волнение, герой «употреблял всевозможные уловки», но чувства прорываются: «Краска выступила у него на лице»⁵⁰⁸.

В позе молодой женщины, движениях рук, «живописном беспорядке» одежды все продумано. Каждая деталь ее образа – тоже «уловка», декорация, созданная для того, чтобы разжечь интерес, заставить восхищаться. Она прекрасно понимает, какой силой обладает ее красота, и ей нравится быть объектом поклонения.

⁵⁰⁶ Лермонтов М.Ю. Княгиня Лиговская // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 220.

⁵⁰⁷ Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 43.

⁵⁰⁸ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 45.

Оскорбленные чувства Т., его волнение на первый взгляд кажутся искренними, глубокими. Но автор дает понять “аукционность”, непостоянство, случайность и вместе с тем безысходность светских отношений. Как бы ни была сильна его любовь и страдания от разбитых надежд, но ради мести оскорбившей его красавице герой повести в итоге отказывается от обладания предметом своей страсти.

В своих статьях Н.А. Трифонов обратил внимание на типологическое сходство «Аукциона» и незаконченного романа М.Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская». Сравнивая эти произведения, он доказывает, что оно «простирается до мелочей»⁵⁰⁹. По мнению исследователя, если и не было непосредственного влияния Н.Ф. Павлова на М.Ю. Лермонтова, то общий жанр светской повести, сходные сюжетные положения героев, позволяют считать Н.Ф. Павлова «одним из предшественников Лермонтова в разработке им психологической повести»⁵¹⁰.

Действительно, в произведениях можно обнаружить сходство в сюжетных ситуациях, психологических реакциях и моделях поведения героев. Т. и Печорин – светские молодые люди, оба в прошлом любили и испытали разочарование. Любимые женщины снова появляются в их жизни после долгой разлуки (полтора – два года), обе замужем, в титуле княгинь, встречи происходят в театре. Т. сразу узнает в прекрасной княгине бывшую возлюбленную, Печорин заинтригован красотой незнакомки, но только в конце вечера понимает, что это Вера. Воспоминаниям о былой любви герои предаются в комнатах без свеч, освещенных огнем камина, в который они бросают напоминание о женщинах (Т. письма княгини, Печорин – карточку Лиговских).

Н.Ф. Павлов тонко подмечает психологию оскорбленного и страдающего мужчины: болезненное желание увидеть, рассмотреть княгиню, которому он не в силах противиться; смятение при встрече лицом к лицу;

⁵⁰⁹ Трифонов Н.А. Повести Н.Ф. Павлова // Ученые записки кафедры русской литературы МГПИ. Вып. 2. 1939. С. 128.

⁵¹⁰ Там же. С. 127 – 128.

страх перед оглаской причины их разрыва («не я первый бросил ее!»⁵¹¹); упреки и желание как можно больнее, изощреннее наказать. Конфликт в «Аукционе» имеет романтическую природу: столкновение мечты героя о любви и невозможностью обрести ее в реальности. Разрешить его, отомстить и «успокоить бунтующее самолюбие»⁵¹² Т. пытается с помощью психологического хода, но его насмешка не достигает цели. Из сцены утренней встречи в доме княгини понятно, что она была потрясена, но глубоко ранить светскую красавицу невозможно. Ее не волнуют переживания других, и сама страдать она не способна.

Герой М.Ю. Лермонтова замужество Веры тоже расценивает как измену. Печорин страдает от непонимания причин ее поступка, хотя именно его обида из-за пустяка и ухаживания за Лизаветой Николаевной стали толчком к разрыву. Он самоуверенно считает, что раньше «читал на лице ее все движенья мысли», но признается: «А теперь я ее не понимаю, совершенно не понимаю»⁵¹³. Печорин не вынашивает плана мести, но тем не менее мстит. Обида и задетое самолюбие проявляются в нарочитой лести князю, в наигранных поздравлениях с выходом замуж и колких намеках княгине, в готовности упрекать. Вера, в отличие от героини повести Н.Ф. Павлова, искренне любит и глубоко страдает. Именно этим объясняется ее взволнованность, смена настроения и выражений лица, попытки защититься ответами, чего не смог понять Печорин. Об этом говорят и ее слезы втайне от всех. Между ними, как и между героями «Аукциона», идет психологическая и словесная игра, которая имеет общую причину со стороны Григория и Веры – скрыть любовь. Кроме того, для Печорина – это способ мести, хотя он и сам до конца не понимает своей цели.

В центре внимания Н.Ф. Павлова в повести «Ятаган» – судьба молодого офицера Александра Бронина. Повесть начинается с самого

⁵¹¹ Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 48.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Лермонтов М.Ю. Княгиня Лиговская // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 208.

счастливого дня его жизни – производства в корнеты. Автор подробно описывает портрет молодого человека, который с непосредственностью и искренностью ребенка рассматривает себя в зеркало: «Как весело, как живо, как ребячески вертелся он перед зеркалом!»⁵¹⁴. Н.Ф. Павлов психологически точно определяет состояние вчерашнего юнкера, получившего первый офицерский чин, сравнивая его с мироощущением ребенка: «У кого с этим чином не связаны воспоминания детских восторгов, в которых было так много надежд, любви, свободы и, что всего лучше, много молодости!»⁵¹⁵. В эпоху романтизма в литературе складывается особое отношение к детству, которое представляется как «счастливая пора», «когда не только все кажется чудесным, но и чудеса присутствуют в жизни»⁵¹⁶. Н.Ф. Павлов сопоставляет первую ступень офицерской службы с детством, с началом жизненного пути, когда будущее неизвестно, но настоящее прекрасно, беззаботно, полно романтических мечтаний и надежд: «Корнет, первая крепкая ступень, с которой не видно, куда приведет и как шатка лестница, называемая жизнью: первое чувство равенства с другими, первое позволение наслаждаться, как другие»⁵¹⁷. С армейским будущим герой связывает мечты о любви, успехе, новых возможностях.

Из-за незначительного повода происходит дуэль между Александром Брониным и адъютантом. Н.Ф. Павлов верно подмечает, как зарождается в самоуверенном «племяннике могущественного дяди, адъютанте известного генерала»⁵¹⁸, обида, недовольство невниманием к его рассказам, ревность к княжне, раздражение в сторону корнета, поэтому улыбка Бронина во время падения адъютанта с лошади на глазах у княжны становится причиной вызова на дуэль. Поединок явился разрешением внутреннего конфликта, что

⁵¹⁴ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 52.

⁵¹⁵ Там же. С. 53.

⁵¹⁶ Ильченко Н.М., Пепеляева С.В. Детскость как свойство мировоззрения русских романтиков // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. 2015. № 2 (часть 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20570> (дата обращения: 23.05.2021).

⁵¹⁷ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 53 – 54.

⁵¹⁸ Там же. С. 63.

заметил опытный в светской жизни князь: «Это один предлог для адъютанта: разумеется, всякий выйдет из себя, когда его выбрасывают из общества, не замечают...»⁵¹⁹. В образе адъютанта Н.Ф. Павлов представляет особый психологический тип человека с болезненным самолюбием, тщеславного, с гипертрофированным чувством чести, за которым кроется надменность и эгоизм. У него характерное речевое поведение: он много говорит, «вооруженный великолепными фразами и неисчислимыми воспоминаниями 1812 года»⁵²⁰, в центр всех историй ставит себя, много говорит о храбрости, очевидно часто приукрашивая свои подвиги. Слушателями он сознательно выбирает «простодушных» деревенских помещиков, которые точно не могли возразить или усомниться в правдивости рассказов. Его цель – произвести и удержать впечатление, это тешит его самолюбие, доводит до «самозабвения». Таким же образом он пытается завоевать благосклонность Веры.

Похожий тип характера воссоздал М.Ю. Лермонтов в образе Грушницкого в романе «Герой нашего времени». В особенностях речи Грушницкого очень много от героя Н.Ф. Павлова: он многословен («страсть была декламировать»), не слушает и не слышит других («закидывает вас словами»⁵²¹), благодаря своим рассказам «слывет отличным храбрецом»⁵²², хотя это далеко не так. Грушницкий ставит себя в центр загадочных обстоятельств, окружает ореолом таинственности и романтизма, чтобы казаться глубже и значительнее, произвести впечатление. Это доставляет ему истинное удовольствие и неплохо получается с неискушенными деревенскими барышнями. Печорин говорит о таких людях: «Произвести эффект – их наслаждение: они нравятся романтическим провинциалкам до безумия»⁵²³. Первоначально с помощью наигранной беспомощности он смог завоевать внимание и княжны Мери. Еще одна черта, иллюстрирующая явное

⁵¹⁹ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 68.

⁵²⁰ Там же. С. 64.

⁵²¹ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 359.

⁵²² Там же. С. 360.

⁵²³ Там же. С. 359.

сходство адъютанта и Грушницкого, - принятие на себя роли жертвы. Н.Ф. Павлов, описывая поведение молодого человека, обиженного невниманием княжны, говорит: «...Адъютант разыгрывал роль жертвы»⁵²⁴. Грушницкий преподносил себя как «существо..., обреченное каким-то тайным страданием»⁵²⁵, жертву обстоятельств.

В повести Н.Ф. Павлова и романе М.Ю. Лермонтова героев связывают схожие отношения. Самовлюбленному позеру-адъютанту противопоставлен искренний, открытый Бронин; показному романтику и мелкому по натуре Грушницкому – по-настоящему сложный и противоречивый Печорин. Возникают любовные треугольники (адъютант – Вера – Бронин, Грушницкий – Мери – Печорин), в которых женщины отдают предпочтение Бронину и Печорину. Между антиподами происходят дуэли со смертельным исходом: Бронин убивает на поединке адъютанта, Печорин – Грушницкого.

По приговору суда Бронин направляется в уездный полк под начальство знакомого полковника, образ которого противоречив. Это был отважный офицер, заслуженно носивший боевые награды. Его глубоко трогало горе Натальи Степановны, и он «боролся между чувствительностью человека и мраморностью солдата»⁵²⁶, готовый прослезиться. Полковник относится к молодому человеку с сочувствием, однако намеренно советует не ездить к князю. Он интуитивно чувствует, что Бронина и Веру связывает нечто большее, чем просто деревенское знакомство. Он испытывал искренние чувства к княжне Вере, и эта любовь делала его лучше, естественнее; «он стал откровеннее, смелее, приятнее»⁵²⁷. В то же время ему присуще высокомерие, которое усугубляется после перевода Александра. Полковник, «считая себя благодетелем Бронина, сделался еще более

⁵²⁴ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 65.

⁵²⁵ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 359-360.

⁵²⁶ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 73.

⁵²⁷ Там же. С. 75.

заносчивым»⁵²⁸. Узнав, что солдат – его счастливый соперник в любви, полковник приходит в ярость. Ревность и уязвленное самолюбие превращают его в мстительного, деспотичного тирана.

Душевное состояние Бронина после разжалования – это постоянная внутренняя борьба. Он достойно переносит тяготы солдатской жизни, испытания закаляют его, он как будто взрослеет. После откровения полковника о любви к Вере, Бронин впервые теряет самообладание. Он идет в дом княжны, полный язвительной иронии и ревности. Его психологическое состояние помешало вовремя почувствовать опасность положения. Не он, а Вера первой понимает, что полковник из покровителя превратился во врага: «... Он теперь догадается и станет мстить вам!»⁵²⁹. Жестокость полковника, преподнесенная в рамках военной дисциплины, сломила солдата. После того, как его высекли, не физическая боль главным образом причиняет ему страдания. Он не в силах перенести нравственных мук от полученного оскорбления чести дворянина и собственного бессилия. Последним усилием воли, уже замыслив убийство полковника, он пытается защитить чувства Натальи Степановны, скрыть от нее правду, но это стало лишь отсрочкой материнской трагедии.

В 1835 году Н.Ф. Павлов и М.Ю. Лермонтов пишут произведения с одним названием – «Маскарад». Обращение авторов к ситуации маскарадности⁵³⁰ обусловлено, в том числе, интересом к чувствам человека под маской, особенностям игрового поведения.

⁵²⁸ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 87.

⁵²⁹ Там же. С. 89.

⁵³⁰ Понятие «маскарадности» связано изначально с карнавальской культурой Средневековья. Маскарад был неотъемлемой частью, излюбленным развлечением карнавала. Философия карнавала – это философия свободы, «переворота с ног на голову». Зародившись внутри карнавала, маскарад постепенно приобретает самостоятельность. В широком смысле – это любое явление, связанное с переодеванием и изменением внешности с целью розыгрыша, обмана, украшения и т.д., а его основными понятиями являются праздник, маска и игра. Появившись в России во время правления Петра I, маскарад закрепился в русской культуре в виде костюмированных балов-маскарадов.

С первых же строк повести Н.Ф. Павлова, которая начинается описанием бала-маскарада, ощущается атмосфера праздника. «Блестящая суматоха маскарада, великолепное разнообразие костюмов» передают радостное настроение гостей бала, который проходил «в первых числах января, в одном из старинных домов Москвы»⁵³¹.

В драме М.Ю. Лермонтова тоже определены время и место бала: «Ведь нынче праздники и, верно, маскарад / У Энгельгардта»⁵³². Слова Нины о катании в санях подтверждают, что события разворачиваются в зимние дни, в период святок. В отличие от Н.Ф. Павлова, М.Ю. Лермонтов практически не дает описания бала. Упоминается лишь несколько мужских и женских масок, под одной из них узнается баронесса Штраль в костюме домино, под другой Нина, потерявшая браслет; в толпе гостей Арбенин замечает даму в костюме турчанки. Нет и атмосферы рождественского праздника. На первый план выходят интриги, игра, скрытые пороки и желания. Арбенин дает характеристику происходящему, в которой содержится параллель с маскарадом в рамках традиции карнавала: «И если маскою черты утаены, / То маску с чувств снимают смело»⁵³³.

Более близко павловскому описанию сцены бала-маскарада в повести В.А. Соллогуба «Большой свет». Повесть также открывается маскарадом «среди буйных ликований веселой святочной ночи», где «было шумно и весело» и «пищали маски всех цветов и видов»⁵³⁴. Словами Сафьева можно объяснить природу интриги во всех рассматриваемых произведениях: «Тайна маскарада – тайна женская»⁵³⁵. В каждом из них тайна касается любовных отношений, а главные участницы событий, с которыми связан мотив тайны,

⁵³¹ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 104.

⁵³² Лермонтов М.Ю. Маскарад // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 361.

⁵³³ Там же. С. 362.

⁵³⁴ Соллогуб В.А. Большой свет // Соллогуб В.А. Избранная проза / Сост. В.А. Мильчиной; Вступ. статья и прим. А.С. Немзера; Ил. Ю.М. Игнатьева. М.: Правда, 1983. С. 87.

⁵³⁵ Там же. С. 89.

виновницы роковых совпадений, играющие чувствами и судьбами других героев, – женщины.

С загадочной маской старухи-колдуньи с молодыми глазами связана завязка основной интриги в повести Н.Ф. Павлова. Ее образ необычен и обманчив: богатый наряд, расшитый золотом и бриллиантами, «сморщенные черты страшной старухи» и взгляд, который «мелькал молодо в прорезях накладного лица»⁵³⁶. Оставаясь неузнанной, она, как тонкий психолог, раскрывает самые тайные движения души Ольги, отгадывает ее мысли, предсказывает будущее: «Я читаю в вашем сердце, все изгибы его открыты моей науке: вы смеетесь, а вам скучно, вы надеетесь, а ваша надежда – дым...»⁵³⁷. Маска ведет игру с графиней: говорит о ее чувствах, намекает на роковые обстоятельства в жизни Левина, чем разжигает в ней мучительный интерес к нему. Поведение и слова маски, полные недосказанности, намеков, игра с женским самолюбием Ольги сродни дьявольскому искушению, толкающему ее к соблазну любой ценой разгадать тайну Левина.

Подобные черты можно увидеть в персонажах М.Ю. Лермонтова. Таинственная мужская маска играет с Арбениным, намекает на его прошлое, произносит пророческую фразу: «Несчастье с вами будет в эту ночь»⁵³⁸. Женская маска флиртует с князем, говорит, что знает его мысли, точно и безжалостно определяет его натуру и характер, в котором, как в зеркале, отразилась современная автору эпоха. Мотив овладения дьяволом души человека – один из основных в драме Лермонтова. Лучшие представители общества, молодые, умные люди губят свои жизни в карточной игре, не способны на благородство и сострадание. Демоническими чертами наделен Казарин. Он, подобно дьяволу, ведет борьбу за душу Арбенина, пытаясь вернуть его к игре. Он искушает его воспоминаниями о свободном и

⁵³⁶ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 105.

⁵³⁷ Там же. С.107.

⁵³⁸ Лермонтов М.Ю. Маскарад // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 369.

порочном прошлом, постепенно ищет уязвимое место, вселяет сомнение и, добившись своего, победно восклицает: «Теперь он мой!..»⁵³⁹.

Если в повести «Маскарад» Н.Ф. Павлов так и не раскрывает, кто был под маской старухи, то в драме М.Ю. Лермонтова все ясно: под маской со Звездичем говорила влюбленная в него баронесса, а мужская маска оказывается Неизвестным – бывшим приятелем и несчастливым напарником в карточной игре Арбенина. В повести Соллогуба «маска в прекрасном домино, обшитом черным кружевом»⁵⁴⁰, сначала приводит в замешательство Леонины, интригует своей таинственностью и осведомленностью о нем, но Сафьев сразу узнает в ней княгиню Воротынскую.

Графиня Ольга в повести Н.Ф. Павлова – образ избалованной светской красавицы. Привыкшая к роли «центра бального мира», «вечернего гения»⁵⁴¹ и всеобщему вниманию (которое во многом было частью маскарадной игры), Ольга даже не допускает, что холодность Левина может быть подлинной и она не нравится ему: «Прекрасная женщина не любит верить искренности равнодушия»⁵⁴². Она придумывает оправдания поведению мужчины, чтобы успокоить свое женское самолюбие. Молодая вдова уверена, что, узнав тайну Левина, она поймет его, а значит, сможет покорить. В ней все наиграно, проявления чувств – искусная маскарадная игра, а «всемирная приветливость» - «дешевое участие»⁵⁴³. Единственный раз искренние чувства молодой вдовы, сбросившей маску роковой светской красавицы, и ее слезы видит доктор, когда они оказываются вдвоем в пустой комнате «далеко от нарядной залы»: «Первое движение графини было искренно; первый порыв

⁵³⁹ Лермонтов М.Ю. Маскарад // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 422.

⁵⁴⁰ Соллогуб В.А. Большой свет // Соллогуб В.А. Избранная проза / Сост. В.А. Мильчиной; Вступ. статья и прим. А.С. Немзера; Ил. Ю.М. Игнатьева. М.: Правда, 1983. С. 89.

⁵⁴¹ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 105.

⁵⁴² Там же. С. 115.

⁵⁴³ Там же. С. 108.

сердца, размученного любопытством и оскорбленного явной холодностью, разорвал эти оковы... графиня стояла во всей простоте неутешной печали»⁵⁴⁴.

При описании внешнего облика главной героини Н.Ф. Павлов сопоставляет ее с Дианой. Образы античных богинь возникают и в драме М.Ю. Лермонтова. Говоря о женщинах, Арбенин называет их «Диана в обществе... Венера в маскараде»⁵⁴⁵, Имя Дианы, римской богини женственности, покровительницы природы, имело символику тройной власти: на земле, на небе и под землей. Венера – римская богиня – красоты и плотской любви. Светские красавицы понимали силу своего очарования и умело этим пользовались. М.Ю. Лермонтов намекает на красоту и чувственность женщин высшего общества, за которыми скрываются расчет и порок.

Особую роль в портретах героев Н.Ф. Павлов отводит глазам. У графини Ольги они составляли «ее главную красоту». «Блестящие в точном значении слова»⁵⁴⁶, ее глаза завораживали, скрывая духовную бедность и равнодушие. Своеобразная игра глазами завязывается между графиней и ее дядей. «Ласково и насмешливо глядели на нее его маленькие пронырливые глаза», она же нарочито встречала их с «дальновидным, непостижимым проворством»⁵⁴⁷. Его забавляло наблюдать за увлечением племянницы Левиным, он не упускал ни одного движения ее глаз и изменения выражения лица. Она с досадой понимала, что он знает ее тайну, его «магнитная насмешка» «вызывала на нестерпимую откровенность»⁵⁴⁸, и это задевало ее гордость.

Подобные отношения связывают Сафьева и графиню Воротынскую в повести В.А. Соллогуба «Большой свет», однако это уже не добрая насмешка

⁵⁴⁴ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 122.

⁵⁴⁵ Лермонтов М.Ю. Маскарад // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 364.

⁵⁴⁶ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 109.

⁵⁴⁷ Там же. С. 107.

⁵⁴⁸ Там же. С. 108.

и забота. Постоянное наблюдение и обличение стало его мезью за обманутые чувства. Он постоянно был там, где она, открыто говорил о ее неискренности и корыстных планах. Его глаза постоянно следили за ней, он «неутомимо преследовал графиню своим пронзительным и обличающим взором»⁵⁴⁹. Сафьев – единственный человек, который некогда искренне любил эту женщину, а теперь до конца понимал, и этим он для нее страшен. «Она чувствовала себя прикованною к магнетическому влиянию неподвижного взгляда...»⁵⁵⁰. Мезь была смыслом жизни и для Неизвестного в драме «Маскарад». Он постоянно следовал за Арбениным, наблюдал, чтобы в нужный момент нанести удар: «Знал все твои дела и мысль твою порой»⁵⁵¹.

Левин резко отличается от всех представителей света. В его облике Н.Ф. Павлов тоже делает акцент на глазах: «Редко оживлялись его большие томные глаза, но это походило на вспышку болезни»⁵⁵². В них отражалась измученная, больная душа Левина. Сопоставление его с Наполеоном и Байроном неслучайно. Байронизм, мотивы «мировой скорби» звучали во всех европейских литературах первой трети XIX века. Увлечение Байроном в России начинается с 1820-х годов, и, по мнению М.Н. Розанова, «почти все поэты пушкинской эпохи переводили Байрона или выражали сочувствие его поэзии»⁵⁵³. Примечательно, что Наполеон в русской романтической поэзии представлен также как байронический герой. Слова Е.И. Усок, относящиеся к творчеству Лермонтова, определяют роль этих великих личностей в мировой истории и искусстве: «Для Лермонтова, как и для А.С. Пушкина, Дж. Байрон и Наполеон — наиболее яркие выразители своего века»⁵⁵⁴. Однако Н.Ф.

⁵⁴⁹ Соллогуб В.А. Большой свет // Соллогуб В.А. Избранная проза / Сост. В.А. Мильчиной; Вступ. статья и прим. А.С. Немзера; Ил. Ю.М. Игнатъева. М.: Правда, 1983. С. 161.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Лермонтов М.Ю. Маскарад // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 479.

⁵⁵² Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 115.

⁵⁵³ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 67.

⁵⁵⁴ Усок И.Е. Наполеоновский цикл // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия», 1981. 746 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-3613.htm> (дата обращения 16.01.2022).

Павлов отмечает, что часто дань моде убивает истинную глубину и величие: «Наши дерзкие глубокомысленные Наполеоны, наши мрачные рассеянные Байроны... – все изверились, ни у кого не было за душой ни тяжких дум, ни немного отчаяния»⁵⁵⁵. Левин искренен в своих страданиях, они стали результатом трудных поисков и разочарований в его жизни.

Левин был чужим в равнодушном и суетном свете, не мог найти применение своему деятельному уму и не видел смысла жизни, пока не обрел его в любви и семье. С этим связан мотив обретенного и потерянного рая. Женитьба стала спасением одинокой души, это было погружение в абсолютное счастье, рай на земле. Смертельная болезнь любимой жены приводит его в отчаяние, ее измена – к окончательному разочарованию. Рай был потерян, жизнь закончилась, превратившись в механическое «послушание актера»⁵⁵⁶. Так и Арбенин пытался укрыться в семье от цинизма и пошлости света, соприкоснувшись с которым он потерял веру во все светлое. Он искренне любил жену, верил, что с ней «воскрес для жизни и добра»⁵⁵⁷, для него она послание небес. Но в начале драмы Казарин говорит: «Да черт-то все в душе сидит»⁵⁵⁸. Знание самых грязных сторон светской жизни, где правят игра и обман, не дает ему поверить в искренность и невиновность Нины. Будучи уверенным в ее неверности, он восклицает: «но ты, мой рай, небесный и земной... прощай!..»⁵⁵⁹. Таким образом, между Арбениным и Левиным много общего: разочаровавшись в свете, они находят цель и смысл жизни в любви к женщине. Однако герои обнаруживают обман: в драме – ложный, в повести – действительный⁵⁶⁰. По мнению Н.М.

⁵⁵⁵ Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 114.

⁵⁵⁶ Там же. С. 126.

⁵⁵⁷ Лермонтов М.Ю. Маскарад // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 383.

⁵⁵⁸ Там же. С. 358.

⁵⁵⁹ Там же. С. 390.

⁵⁶⁰ Ильченко Н.М. Байронический герой и особенности формирования образов «лишнего человека» и «русского скитальца» в отечественной литературе // Вестник Мининского университета, 2014, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/470> (дата обращения 05.04.2020).

Ильченко, «байроническая составляющая образа главного героя связана с тоской и отчаянием»⁵⁶¹. Поэтому герой Н.Ф. Павлова встает в один ряд с «лишними людьми» русской литературы байронического типа – Онегиным, Арбениным, Печориным.

В повести «Демон» Н.Ф. Павлов обращается к изображению чувств и мыслей незнатного, бедного служащего в одном из низших чинов.

«Демон» отличается от других произведений Н.Ф. Павлова, написанных в жанре светский повести, местом действия, тематикой и образом главного героя, на что обратили внимание исследователи. А.Г. Цейтлин назвал повесть «Демон» «превосходной» и «несправедливо забытой»⁵⁶². В монографии «Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета)» он привел слова А.Г. Горнфельда⁵⁶³: «Каждое крупное творение есть результат преемственного развития общих мотивов, и здесь... всякое большое движение выражается не только в бессмертных его представителях, но и в целом ряде писателей второстепенных, о которых не только грешно, но и опасно забывать»⁵⁶⁴. В этой связи исследователь впервые указал на роль повести «Демон» Н.Ф. Павлова в развитии сюжета о «бедном чиновнике», который разрабатывали Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь и другие писатели. По утверждению Н.А. Трифонова, «изображением мучительных переживаний ущемленных и неполноправных», судьбы «униженного и оскорбленного» человека Н.Ф. Павлов является «одним из предшественников Достоевского»⁵⁶⁵.

⁵⁶¹ Ильченко Н.М. Байронический герой и особенности формирования образов «лишнего человека» и «русского скитальца» в отечественной литературе // Вестник Мининского университета, 2014, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/470> (дата обращения 05.04.2020).

⁵⁶² Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М.: Наука, 1965. С. 23.

⁵⁶³ А.Г. Горнфельд (1867 – 1941) – известный российский литературовед, критик, переводчик, публицист, журналист конца XIX начала XX вв.

⁵⁶⁴ Цейтлин А.Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета). М., 1923. С. 1.

⁵⁶⁵ Трифонов Н.А. Н. Ф. Павлов // Павлов Н. Ф. Повести и стихи. М.: Художественная литература, 1957. С. 21-22.

Вначале повести «Демон» по обстановке комнаты главного героя, деталям быта складывается впечатление, что перед нами небогатый человек с чуткой «русской» душой, увлеченный любимым делом, готовый до рассвета работать. Эти черты были характерны для персонажей, относящихся к типу «маленького человека», появившемуся в русской литературе с героями А.С. Пушкина (Самсон Вырин «Станционный смотритель», Евгений «Медный всадник» (1833)). Однако позже выяснится, что занят он всего лишь «перебеливанием», переписыванием черновых документов. Примечательно, что именно переписывание будет входить в обязанности последующих представителей типа «маленького человека»: Акакия Акакиевича («Шинель») и Макара Девушкина («Бедные люди»). Гоголь говорит о своем герое: «С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало»⁵⁶⁶. Герой Достоевского рассказывает о себе: «Я ведь и сам знаю, что я немного делаю тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь: я работаю, я пот проливаю»⁵⁶⁷.

В образах героев Н.Ф. Павлова и Н.В. Гоголя можно выделить схожие черты. Оба они – мелкие чиновники, переписчики деловых бумаг, бедны. Оба живут далеко от центра города. В начале повести Андрей Иванович – это «терпеливый, полезный» труженик, готовый работать даже ночью. Ничто его не тревожит, он ничего не хочет менять в своей жизни: «Ему не захотелось ничего передвинуть, ничего изменить и поправить...»⁵⁶⁸. Его не волнуют красоты и возможности, которые может дать другой берег. Акакий Акакиевич – тихий, смиренный, «ревностно» любящий свою работу. Даже насмешки сослуживцев не могут вывести его из себя. Его все устраивает в жизни, хотя имеет он немного. Постепенно в произведении меняется

⁵⁶⁶ Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: В.Л. Комарович. Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 145.

⁵⁶⁷ Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 47.

⁵⁶⁸ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 153.

внутреннее состояние и поведение героев. В первую ночь, пока мысль о перемене жизни еще не возникли в его голове, Андрей Иванович занят своим привычным делом, без вдохновения, в абсолютном спокойствии, Петербург пока не властен над ним и даже после величественной картины другой стороны Невы «он не растревожился»⁵⁶⁹. Вид спящей жены дает толчок «необыкновенным» мыслям, начинается волнение, «он начал ходить, тереть лоб и трепать волосы»⁵⁷⁰. В этот момент «демон» Петербурга берет над ним власть. На следующий день он уже не шел «смирной» походкой, «он бежал, волнение было так сильно»⁵⁷¹. Во вторую ночь перед нами уже «мятежный Андрей Иванович». Он энергично двигается по комнате, и вместо того, чтобы продолжить переписывать документы, начинает сочинять письмо начальнику, которое необходимо ему для достижения своей цели.

Осознание мысли, что пошив новой шинели неизбежен, Акакий Акакиевич впервые проявляет эмоции: «Вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз отроду»⁵⁷². Он начинает разговаривать с собой, его мысли постоянно работают: «Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель»⁵⁷³. С новой шинелью к нему приходят новые чувства: радость, удовольствие, удовлетворение, он находится в «праздничном», «счастливым» расположении духа. После кражи шинели он пребывает в отчаянии, начинает ходить с прошениями о помощи, но ничего не добившись, умирает. После смерти это уже смелый бунтарь, «мятежный» Акакий Акакиевич, который хочет восстановить для себя справедливость.

С образом ночи и ночного Петербурга в повести Н.Ф. Павлова связан мотив фантастического, с которым переплетается мотив подавляющего величия города. «Прекрасная», «чудная» ночь», во время которой начинается

⁵⁶⁹ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 153.

⁵⁷⁰ Там же. С. 155.

⁵⁷¹ Там же. С. 157.

⁵⁷² Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: В.Л. Комарович. Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 151.

⁵⁷³ Там же. С. 154 – 155.

повествование, становится роковой, поворотной в сознании и судьбе героя. Когда Андрей Иванович «потушил свечу и подошел к окну», зазвучали первые нотки тревоги: «На том берегу темнелась и светлела великая картина»⁵⁷⁴. Сила человеческого духа, воплощенная в прекрасном и великом городе, завораживает и притягивает, но автор предупреждает, что в нем слились свет и тьма, добро и зло. Именно на это обращает внимание В. Н. Топоров в своем исследовании «петербургского текста»: «В текстах этого типа «положительное» и «отрицательное» часто выступают не только в подозрительном соседстве и даже опасном смешении, но в той тесной и органической связи, где одно и другое находятся в отношении взаимозависимости, где они — при определенном взгляде — дополняют и обуславливают друг друга»⁵⁷⁵.

Петербург в повести Н.В. Гоголя – это место, где могла случиться такая жестокая несправедливость с «маленьким человеком». Здесь Акакий Акакиевич испытывает настоящее счастье, надев новую шинель, и теряет смысл жизни после ее кражи. Только в Петербурге история могла принять «фантастическое направление», но быть «совершенно истинной».

Описание спящей столицы в «Демоне», похожее на отрывок из волшебной сказки, полно восхищения на грани страха: «Петербург спал, покоился этот гигант Севера, страшно и приятно было смотреть на грозный и великолепный сон»⁵⁷⁶. Андрей Иванович как будто находится внутри волшебного пространства, освещенного «фантастическим светом». Те же мысли о нереальности и иррациональности Петербурга позднее прозвучат у Ф.М. Достоевского в очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), где он назовет Петербург «самым фантастическим городом, с самой

⁵⁷⁴ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 153.

⁵⁷⁵ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2003. С. 11.

⁵⁷⁶ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 155.

фантастической историей из всех городов земного шара»⁵⁷⁷, и в повести «Записки из подполья» (1864) при рассуждении о человеке «девятнадцатого столетия, ... имеющего сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре»⁵⁷⁸. Город, показанный Н.Ф. Павловым, предстает одухотворенным, наделенным чертами живого существа, со своим жизненным распорядком: «Петербург спал»⁵⁷⁹, «просыпался весело», шевелился, на равных вступал в отношения с героем – «отказывался от него»⁵⁸⁰; «Петербург бодрствовал, Петербург служил, Петербург ел уже»⁵⁸¹. Неудивительно, что такой город мог восхищать и подчинять.

Если наедине с собой Андрей Иванович еще смог устоять перед «чудесами спящего Петербурга», не поддался «глупым мукам воображения», сравнению «Петербургской стороны с Дворцовой набережной»⁵⁸², то в комнате жены чувство неудовлетворенности жизнью, осознание своей ничтожности и «унижения» полностью охватили его. Автор подчеркивает противоречивость ситуации: женитьба на молодой красавице, «объятия завидной женщины»⁵⁸³ не приносят герою счастья. Напротив, именно это усиливает его неудовлетворенность, он находится в постоянном психологическом напряжении, когда думает о жене.

Подготовка к пошиву новой шинели становится целым этапом в жизни Башмачкина. Он как будто просыпается, меняется внешне и внутренне, появляются новые мысли. Он тоже находится в эмоциональном подъеме, напряжении и чуть было не ошибается в документе, чего с ним не случилось даже после унижений сослуживцев.

⁵⁷⁷ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 57.

⁵⁷⁸ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 101.

⁵⁷⁹ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 155.

⁵⁸⁰ Там же. С. 164.

⁵⁸¹ Там же. С. 165.

⁵⁸² Там же. С. 153.

⁵⁸³ Там же. С. 158.

Возникновение у героя Н.Ф. Павлова замысла об изменении своей жизни, погружение в то «необыкновенное», что «происходило у него на сердце», провоцируется Петербургом, проникает в его сознание вместе с видением из «ослепительного ряда зеркальных стекол, больших, светлых, ярких»⁵⁸⁴. Прослеживается еще один мотив, связанный с Петербургом и его пространством, – мотив света, который не осеняет возвышенными чувствами и мыслями, а ослепляет, давая возможность тьме проникнуть в рассудок и душу.

В повести «Шинель» Н.В. Гоголь также делает акцент на освещенности пространства улиц, где живет Акакий Акакиевич, и центра города: «Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населенней и сильнее освещены»⁵⁸⁵.

Герой романа «Бедные люди» Ф.М. Достоевского с восхищением описывает ярко освещенную Гороховую улицу в центре Петербурга, манящую роскошью и красотой: «Какие лавки, магазины богатые; все так и блестит и горит, материя, цветы под стеклами...»⁵⁸⁶. Однако у Н.Ф. Павлова свет приобретает именно обманчивое, ослепляющее значение.

С момента возникновения у Андрея Ивановича мысли о возможности лучшей жизни, забота о жене становится прикрытием, оправданием неестественности, аморальности его мыслей. Он начинает отдаляться от нее. Показательна сцена обеда, дающая понять, насколько далеки супруги друг от друга. Произшедшая перед ним размолвка не взволновала, не заставила переживать и искать примирения. Автор тонко объясняет психологические мотивы поведения жены: для женщины недостаточно иметь лишь

⁵⁸⁴ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 156.

⁵⁸⁵ Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: В.Л. Комарович. Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 158.

⁵⁸⁶ Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 85.

необходимое, это ее оскорбляет: «За кусок хлеба никто не благодарит»⁵⁸⁷. Женщины расчетливы и корыстны, они могут быть благодарны лишь получая дары красоте и тщеславию. Вековая семейная традиция не только не сближает, но еще больше отстраняет и разъединяет супругов. Жена не может скрыть равнодушия, которое переходит в раздражение под пристальным взглядом мужа, погруженного в свои мысли. Он вымещает на ней свою неудовлетворенность. Постепенно жена, как часть его жизни, становится неинтересна Андрею Ивановичу: «Что-то мертвое очутилось у него в глазах, какое-то равнодушие»⁵⁸⁸. Сцена заканчивается выводом автора: «Жена портила картину, мужу следовало быть наедине с этим обедом»⁵⁸⁹. Если вначале муж искренне привязан к жене, то сейчас он смотрит на нее как на средство достижения своей цели, поэтому то, что она убегает из-за стола, его не волнует.

Вторая ночь из жизни Андрея Ивановича приносит новые противоречия. Внешне все осталось прежним: «на плечах Андрея Ивановича был тот же бухарский халат», повторилось волшебство и красота петербургской ночи: «Опять старая сказка, опять гранит, ангел и месяц..., все великолепно, очаровательно, чудно!», но «умышленный» город уже сделал свое дело: «Петербург был тот же – чиновник переменялся»⁵⁹⁰. Герой снова поглощен работой, но уже «Андрей Иванович не перебеливает, Андрей Иванович сочиняет»⁵⁹¹. «Волшебной невидимкой налетало на него бесплотное вдохновение»⁵⁹², но для того, чтобы помочь в написании не важного документа или поэтического произведения, а прошения к начальнику для реализации неестественного и противоречащего здравому смыслу и морали плана: предложить свою «жену красавицу» ему в любовницы. Тогда же автор раскрывает истинную суть того

⁵⁸⁷ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 159.

⁵⁸⁸ Там же. С. 161.

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Там же. С. 163.

⁵⁹² Там же.

«необыкновенного», что творилось с героем, – «дьявольское наваждение»⁵⁹³. Чудесная сказка ночного города оказалась сетью, в которую «демон» Петербурга поймал душу бедного чиновника.

Другая жизнь, связанная с другим берегом Невы, воплощается для Андрея Ивановича в образе дома начальника, «мимо которого со времен своей женитьбы не мог пройти равнодушно»⁵⁹⁴. На него переходят характеристики города в целом: «Дом стоял весь в тени, был неприступен, важен и велик»⁵⁹⁵. Перед ним все страхи и комплексы «маленького человека» обострились, «придавили его к земле»⁵⁹⁶. Рядом с «величием этих стен и окон», гиперболизировано большой дверью «по росту великанов», более ярко вырисовывается образ «маленького человека», который в ужасе боится даже смотреть на окружающее величие, «чтобы сохранить остаток мужества и присутствие ума»⁵⁹⁷.

В образе самого начальника, в его манере держаться и вести разговор с подчиненными прослеживается сходство со «значительным лицом» из гоголевской «Шинели». Оба не сразу принимают просителей. Андрей Иванович стоял у притолоки с незапамятных времен»⁵⁹⁸, «долго пришлось ему томиться в пустыне приемной»⁵⁹⁹. «Значительное лицо» специально заставляет ждать, чтобы показать свою значимость приятелю. Начальник не обращает внимания на вошедшего, говорит не сразу и «из-за спины», зевает, демонстрируя равнодушие. Однако неожиданные слова чиновника выводят его из равновесия, он начинает раздражаться, кричать. «Значительному лицу» также не важна проблема человека. Все, что его волнует, - это неправильно поданная просьба. Он не слушает Акакия Акакиевича и даже не замечает его возраст, называет его «молодым человеком». Он кричит, топает

⁵⁹³ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 162.

⁵⁹⁴ Там же. С. 168.

⁵⁹⁵ Там же. С. 165.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Там же. С. 169.

⁵⁹⁸ Там же. С. 168.

⁵⁹⁹ Там же. С. 171.

ногами, наслаждаясь произведенным эффектом. «Его превосходительство» в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского не интересуется людьми, которые у него работают, «гневно» начитает ругать Девушкина, кричать на других подчиненных.

Бедные чиновники, представ перед начальниками, испытывают похожие чувства. «Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость,... стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа»⁶⁰⁰. «Андрей Иванович бледнел, лицо его сливалось с белым галстуком...»⁶⁰¹. Оба с подобострастием и страхом несколько раз повторяют «ваше превосходительство». Макар Девушкин не смог сказать ни слова от страха. Однако заканчиваются их встречи по-разному. Просьба Акакия Акакиевича остается без ответа, его самого «вынесли почти без движения»⁶⁰² под возмущенный крик «значительного лица», тогда как Андрей Иванович, поддерживаемый неведомой силой, «скользнул в дверь»⁶⁰³ с «дьявольской» улыбкой, уже уверенный в своей победе, не смотря на крик начальника. Иной характер имеет сцена с начальником в «Бедных людях». Допустившего ошибку Макара Девушкина «его превосходительство» сначала начинает отчитывать, но затем не только смягчает свой гнев, но и дает ему сто рублей, настолько его поразил нищенский, униженный вид чиновника.

В описании событий в доме начальника в повести Н.Ф. Павлова вновь возникает мотив солнца и света: «ровный свет» наполнял приемную, «солнце светило в огромные окна»⁶⁰⁴ кабинета. Петербургское солнце, освещая пространство вокруг героя, подобно дьяволу, проникает в душу, изнутри направляя и помогая воплотить в жизнь его план. И вот уже «мысль и луч его

⁶⁰⁰ Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: В.Л. Комарович. Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 166.

⁶⁰¹ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 173.

⁶⁰² Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: В.Л. Комарович. Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 167.

⁶⁰³ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 178.

⁶⁰⁴ Там же. С. 172.

глаза... упали как молния»⁶⁰⁵, «мирное лицо воспламенилось» и «запылало благородством»⁶⁰⁶. После разговора он «потушил жар своей души» и «улыбнулся про себя так двусмысленно, так зло, так надменно и самоуверенно, как будто надеялся поступить на вакансию какого-нибудь дьявола»⁶⁰⁷. Поддавшись «необыкновенной» силе, Андрей Иванович сам выступает в роли демона. Рассказом о придуманном увлечении жены он искушает мужское самолюбие начальника, будит воображение, толкает к выгодному для него решению. Слова «жена красавица», которые он неоднократно повторяет, звучат как заклинание.

Определенное сходство есть и в женских образах произведений Н.Ф. Павлова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Дуня в повести Пушкина «Станционный смотритель», жена Андрея Ивановича, Варенька в «Бедных людях» Достоевского – это смысл жизни героев, с ними связаны их надежды на будущее и мечты о счастье. Стимулом к жизни, труду, заработку является любовь (у А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского – нежная и самоотверженная, у Н.Ф. Павлова – искаженная неудовлетворенностью и болезненными амбициями). Интересно, что у Акакия Акакиевича это место заняла шинель, которая была и мечтой, и объектом трепетной любви, на которую он потратил последние деньги: «...Как будто бы он женился, ... как будто... приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу»⁶⁰⁸. С потерей этого стимула героям становится незачем жить. После бегства дочери Самсон Вырин от одиночества и тоски спивается и умирает. Макар Девушкин после отъезда Вареньки пишет слова, полные отчаяния: «Я умру, Варенька, непременно

⁶⁰⁵ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 173.

⁶⁰⁶ Там же. С. 177.

⁶⁰⁷ Там же. С. 178.

⁶⁰⁸ Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: В.Л. Комарович. Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 154.

умру; не перенесет мое сердце такого несчастья!»⁶⁰⁹. Кража шинели и последующие события свели в могилу Акакия Акакиевича. Герой Н.Ф. Павлова по собственной воле теряет жену, отдает в любовницы начальнику. Благодаря этому сбывается его мечта о богатстве, доме и ордене, но, решившись на этот шаг, он духовно умирает.

Таким образом, в произведениях Н.Ф. Павлова и М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского наблюдается явное сходство в образах героев, сюжетных ситуациях, особенностях психологического анализа. Это обусловлено как контактными связями между авторами–современниками, так и типологическими. Сопоставительный анализ произведений подтвердил, что творчество Н.Ф. Павлова, попавшего в число авторов «второго плана», безусловно нашло отклик у писателей 1830-1840-х годов, а темы, образы и приемы, использованные им, продолжили существование в произведениях признанных мастеров русской литературы. Н.Ф. Павлов стоял у истоков психологической прозы XIX века, расцвет которой произойдет в творчестве М.Л. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева. Он стал предшественником Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского в раскрытии образа «маленького человека», «бедного чиновника». Созданный им образ Петербурга, как противоречивого города-загадки, оказывающего влияние на души и судьбы людей, продолжает традицию А.С. Пушкина и по праву вливается в «петербургский текст», углубленный в прозе Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

3.2. «Павловский текст» в рассказах А.П. Чехова «Анна на шее» и Л.Н. Толстого «После бала»

В 1880-х годах русская художественная литература подошла к эстетическому и философскому кризису. Ушедших классиков-реалистов

⁶⁰⁹ Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 107.

(Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева) сменили новые мастера – А.П. Чехов, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко, А.И. Куприн; пережил религиозно-философский перелом мировоззрения Л.Н. Толстой. Утратили актуальность народническая и натуралистическая теории. Традиции классического реализма сохраняли влияние, но среди писателей нового поколения начинает назревать понимание недостаточности его возможностей, необходимости обновления эстетической концепции, образа героя, выразительных средств.

При характеристике культурного процесса конца XIX – начала XX века многие исследователи используют понятие «неоромантизм», хотя понимание его природы в литературоведении неоднозначно. В книге «Русская литература XX века. 1890—1910» (1914) С.А. Венгеров предложил применять термин «неоромантизм» как наиболее «всеобъемлющий», под который подходит «разнообразие литературной психологии» рубежа веков, и который шире понятий «декадентство», «символизм», «модернизм»⁶¹⁰. В 1920-х годах В. Чешихин-Ветринский определил неоромантизм как «возрождение в конце XIX и начале XX века литературных настроений первой четверти и половины XIX века в Европе», а по отношению к отечественной литературе предлагал вместо «эпохи русского «неоромантизма» говорить просто о новом классическом периоде русской литературы»⁶¹¹. Во второй половине XX века о неоромантизме говорилось не как о самостоятельном течении, а совокупности «идейных и стилевых тенденций», которые были присущи как реализму, так и декадентским направлениям конца XIX – начала XX века⁶¹². В трудах ученых ИМЛИ РАН начала XXI века понятия «неоромантизм» и «модернизм» используются в

⁶¹⁰ См. в современном издании: Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова; Послесл., подгот. текста А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 17.

⁶¹¹ Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. Т. 1. М., Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Стб. 514 - 515.

⁶¹² Литературный энциклопедический словарь / Ред. Кожевников В.М., Николаев П.А. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 244.

слиянии⁶¹³. Некоторые современные исследователи считают неоромантизм, самостоятельным, близким к романтизму культурным феноменом⁶¹⁴, другие разделяет взгляд на него как отличительную особенность модернизма⁶¹⁵. Однако существование художественных тенденций, общих для целого ряда авторов, тесно связанных с романтической эстетикой, подчеркивается всеми.

Таким образом, на рубеже XIX – XX веков в новых исторических и культурных условиях повторяется ситуация перехода от одной эстетической концепции к другой, которая наблюдалась также и в начале XIX века. Характерными чертами литературного процесса этого времени стали возникновение интереса к романтизму и творчеству писателей-романтиков, романтизация личности, способной к проявлению героизма, к активным действиям ради изменения своей жизни, в соединении с глубоким психологизмом, актуализируются темы и сюжетообразующие ситуации, присущие романтизму, такие как бал, дуэль (А.П. Чехов «Анна на шее», «Дуэль» (1891), А.И. Куприн «Поединок» (1905), Л.Н. Толстой «После бала»), возвращается интерес к садово-парковой культуре усадьбы в новом качестве дачи (А.П. Чехов «Дачники» (1885), «На даче» (1886), «Дядя Ваня» (1896), И.А. Бунин «На даче» (1895)).

Писателем, ярко отразившим в своем творчестве черты переходного периода, создавшем целую галерею новых типажей героев, ученые называют А.П. Чехова⁶¹⁶. В его рассказах 1890-х годов ставятся общечеловеческие проблемы морали, нравственного выбора, находят развитие темы и сюжетные ситуации, впервые появившиеся в романтических светских

⁶¹³ Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 960 с.

⁶¹⁴ См.: Васильева И. В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX века: автореферат дис. ... канд. культурологии. М.: МГУ, 2011; Луков Вл.А. Неоромантизм // Знание. Понимание. Умение. № 2. 2012. С. 309 - 312.

⁶¹⁵ Липовецкий М.Н. Неоромантизм в русской поэзии XX – XXI веков: смысл и границы понятия // Филологический класс. № 5 (51). 2018. С. 3 - 18.

⁶¹⁶ См: Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова; Послесл., подгот. текста А. Н. Николокиной. М.: Республика, 2004 543 с.; Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 960 с.; Тимофеев Н.А. Эволюция героя в прозе А.П. Чехова 1890 – 1900-х годов. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015. 17 с.

повестях первой трети XIX века. Так, воплощение в рассказе А.П. Чехова «Анна на шее» сюжетной линии чиновник - жена, возникновение треугольника чиновник – жена – начальник имеет явное сходство с повестью Н.Ф. Павлова «Демон».

В повести Н.Ф. Павлова между супругами – главными героями – большая разница в возрасте (Андрею Ивановичу сорок пять лет, жене – девятнадцать). Единственной силой, которая «свела эту жену с этим мужем», была бедность: «Нищета выдала ее головою»⁶¹⁷. Н.Ф. Павлов обозначает тему неравного брака, которая нередко встречается в русской культуре (картины В.В. Пукирева «Неравный брак», П. Федотова «Сватовство майора», Ф. Журавлева «Перед венцом»; произведения А.С. Пушкина («Дубровский» (1833)), Ф.М. Достоевского («Елка и свадьба» (1848), «Бедные люди») и другие). Примечательно, что эта тема так или иначе затрагивается и в других повестях Н.Ф. Павлова. В «Именинах» и «Ятагане» мужчины имеют более низкий социальный статус, чем любимые ими женщины (крепостной С. и дворянка Александрина, разжалованный в солдаты Бронин и княжна Вера). Именно это добрачное неравенство является препятствием к любви и семейному счастью. В «Маскараде» богатый Левин женится на бедной девушке, с которой он чувствует духовное равенство и близость. Однако это оказывается иллюзией. Герой «Миллиона» тоже хочет жениться на девушке младше себя, ходят слухи о том, что ее семья скоро разориться. В этих повестях тема неравенства осложняется мотивом брака по расчету по стороны женщины. Также по расчету выходит замуж графиня Воротынская и бросает любящего ее Сафьина в повести В.А. Соллогуба «Большой свет», причем здесь это взаимный расчет. Не достигший высот в службе граф получает вместе с молодой красавицей-женой статус в обществе, она – богатство и удовлетворение женского тщеславия.

⁶¹⁷ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 159.

Отношения между супругами в повести Н.Ф. Павлова развиваются необычно. Чиновник оказывается «добрым мужем», он заботится о жене, старается в ущерб себе создать вокруг нее «по мере возможности, вкус, роскошь»⁶¹⁸. Но «удовлетворение первых нужд»⁶¹⁹ – это не то, чего ждет она, и не то, чего бы хотел дать он. Андрей Иванович чувствует себя недостойным своей молодой красавицы-жены. Мысль о том, что он – «кавалер пряжки за двадцать лет и четвертой степени Станислава»⁶²⁰ – не может обеспечить ей роскошную жизнь, не дает ему покоя. Вместо наслаждения тем, что имеешь, герой чувствует неудовлетворенность, досаду на бедность, близкую старость и низкое положение: «Хоть бы Анна была у него на шее, хоть бы голова была без седых волос, хоть бы каменный дом был на проспекте!»⁶²¹. Так параллельно с образом жены в повести возникает образ-символ «Анны» - ордена Святой Анны II степени. Его носили на шее, и это была более высокая, статусная награда, чем «Станислав» Андрея Ивановича. В первой части герой с досадой думает, «можно ли это прогуливаться под ручку с такой прекрасной женщиной, не имея ничего на шее»; его раздражают «кавалеры Анны на шее»⁶²², гуляющие по проспекту. Автор лаконично представляет жизненный идеал: «Ему хочется принарядить жену, показать ее в люди, хочется денег, Анны на шею»⁶²³. «Анна на шее» для Андрея Ивановича – предел его желаний, символ успешности и счастья. В конце повести его мечта сбылась, и он с удовольствием, «проворно всей Анной»⁶²⁴ поворачивается к собеседнику, нисколько не заботясь, какой ценой она была получена.

Фраза, неоднократно звучащая в повести Н.Ф. Павлова, выносится А.П. Чеховым в название рассказа и также связана с мечтами героя получить

⁶¹⁸ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 153.

⁶¹⁹ Там же. С. 159.

⁶²⁰ Там же. С. 154.

⁶²¹ Там же.

⁶²² Там же. С. 157.

⁶²³ Там же. С. 158.

⁶²⁴ Там же. С. 182.

награду и более высокое положение. Учитывая временной разрыв между периодом творчества авторов и то, что сборники Н.Ф. Павлова в XIX веке не переиздавались, можно говорить о случайном сходстве. Связано это со сложившимся устойчивым представлением о личности и психологии чиновников. Основным их стремлением считалось продвижение по служебной лестнице, символами этапов этого пути были формальные признаки – чины и ордена. А.П. Чехов дает имя Анна и героине, благодаря чему заголовок приобретает символическое звучание. За желанную награду муж Анны должен закрывать глаза на ее неверность и свое двусмысленное положение.

У А.П. Чехова, как и у Н.Ф. Павлова, молодая девушка из бедной семьи выходит замуж за чиновников намного старше себя (Модесту Андреичу было пятьдесят два года, Анне – восемнадцать), желая помочь родным поправить свое положение. Обе героини не любят мужей и тяготятся жизнью, которую вынуждены вести. Жена Андрея Ивановича получает от него «удовлетворение первых нужд»⁶²⁵, поэтому единственное чувство, которое проявляет она – это равнодушие. Анна в повести А.П. Чехова относится к мужу со страхом и явным пренебрежением, даже отвращением. Ей неприятна мысль о поцелуях и близости с ним: «Ей было и страшно, и гадко»⁶²⁶. Анна сознательно вышла замуж за немолодого, неприятного внешне, но состоятельного мужчину. Она обманулась в своих ожиданиях стать богатой и поддержать отца с братьями, поэтому чувствует разочарование.

В обоих произведениях есть сцены семейного обеда. Обращает на себя внимание то, что поведение героев практически одинаково. Н.Ф. Павлов пишет: «Они принялись обедать. Она не ела и того, чего хотелось; он ел и то, чего не хотел. ... Девятнадцатилетняя женщина сидела за обедом и сама не

⁶²⁵ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 159.

⁶²⁶ Чехов А.П. Анна на шею // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 162.

обедала»⁶²⁷. У А.П. Чехова «за обедом Модест Алексеич ел очень много и говорил... А Аня слушала его, боялась и не могла есть и обыкновенно вставала из-за стола голодной»⁶²⁸. А.П. Чехов, как и Н.Ф. Павлов, раскрывает глубину разобщенности супругов. В философии и культурологии еда рассматривается как «самый интимный процесс, соучастник которого становится самым близким другом»⁶²⁹. У славян совместный прием пищи, трапеза был окружен множеством правил, условностей и символизировал единство, уют и благополучие. Ежедневный семейный обед в произведениях Н.Ф. Павлова и А.П. Чехова теряет традиционный смысл, так как духовной связи и уважения в этих семьях нет. В итоге женщины, которые наиболее сильно чувствуют дискомфорт ситуации, теряют желание даже физиологического утоления голода.

Развязка семейных отношений героев практически одинакова. Модест Алексеич представляет Анну в обществе, намеренно велит ей нарядиться и даже, не смотря на скупость, выдает для этого сто рублей. Вращаясь в светском обществе, он знал силу женской красоты, поэтому видит в Анне средство получить повышение по службе: «Я тебя осчастливил, а сегодня ты можешь осчастливить меня. Прошу тебя, представься супруге его сиятельства!»⁶³⁰. Он еще не предполагает, что она пойдет гораздо дальше. Осознав силу своего женского очарования, Анна начинает изменять мужу, открыто и уже без страха показывая ему пренебрежение и тратя «его деньги как свои». В отличие от героини Н.Ф. Павлова, которая играет пассивную роль в переменах жизни, Анна сама решает свою судьбу.

Внутреннее состояние героев, их отношение к своей жизни и друг к другу построены на яркой антитезе «до» и «после». Герой А.П. Чехова,

⁶²⁷ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 160 – 161.

⁶²⁸ Чехов А.П. Анна на шее // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 164.

⁶²⁹ Марков Б.В. Культура повседневности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031401.65 "Культурология". М., 2008. С. 234.

⁶³⁰ Чехов А.П. Анна на шее // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 168.

жадный, тщеславный, находивший удовольствие в поучении других, относившийся к жене снисходительно и свысока, потом начинает смотреть на нее «с тем же заискивающим, сладким, холопски-почтительным выражением, которое она привыкла видеть у него в присутствии сильных и знатных»⁶³¹. Она из несчастной жены превращается в уверенную, сильную женщину, которую не волнуют проблемы морали («она уже не боялась»⁶³²), а ее жизнь – в череду пикников, спектаклей и развлечений вне дома. Первая фраза, которую она говорит после понимания произошедших перемен: «Подите прочь, болван!»⁶³³. В ней и месть за прошлые унижения, и презрение, и надменное торжество сильного над слабым. Он же не только не смущен этим, но и с удовольствием принимает ситуацию, ведь его цель тоже достигнута: он стал вхож к «его сиятельству» и «получил Анну второй степени»⁶³⁴. Жена для него тоже стала средством достижения цели. Андрей Иванович в повести Н.Ф. Павлова не просто молчаливо соглашается на подобный поворот в своей жизни, но сам умело предлагает жену в любовницы начальнику.

С героями Н.Ф. Павлова тоже происходят перемены. Неудовлетворенность и раздражение Андрея Ивановича переходят в довольство жизнью, богатством и самим собой, поэтому он часами может любоваться на себя в зеркало, хотя раньше седые волосы его раздражали. Его жена, вынужденная ранее сидеть дома и жить с нелюбимым человеком «за насущный хлеб»⁶³⁵, становится «ужасной охотницей выезжать», ей на дом привозят «билет на ложу в театр»⁶³⁶. Примечательно, что именно в конце повести, после всех случившихся перемен, автор впервые называет ее по имени – Марья Ивановна, а не просто «жена», и произносит ее имя муж. В

⁶³¹ Чехов А.П. Анна на шее // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 172.

⁶³² Там же.

⁶³³ Там же.

⁶³⁴ Там же.

⁶³⁵ Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 160.

⁶³⁶ Там же. С. 182.

рассказе А.П. Чехова Модест Андреич сначала разговаривает с Анной либо в поучающем, либо в приказном тоне, ни разу не обращается по имени. Очарованный красотой женщины перед балом, он впервые называет ее Аня.

Обращает на себя внимание то, что рассказ А.П. Чехова, как и повесть Н.Ф. Павлова, имеет кольцевую композицию. Повесть «Демон» автор начинает и заканчивает описанием двух разных кабинетов чиновника. В начале и в конце «Анны на шее» звучат слова–лейтмотивы, связанные с ее семьей и бедным прошлым, причем фразы буквально зеркальные: «Папочка, будет... Папочка, не надо...»⁶³⁷ – «Не надо, папочка... Будет, папочка»⁶³⁸. Этим приемом авторы пользуются, чтобы еще ярче подчеркнуть перемены в жизни и душах своих героев. Андрей Иванович из «добродетельного» труженика и заботливого мужа превращается в самодовольного, праздного господина, живущего за счет порочных денег, а его жена из бедной чиновницы – в светскую даму и любовницу начальника. Модест Андреич из защитника добродетели – в человека, принимающего порок, если он приносит выгоду. Анна «продает» себя Модесту Андреичу, но искренне желает этим помочь отцу и братьям. В конце рассказа, уже имея неограниченные финансовые возможности, она забывает «своих». Порочной стала не только ее жизнь, но и душа.

Тема социального неравенства, рассмотренная с другой точки зрения, поднималась в повести Н.Ф. Павлова «Ятаган». Проблема бесправия простого человека, насилия и жестокости в армии времен правления Николая I, поднятая автором в 1835 году, через много лет получила отражение в рассказе Л.Н. Толстого «После бала», основное повествование которого рассказывает о событиях 40-х годов XIX века. Перед читателем предстают не только участники событий, но и характерные черты николаевской эпохи.

⁶³⁷ Чехов А.П. Анна на шее // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 161.

⁶³⁸ Там же. С. 173.

В начале рассказа Иван Васильевич вспоминает себя молодым студентом, жизнь которого проходила в беззаботном веселье: «Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы»⁶³⁹. Знаменательный бал состоялся «в последний день масленицы... у губернского предводителя»⁶⁴⁰. Герой находился в состоянии сильной влюбленности и все вокруг ему казалось чудесным: «добродушные» хозяева, «великолепные» угощения, «зала прекрасная с хорами»⁶⁴¹, очаровательная Варенька и ее «красивый, статный» отец. Сам о себе он говорит, что был «бесконечно счастлив»⁶⁴². Вспоминается герой Н.Ф. Павлова в начале повести «Ятаган» - такой же молодой, красивый, дышащий «искренней радостью»⁶⁴³ в новом мундире корнета. Он увлечен Верой, она отвечает ему взаимностью. Его внутреннее состояние до случая в доме князя можно определить как абсолютное счастье.

Оба героя полны надежд и мечтаний, и в жизнь каждого вторгается разрушительная реальность. Бронин сначала в результате практически случайной дуэли снимает мундир корнета и надевает солдатскую шинель, а потом не выдерживает унижения и губит свою жизнь убийством. Иван Васильевич говорит о своей судьбе: «Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее, утра»⁶⁴⁴. После бала он становится свидетелем страшной картины наказания шпицрутенами беглого татарина. Сюжетная ситуация в рассказе Л.Н. Толстого имеет явное сходство с наказанием Бронина после убийства полковника в повести «Ятаган».

Н.Ф. Павлов практически не дает описания экзекуции. Стиль повествования, по сравнению с предыдущим текстом, меняется. Нет образных описаний, авторских рассуждений. Предложения простые, короткие, констатирующие, многие заканчиваются многоточием. Этим

⁶³⁹ Толстой Л.Н. После бала // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 117.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Там же. С. 121.

⁶⁴³ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 53.

⁶⁴⁴ Толстой Л.Н. После бала // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 116.

передается безысходность привычной дисциплинарной ситуации. Одновременно, как и в эпизоде с наказанием после учений, подчеркивается обыденность происходящего: «Проворно разнесли по рядам свежие прутья. Иные солдаты ловко схватили их и красиво взмахнули ими по воздуху»⁶⁴⁵. Подтрунивание над приговоренным «прогуляться по зеленой улице»⁶⁴⁶ звучит негуманно, зловеще.

Все, что Н.Ф. Павлов скрыл в многоточиях, подробно и реалистично описывает Л.Н. Толстой: изуродованное тело и страдания наказываемого, хладнокровие исполнителей, жестокость командира. Как и у Н.Ф. Павлова, в рассказе Л.Н. Толстого солдаты воспринимают экзекуцию, как обыденное событие. Их действия отработаны, каждый знает, что ему делать. Одни вели наказываемого сквозь строй, привязанного к двум ружьям, другие методично опускали палки ему на спину. Каждый из них мог оказаться на месте татарина, но, как и в повести Н.Ф. Павлова, они выполняют свое дело. Однако здесь не просто равнодушие, главной причиной является забитость простых солдат, их страх перед командиром и наказанием за проявление сочувствия.

Символичен день, в который происходит бесчеловечное избиение. Бал был в последний день масленичной недели, описываемые события происходят в самый первый день Великого поста, Чистый понедельник. По христианской традиции это день духовного очищения, требующий, как и вся последующая неделя, жесткого поста и молитвы. Данный факт еще более подчеркивает антигуманность происходящего. Свой страшный грех, за который поплатился жизнью, герой Н.Ф. Павлова также совершает в христианский праздник практически на пороге церкви.

Обращает на себя внимание поведение полковника, когда он замечает Ивана Васильевича: «Делая вид, что он не знает меня, он грозно и злобно

⁶⁴⁵ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 101.

⁶⁴⁶ Там же.

нахмурившись, поспешно отвернулся»⁶⁴⁷. В нем нет раскаяния, он раздражен, что возможный зять стал свидетелем его жестокости. Армейские порядки были известны всем, но распространяться на такие «неудобные» темы было не принято. Полковник в повести Н.Ф. Павлова, после того, как отдал приказ высесть Бронина, понимает, что поступил подло, дал волю гневу и ненависти: «Что-то похожее на слезу блеснуло у него в глазах»⁶⁴⁸. Как и полковник в рассказе Толстого он прячет глаза: «Он проворно отвернулся»⁶⁴⁹.

Иван Васильевич глубоко переживает увиденное, постепенно понимает, что уже не может жить, как прежде. Он пытается логически осмыслить увиденное, объяснить для себя необходимость подобного, но у него ничего не получается. Он отказывается от мечты стать военным и от Вареньки. Так тема «палочной» дисциплины, жестоких телесных наказаний в армии эпохи царствования Николая I, нравственного осмысления жизни раскрываются в реалистическом рассказе Л.Н. Толстого «После бала». Оба автора акцентируют внимание на парадоксальной ситуации: нормы общества могут быть несправедливыми и антигуманными, но при этом законными.

Таким образом, общечеловеческие и нравственные проблемы, которые затронул Н.Ф. Павлов в рамках романтической повести, нашли продолжение десятилетия спустя в произведениях рубежа XIX – XX веков. Сравнительный анализ повестей Н.Ф. Павлова с рассказами А.П. Чехова и Л.Н. Толстого доказал типологические связи произведений двух переходных эпох русской литературы, преемственность в развитии тем и сюжетов.

ВЫВОДЫ ПО III ГЛАВЕ

Психологизм повестей Н.Ф. Павлова проявился не только в интересе к внутренним состояниям и переживаниям героев. Н.Ф. Павлов использовал особый психологический анализ, когда через портрет передается характер, в

⁶⁴⁷ Толстой Л.Н. После бала // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 124.

⁶⁴⁸ Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 96.

⁶⁴⁹ Там же.

описании душевных движений прослеживается авторское отношение к персонажу, делается акцент на личностных изменениях в герое.

В своих повестях Н.Ф. Павлов создал несколько психологических портретов героев, которые имеют сходство с персонажами М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя:

- Светская красавица (княгиня («Аукцион»), графиня Ольга («Маскарад»), княжна («Миллион»)). Павловские героини внешне прекрасны, но равнодушны, расчетливы и безнравственны. Такую же оценку представительницам высшего света дает М.Ю. Лермонтов: они обольщают внешней красотой и порочной чувственностью («Маскарад»).

- Разочарованный герой (Н. («Именины»), Левин («Маскарад»), Г... («Миллион»)). Н. и Левина переживают крах семейных отношений, в которых они видели смысл жизни. С другой стороны, Левин и Г... не могут найти свое место в бездуховном обществе, среди людей, которых интересуют только деньги и статус. Так и лермонтовский Арбенин («Маскарад») пытался исцелить душу в семье, но разочарованность в порочном обществе и недоверие оказались сильнее любви.

- Уязвленный герой (Н. и С. («Именины»), Т. («Аукцион»), адъютант и полковник («Ятаган»)). У Т., Н. и полковника было задето мужское самолюбие, они страдают и ревнуют, как и Печорин в романе М.Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская». Трагедия С. имеет социальную окраску: талант и гордая натура героя не могут смириться с унижительным положением крепостного. Самолюбие адъютанта бережат завышенные амбиции и тщеславие, которые являются главными чертами характера и у Грушницкого (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

- Бедный чиновник (Андрей Иванович («Демон»)). Чиновник Н.Ф. Павлова, как и Башмачкин Н.В. Гоголя («Шинель») и Девушкин Ф.М. Достоевского («Бедные люди»), - носитель психологии «маленького человека». Однако герой Н.Ф. Павлова под влиянием «демона» Петербурга

постепенно преодолевает ее и меняет свою жизнь, чего не смог Макар Девушкин, а Башмачкин сумел только после смерти.

- Начальник («Демон»). Самолюбование, равнодушие к простому человеку, моральное давление на подчиненных, резкость, присущие герою Н.Ф. Павлова, повторяются в характерах начальников в повести Н.В. Гоголя «Шинель» и романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди».

Сюжетные ситуации и мотивы, к которым обращается Н.Ф. Павлов в своих повестях, также встречаются в произведениях М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя:

- бал или бал-маскарад (Н.Ф. Павлов «Аукцион», «Маскарад», «Миллион» - М.Ю. Лермонтов «Маскарад»);

- дуэль (Н.Ф. Павлов «Именины», «Ятаган» - М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени», «Княгиня Лиговская»);

- измена любимой женщины (реальная в повестях Н.Ф. Павлов «Аукцион», «Маскарад» - мнимая в драме М.Ю. Лермонтов «Маскарад», замужество героини в романе «Княгиня Лиговская» также расценивается героем как измена);

- месть (Н.Ф. Павлов «Именины», «Аукцион», «Ятаган» - М.Ю. Лермонтов «Маскарад», «Княгиня Лиговская»);

- любовный треугольник (Н.Ф. Павлов «Именины», «Ятаган», «Демон» - М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»);

- разговор чиновника с начальником (Н.Ф. Павлов «Демон» - Н.В. Гоголь «Шинель», Ф.М. Достоевский «Бедные люди»);

- мифопоэтический мотив потерянного рая (Н.Ф. Павлов «Именины», «Маскарад» - М.Ю. Лермонтов «Маскарад»).

«Павловский текст» проявился в произведениях отечественной литературы на рубеже XIX – XX веков на волне неореализма. Общечеловеческие проблемы нравственности и гуманизма, поднятые в светских повестях Н.Ф. Павлова, получили развитие в произведениях писателей-реалистов. В рассказе А.П. Чехова «Анна на шее» повторяется

сюжет повести «Демон» о чиновнике, который с помощью жены достигает своих тщеславных целей. Типологическое сходство произведений наблюдается во многих особенностях. Например, символический образ ордена Святой Анна, олицетворяющий мечту героев. Словосочетание «Анна на шее» проходит лейтмотивом в «Демоне» и выносится в заголовок Чеховым. В сюжетной ситуации семейного обеда реализуется мотив духовной разобщенности супругов. Изображены личностные изменения в мужьях, переступивших через мораль и мужское самолюбие.

Л.Н. Толстой в начале XX века обращается к эпохе 1840-х годов и выводит на новый уровень проблему социального неравенства, строгости порядков николаевской армии. Типологическое сходство повести Н.Ф. Павлова «Ятаган» и рассказа Л.Н. Толстого «После бала» можно увидеть:

- в образах главных героев до роковых событий в их судьбах («абсолютно счастливый» корнет Бронин и Иван Васильевич на балу);
- в описании наказания солдат;
- в поведении военачальников, руководивших экзекуцией (полковник («Ятаган») – отец Вареньки («После бала»));
- в действиях простых солдат, выполняющих приказ;
- в подчеркнутой антигуманности происходящих событий (экзекуции совершаются в православные праздники).

Таким образом, повторение сюжетных линий, мотивов, образов повестей Н.Ф. Павлова в произведениях современников и авторов более поздних периодов свидетельствует о наличии как контактных, так и типологических связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Культурный контекст 30-х годов XIX века во многом формировался писателями-романтиками. Используя европейскую литературную традицию, обращаясь к национальной истории и мифологии, они создали оригинальные произведения. Романтическая повесть стала воплощением процессов, происходящих в действительности. Важнейшее значение в дальнейшем становлении русской прозы имела светская повесть. Она максимально сблизила литературу с жизнью, писатели-романтики обновили принципы социально-психологического анализа в изображении внутреннего мира человека и действительности, что явилось значительным шагом на пути становления реализма в русской литературе. Поэтому изучение произведений, написанных в жанре повести, прежде всего, светской, стало значимым.

Обращение к произведениям Н.Ф. Павлова, составившим два сборника его прозы – «Три повести» (1835) и «Новые повести» (1839) – определилось вниманием писателей этого периода (М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского, В.А. Соллогуба, В.Ф. Одоевского, Е. Ган и др.) к жизни и культуре аристократического общества и художественному воплощению размышлений о них. Жанровое своеобразие светской повести позволило приблизить «книжный мир» к действительности, полно передать процессы в бытовой и общественной жизни русского общества первой трети XIX века, в частности, его привилегированной части – дворянства. С ее помощью авторы оперативно откликались на актуальные процессы, явления внутри дворянского общества. Светская повесть стала своеобразной документальной формой, фиксирующей сведения об особенностях организации дворянского быта; нравах и традиционном поведении в быту и общественных местах собрания светского общества; основных культурных традициях дворян первой трети XIX века (бальная церемония, дуэль, посещение театра,

празднование Рождества, именин и др.); об изменениях, происходивших в сознании человека XIX века, связанных с проникновением в русскую действительность новых, буржуазных отношений.

Н.Ф. Павлов еще до выхода прозаических циклов считался талантливым переводчиком и поэтом. Выход сборников Н.Ф. Павлова, особенно первого – «Три повести» - стал знаменательным событием для литературы 1830-х годов, отмеченным большим количеством положительных, даже восторженных откликов критиков (В.Г. Белинского, С. Шевырева, А. Краевского и др.), известных писателей-современников (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, Н.Г. Чернышевского и др.), простых читателей, что повлекло за собой выход произведений-подражаний. Однако уже к концу века его имя попало в число «забытых». Несправедливость этого доказывается значимостью его повестей, смелостью тем и глубиной проблематики, социальной обусловленностью конфликта, что было новым для произведений того времени.

Выход «Трех повестей» свидетельствовал об умении автора наблюдать за людьми и их отношениями, представить характерные бытовые черты и правдиво воссоздавать их в произведениях. Социальное заострение конфликта и смелость тематики повестей «Именин» и «Ятагана» выделило их среди других произведений 30-х годов XIX века. В первой повести в центре внимания писателя судьба, душевные страдания крепостного музыканта, ставшего солдатом, стремящегося отстоять право на любовь, место в обществе и человеческое достоинство. Во второй молодой корнет, дворянин за участие в дуэли со смертельным исходом разжалован в солдаты и оказался в трагически неразрешимой ситуации.

С «Новыми повестями» связана другая особенность творчества Н.Ф. Павлова – углубленный психологизм, стремление разобраться в самых сложных и «темных» тайнах человеческого сердца.

В рамках исследования проведен анализ всех повестей Н.Ф. Павлова в историко-культурном аспекте. Это позволило показать, что автор

художественно воспроизвел современную ему действительность 1830-х годов во многих ее проявлениях. В портретах героев и героинь представлен внешний облик и одежда представителей дворянства, предназначенных для различных ситуаций (выход в свет, присутствие на балу, повседневность, военный мундир, статская одежда); особенности домашней обстановки и организации пространства (усадебный дом и сад, дома бедного и богатого чиновника, предметы быта); традиционное времяпрепровождение и повседневные занятия людей (публичные прогулки по бульварам и паркам, посещение театра, женские домашние занятия). В сюжетных ситуациях отражены основные культурные традиции (бал, дуэль, театр) и мировоззрение дворянской среды (театрализация бытового поведения, дендизм, «культ мундира»). Острые темы повестей первого сборника были смелым откликом на злободневные проблемы современности (крепостное право, жестокие порядки в николаевской армии).

Несмотря на распространенность дуэлей в России, практически не осталось исторических документов, позволяющих узнать правила дуэльного ритуала, причины конфликтов и другие особенности этого явления дворянской культуры. Романтическая повесть стала своеобразной их заменой. Повести Н.Ф. Павлова «Именины» и «Ятаган» – значимый источник знаний об этой яркой и противоречивой традиции. В повести «Ятаган» на примере чувств молодого корнета объясняются психологические мотивы любви к военной службе, «культ мундира», который сложился к началу XIX века в русском обществе. «Маскарад» и «Миллион» иллюстрируют метафорическое значение «маскарадности» нравов светского общества. В «Маскараде» игра героини в любящую, верную жену и подругу объясняется глубокой порочностью высшего света, в «Миллионе» героиня устраивает настоящий спектакль оболыщения чистотой, искренностью и бескорыстием ради цели выгодно выйти замуж, но даже эта цель становится неинтересна перед властью денег.

Было доказано, что при несомненном отличии манеры повествования в «Новых повестях», между сборниками есть тесная связь. В каждой повести основной конфликт – столкновение главного героя со светской средой, разрушавшей мечты о любви и счастье. Причины конфликта разные. Однако в большинстве повестей несчастье героя связано с его социальным статусом: С. в «Именинах» тяжело переживает свое унижительное положение крепостного музыканта; в «Ятагане» блестящий офицер разжалован в солдаты, по сути его положение близко к положению крепостного; герой «Демона» не удовлетворен своим социальным статусом и бедностью; благородная душа Г. в «Миллионе» страдает от богатства, приобретенного откупом. В «Маскараде» молодой Левин страдает от бездуховности общества, которое не отвечало его мечтам, но истинное разочарование, как и герой «Аукциона», он испытал с изменой любимой женщины.

Любовный конфликт во всех повестях также имеет социальную обусловленность. Узнав, что ее избранник – крепостной, Александрина падает в обморок; измены княгини и жены Левина – это подтверждение бездуховности высшего света; княжна Вера любит Бронина, но не может выйти замуж за солдата; жена Андрея Ивановича вышла за него без любви, так как сама была из бедной семьи, а он отдает ее в любовницы начальнику ради доходного места и привилегий; желание получить миллион становится сильнее чувств для княжны Софьи. Ни в одной из повестей любовь не прошла проверку социальными обстоятельствами.

Анализ мифопоэтики повестей «Ятаган», «Маскарад», «Демон», «Миллион» показал многочисленные обращения Н.Ф. Павлова к мифологическим образам и мотивам. С элементами как древнейшей, архаичной, так и более поздней мифологии связаны различные функции. Так, мотивы народной славянской и христианской мифологии (праздники Рождественского цикла, праздник Ивана Купалы, народные предания, потусторонние силы, призрак) использованы для организации сюжета в повестях «Ятаган» и «Маскарад». Античные образы богинь Дианы, Авроры,

скульптора Пигмалиона помогли автору углубить психологизм, образно и точно передать особенности характера и выразить критическое отношение к нравам светских красавиц. Растительная и цветочная символика использованы для контрастного изображения характеров главных героинь («Маскарад», «Миллион»). Важные мифологемы (река, небо, глаза, звезда, огонь, дорога, сад, дом), а также общекультурные и христианские предметные символы (нож, ключ, зеркало) позволили углубить психологический анализ. Использование в повести «Маскарад» святочных мотивов, символического обрядового предмета (зеркала) своеобразно вписалось в изображение быта и нравов дворянского общества.

Изучение творчества Н.Ф. Павлова в контексте историко-литературного процесса позволило выявить перекличку тем, мотивов, образов, особенностей поэтики его повестей с произведениями современников (А.С. Пушкиным, А.А. Бестужевым-Марлинским, Е.П. Ростопчиной, В.А. Соллогубом, М.Ю. Лермонтовым), что доказало включенность прозы Н.Ф. Павлова в магистральную линию развития русской литературы.

Анализ повестей Н.Ф. Павлова в историко-культурном аспекте, выделенные темы, мотивы, образы, особенности поэтики показали переходный характер его творчества. Оставаясь в рамках романтического метода, сохраняя романтическую поэтику, Н.Ф. Павлов создал произведения, которые начали «продвигать» русскую литературу к реализму.

Сопоставление образов и сюжетных ситуаций повестей «Маскарад», «Демон» и «Ятаган» показало, что они близки с произведениями признанных мастеров-реалистов - драмой «Маскарад» М.Ю. Лермонтова, повестью «Шинель» Н.В. Гоголя и романом «Бедные люди» Ф.М. Достоевского. Созданные Н.Ф. Павловым психологические портреты равнодушной светской красавицы, «лишнего человека» байронически-онегинского типа близки персонажам М.Ю. Лермонтова, а Левин встает в один ряд с Онегиным, Арбениным, Печориным. Н.Ф. Павлов стал продолжателем

традиций А.С. Пушкина и предшественником Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского в создании типа «маленького человека» в русской литературе XIX века; А.П. Чехова, Л.Т. Толстого – в раскрытии общечеловеческих и нравственных проблем (милосердие, порок и добродетель, насилие, нравственный выбор), а также одним из первых писателей, поставивших в своих произведениях проблему несправедливости и антигуманности общественных порядков.

В процессе исследования было уточнено место и роль Н.Ф. Павлова как писателя, открывшего новые грани романтизма, способствовавшего переходу к новой реалистической эстетике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Баратынский Е.А. Цыганка // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М.: «Наука», 1982. С. 225 – 267.
2. Белинский В.Г. Дмитрий Калинин // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 417 – 504.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 193 - 254.
4. Бестужев-Марлинский А.А. Роман и Ольга // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 35 - 68.
5. Бестужев-Марлинский А.А. Страшное гадание // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения; Статьи; Письма / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 309 - 339.
6. Бестужев-Марлинский А.А. Мореход Никитин // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2-х т. Т.2. Повести; Рассказы / Сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. С. 285 - 317.
7. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета канонические. В русском переводе с параллельными местами. Чикаго, 1989. 300 с.
8. Бунин И.А. На даче // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. М.: Правда, 1988. С. 266 – 303.
9. Вагнер Н.П. Любка. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005437233?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 03.05.2022).

10. Вельтман А.Ф. Эротика // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. статья и примеч. В. И. Сахарова. М.: Сов. Россия, 1980. С. 281 – 308.
11. Ган Е.А. Идеал // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. статья и примеч. В. И. Сахарова. М.: Сов. Россия, 1980. С. 435 – 182.
12. Ган Е.А. Медальон // Сочинения Зенеиды Р-вой: В 4 т. Т.3. СПб., 1843. С. 3 – 203.
13. Ган Е.А. Суд света // Сочинения Зенеиды Р-вой: В 4 т. Т.3. СПб., 1843. С. 205 – 358.
14. Гоголь Н.В. Ночь накануне Ивана Купалы // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / гл. ред.: Н.Л. Мещеряков. Т. 1. Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 137 – 152.
15. Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / гл. ред.: Н.Л. Мещеряков. Т. 1. Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 201 – 243.
16. Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский. Т. 8. Статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 177 – 190.
17. Гоголь Н.В. О Современнике (письмо к П.А. Плетневу) // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский. Т. 8. Статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 421 – 431.
18. Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / гл. ред.: Н.Л. Мещеряков. Т. 2. Миргород. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 33 – 166.
19. Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред.: В.Л. Комарович. Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 139 – 174.
20. Греч Н.И. Московские письма // Сочинения Николая Греча. Часть пятая. Мелкие сочинения. СПб, 1838. С.85 – 112.
21. Григорович Д.В. Прохожий (Святочный рассказ) // Святочные истории. СПб.: Азбука, 2012. С. 129 – 196.

22. Даль В.И. Авсень // Святочные истории. СПб.: Азбука, 2012. С. 120 – 128.
23. Дмитриев В. Маскарад // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб., 1993. С. 113 – 125.
24. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 13 – 108.
25. Достоевский Ф.М. Елка и свадьба // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 95 – 101.
26. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 99 – 179.
27. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 46 – 98.
28. Жуковский В.А. Светлана // Жуковский В.А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982. С. 153 – 160.
29. Загоскин М. Два московских бала в 1801 году // Полное собрание сочинений М.Н. Загоскина. Том седьмой. Москва и москвичи. СПб, М., 1898. С.63 – 75.
30. Карамзин Н.М. Бедная Лиза // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. Т.1. М.-Л.: Худож. лит., 1964. С. 27 – 34.
31. Карамзин Н.М. Наталья – боярская дочь // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. Т.1. М.-Л.: Худож. лит., 1964. С. 55 – 72.
32. Кукольник Н.В. Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века. М., Худож. лит., 1989. С. 218 – 256.
33. Куприн А.И. Поединок // Куприн А.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М.: Правда, 1982. С. 216 – 439.
34. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 275 - 474.

35. Лермонтов М.Ю. Княгиня Лиговская // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 164 - 257.
36. Лермонтов М.Ю. Маскарад // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 347 - 488.
37. Лесков Н.С. Жемчужное ожерелье // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958. Т. VII. 570 с.
38. Люк Ип. Клятва женщины. Сцены из современной жизни // Телескоп. 1834. Ч. XXI. С. 14 - 44.
39. Одоевский В.Ф. Живописец // Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Повести / Сост., коммент. В.И. Сахарова. М.: Худож, лит., 1981. С. 325 – 332.
40. Одоевский В.Ф. Игоша, 1833. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/odoevskiy_vladimir/igosha.html#0 (дата обращения 03.05.2022).
41. Одоевский В.Ф. Княжна Зизи // Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Повести / Сост., коммент. В.И. Сахарова. М.: Худож, лит., 1981. С. 258 – 303.
42. Одоевский В.Ф. Княжна Мими // Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Повести / Сост., коммент. В.И. Сахарова. М.: Худож, лит., 1981. С. 220 – 257.
43. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 317 с.
44. Павлов Н.Ф. Аукцион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л. М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С.44 – 51.
45. Павлов Н.Ф. Демон // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л. М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 183 – 238.
46. Павлов Н.Ф. Именины // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 18 – 43.
47. Павлов Н.Ф. Маскарад // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 104 – 150.

48. Павлов Н.Ф. Миллион // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ.ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С.183 – 238.
49. Павлов Н.Ф. Мщение. Эпизод из летописей современной жизни / Перевод повести Бальзака «Вендетта» // Телескоп, 1831. Ч. II. № 5. С. 75 — 86, №6. С. 168 — 233, № 8. С. 474 — 510.
50. Павлов Н.Ф. Невеста-аристократка / Перевод повести Бальзака «Загородный бал» // Телескоп, 1831. Ч. V. № 17. С. 13 — 43, № 18. С. 175 — 210, № 19. С. 329 — 369.
51. Павлов Н.Ф. Ятаган // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 52 – 102.
52. Павлов Н.Ф. Три повести М.: Худ. лит., 1958. 94 с.
53. Панаев В.И. Иван Костин, народная повесть. СПб., 1823. 40 с.
54. Панаев В.И. Приключение в маскараде, 1820. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/panaew_w_i/text_1820_prikluchenia_v_maskarade.shtml дата обращения (03.05.2022).
55. Петр I. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VI, 1720—1722, № 3890. С. 486 — 493.
56. Погодин М.П. Васильев вечер // Русская готическая проза: В 2 т. Т. 1. М.: 1999. С. 57 – 84.
57. Погодин Н.П. Нищий // Русские повести XIX века (20-х – 30-х годов): в 2 т. Т. 1. М.-Л.: Гослитиздат, 1950. С. 265 – 272.
58. Погодин М.П. Черная немочь // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. статья и примеч. В. И. Сахарова. М.: Сов. Россия, 1980. С. 245 – 280.

59. Погорельский А. Двойник, или Мои вечера в Малороссии // Погорельский А. Сочинения. Письма. СПб.: Наука, 2010. С. 7 - 123.
60. Погорельский-Перовский А.А. Лафертовская маковница // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. статья и примеч. В. И. Сахарова. М.: Сов. Россия, 1980. С. 135 – 158.
61. Полевой Н.А. Блаженство безумия // Русская готическая проза: В 2 т. Т. 1. М.: 1999. С. 17 – 54.
62. Пушкин А.С. Дубровский // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Художественная проза. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 142 – 209.
63. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 5 – 184.
64. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Художественная проза. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 258 – 370.
65. Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Художественная проза. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 54 – 115.
66. Пушкин А.С. М.П. Погодину // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. Письма 1815 - 1830. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 2643 – 165.
67. Пушкин А.С. «Три повести» Н. Павлова // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. С. 221 – 222.
68. Пушкин А.С., Титов В.П. Уединенный домик на Васильевском // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. статья и примеч. В. И. Сахарова. М.: Сов. Россия, 1980. С. 159 – 182.
69. Ростопчина Е.П. Поединок // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож.

лит., 1989. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0030.shtml (дата обращения 11.12.2020).

70. Роткирх фон В.А. Мертвец в маскарде // Страшные святочные истории русских писателей. М.: Никея, 2018. С. 224 – 235.

71. Соллогуб В.А. Большой свет // Соллогуб В.А. Избранная проза / Сост. В. А. Мильчиной; Вступ. статья и прим. А.С. Немзера; Ил. Ю.М. Игнатьева. М.: Правда, 1983. С. 86–162.

72. Сомов О.М. Роман в двух письмах // Сомов О.М. Были и небылицы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 287 – 309.

73. Сомов О.М. Русалка. Малороссийское предание // Сомов О.М. Были и небылицы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 136 – 144.

74. Толстой Л.Н. После бала // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 116 – 125.

75. Чехов А.П. Анна на шее // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 161 – 173.

76. Чехов А.П. Дачники // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1984. С. 16 – 17.

77. Чехов А.П. Дуэль // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1985. С. 353 – 455.

78. Чехов А.П. Дядя Ваня // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13. М.: Наука, 1986. С. 61 – 116.

79. Чехов А.П. На даче // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1985. С. 135 – 157.

80. Шаховской А.А. Нечаянная свадьба, 1839. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/shahowskoj_a_a/text_1839_nechayannya_svadba.shtml (дата обращения 09.12.2020).

Научно-критическая и справочная литература

81. Аксаков И. Стихотворения Ф.И. Тютчева // Русский архив. 1879. № 5. С. 118-123.

82. Алпатова Т.А. Павлов Николай Филиппович // М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014. 936 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-dictionary/znakomye-i-sovremenniki/pavlov-nikolaj-filippovich.htm> (дата обращения 16.01.2022)
83. Антонов В.В. Петербург неизвестный, забытый, знакомый. М.: Центрполиграф ; СПб.: МиМ-Дельта, 2007. 318 с.
84. Анциферов Н. Душа Петербурга. Пб., 1922. 228 с.
85. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси: поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. М.: Эксмо, 2005. 605 с.
86. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Индрик, 1994. Т. 3. 840 с.
87. Баешко Л.С. Энциклопедия символов / Баешко Л.С., Гордиенко А.Н., под редакцией О.В. Перзашкевича, М. 2007, с. 99. 302 с.
88. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб, 1894. Кн.8. 629 с.
89. Басманова Э. Старинный цветочный этикет: традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII – начала XX века. М.: Белый город, 2013. 416 с.
90. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 тт. М.: АН СССР, 1953 – 1959. Т. XX. С. 279 – 359.
91. Белинский В.Г. Вступление к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, под редакцию Н. Некрасова, Санкт-Петербург, 1845 // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 тт. М.: АН СССР, 1953 – 1959. Т. VIII. С. 375 – 384.
92. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 259 – 307.

93. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину. СПб 17 февраля 1847 // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. XII. С. 327 – 333.
94. Белинский В.Г. Три повести Ниркомского // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. II. С. 452 – 453.
95. Белкина М.А. "Светская повесть" 30-х годов и "Княгиня Лиговская" Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 516 — 551.
96. Беловинский Л.В. История русской материальной культуры. М.: ПРОФИЗДАТ, 2005. 205с.
97. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. Санкт-Петербург: Паритет, 2006. 314 с. [Электронный ресурс]. URL: https://literary_criticism.academic.ru/191/%D0%BC%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения 23.03.2020).
98. Берг Н.В. Посмертные записки Николая Васильевича Берга // Русская старина. Т.69. СПб: 1891. С. 229 – 279.
99. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
100. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=118634&p=289> (дата обращения 09.01.2022).
101. Борев Ю.Б. Эстетика: / Юрий Борев. М.: Русь-Олимп: АСТ: Астрель, 2005. 829 с.

102. Васильева И. В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX века: автореферат дис. ... канд. культурологии. М.: МГУ, 2011.
103. Вильчинский В.П. Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1970. 182 с.
104. Волков О.В. Северная Пальмира. М.: Эксмо, 2006. 285 с.
105. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб: Азбука, 2014. 490 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/547363-kniga-o-russkoy-dueli.html> (дата обращения 19.02.2020).
106. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 341 с.
107. Выходчиков Л. Будни и праздники императорского двора. СПб, 2012. 496 с.
108. Гербель Н.В. Н.Ф. Павлов // Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб: 1880. С. 360 – 363.
109. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1976. 448 с.
110. Голубков В.В. Мастерство А.П. Чехова. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1958. 196 с.
111. Гордин Я.А. Русская дуэль: философия, идеология, практика / Яков Гордин. СПб.: Вита Нова, 2014. 58 с.
112. Гранин Ю. Н.Ф. Павлов // Очерки по истории русской литературы первой половины XIX в. Вып. 1. Баку : НКП Азерб. ССР, 1941. С. 94 - 148.
113. Грибанов А.С. Наибольший из пророков. К 2000-летию со дня рождения Иоанна Крестителя. М., 2000. 32 с.
114. Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Сочинения Аполлона Григорьева. Т. I. СПб: Н. Н. Страхов, 1876. С. 1 – 44.
115. Григорьев А.А. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1967. 631 с.

116. Григорьян К.Н. Лермонтов и романтизм. Академия наук СССР Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.-Л.: Наука, 1964. 300 с.
117. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: «Русский купец», «Братья славяне», 1995. 368 с.
118. Гузь Н.А. Методика и практика литературоведческого анализа: учебное пособие. Бийск: АГАО им. В. М. Шукшина, 2014. 145 с.
119. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 356 с.
120. Данилов В.В. Н.Ф. Павлов и его повесть «Именины» // Именины. Повесть Н.Ф. Павлова. СПб: Перфенон, 1922. С. 1 – 10.
121. Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве А.С. Пушкина. Новосибирск, Наука, 2001. 292 с.
122. Демурова Н.О. О переводах Байрона в России // Byron Selections. М.: 1973. С. 425 - 448.
123. Дзюба Е.М. «Любезна небесам страна...»: монография. М.: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. 156 с.
124. Дмитриева Е.Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. М.: О.Г.И, 2008. 524 с.
125. Дружинин А.В. Литературная критика. М.: 1983.
126. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.
127. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. - 2. изд., перераб. М.: Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. 173 с.
128. Жолковский А.К. Морфология и исторические корни рассказа Толстого «После бала» // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. С. 88 - 102.
129. Захарова О.Ю. Русский бал XVIII – начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. 448 с.

130. Зудина Н.М. Н.Ф. Павлов в историко-литературном процессе 30-60-х годов XIX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 1988. 209 с.

131. Зырянов О.В. Романтизм vs реализм в литературной классике XIX в. (круговорот понятий и подходов) // Романтизм vs реализм: парадигма художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И.А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 12 - 36.

132. Иезуитова Р.Ф. Светская повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра; под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 169 - 199.

133. Ильченко Н.М. Байронический герой и особенности формирования образов «лишнего человека» и «русского скитальца» в отечественной литературе // Вестник Мининского университета, 2014, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/470> (дата обращения 05.04.2020).

134. Ильченко Н.М. Поэтика образа танца в светской романтической повести // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014, № 2 (2). С.175 – 178.

135. Ильченко Н.М. Русская дуэль эпохи романтизма – литературный вариант // Филологический обозреватель наблюдений и явлений. Н. Новгород, 2014. №1 (20). С.7 - 11.

136. Ильченко Н.М. Русская романтическая повесть как источник знаний о «языке цветов» дворянской культуры // STUDIA RUSYCYSTYCZNE Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. Том 22.pod redakcją Lidii Mazur-Mierzwy. Wydawbictwo. Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. Kielce 2014. С. 89 - 97.

137. Ильченко Н.М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. 154 с.

138. Ильченко Н.М. Цветочная и растительная символика в творчестве немецких и русских романтиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова 2012, выпуск 18. С. 92 - 103.

139. Ильченко Н.М., Пепеляева С.В. Детскость как свойство мировоззрения русских романтиков // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. 2015. № 2 (часть 1). [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20570> (дата обращения: 23.05.2021).

140. Ильченко Н.М. «Черная женщина» Н.И. Греча: К проблеме цветовой символики // Русская речь. 2004. № 2. С. 6 – 12.

141. История русского романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20-30-х гг. XIX века. М.: Наука, 1979. 328 с.

142. История русской литературы XIX века. Библиографический указатель / Под ред. К.Д. Муратовой. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 970 с.

143. История русской литературы XIX века. Часть 2 (1840 – 1860 годы) / под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2005. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://studlib.com/content/category/7/24/30/> (дата обращения 20.05.2021).

144. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 2003. 368 с.

145. Каган М.С. История культуры Петербурга: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Социально-культурная деятельность». СПб.: СПбГУП, 2000. 231 с.

146. Канарская Е.И. Специфика карнавальности в драматургии Н.В. Коляды // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур: VI Международная научно-практическая конференция (9-11 октября 2018 г.): Труды и материалы. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 227-230.

147. Канунова Ф.З. А.А. Бестужев-Марлинский и его кавказские повести // Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: «Наука», 1995. С. 549-617.
148. Канунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести: (А.А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20-30-х годов XIX в.): Изд-во Том. ун-та, 1973. 307 с.
149. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. 302 с.
150. Канунова Ф., Янушкевич А. Своеобразие романтической эстетики и критики В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Эстетика и критика. М.: «Искусство», 1985. С. 7-47.
151. Касперавичюс М.М. Функции религиозной и светской символики. Л.: Знание, 1990. 32 с.
152. Капица Ф.С. Тайны славянских Богов. М.: РИПОЛ классик, 2007. 416 с.
153. Кони А.Ф. Петербург. Воспоминания старожила. Пб., 1922. 80 с.
154. Коробко М.Ю. Москва усадебная. М.: Академия, 2005. 335 с.
155. Коровин В.И. Лелеющая душу гуманность. О некоторых гранях пушкинского гуманизма. М.: Дет. лит., 1982. 159 с.
156. Коровин В.И. «Среди беспощадного света» // Русская светская повесть первой половины XIX века. М.: Советская Россия, 1990. С. 5-14.
157. Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М.: Просвещение, 1973. 292 с.
158. Коровина Е.А. Легенды, символы и традиции Рождества и Нового года. Правда и вымысел, приключения, любовь и магия. М.: Центрполиграф, 2015. 414 с.
159. Короткова М.В. Традиции русского быта: энциклопедия. М., Дрофа-Плюс, 2008. 319 с.

160. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 5: Мурари — Припев / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1968. 976 стб. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 06.03.2020).

161. Крупчанов Л.М. Н.Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н.Ф. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Л.М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 3 – 16.

162. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М.: Просвещение, 1982. 300 с.

163. Лаврова С.А. Царство Флоры: цветы и деревья в легендах и мифах / Светлана Лаврова. М.: Белый город, 2009. 351 с.

164. Лашкевич А.В. Байрон и байронизм в литературном сознании России первой половины XIX века // Великий романтик Байрон и мировая литература. СПб., 1991. С. 160 - 175.

165. Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 032900 (050301) - русский язык и литература: в 3 ч. / Ю.В. Лебедев. М.: Просвещение, 2007. Ч. 2: 1840 - 1860-е годы. 2007. 478 с. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/lebedev_yu/istoriya_russkoy_literaturi_xix_veka_v_treh_chastyah_chast_1_18001830e_godi.html#0 (дата обращения 28.10.2021).

166. Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.

167. Липич Т.И., Липич В.В. Нравственно-эстетические поиски русских романтиков // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). Выпуск 20. С. 31-36.

168. Липовецкий М.Н. Неоромантизм в русской поэзии XX – XXI веков: смысл и границы понятия // Филологический класс. № 5 (51). 2018. С. 3-18.

169. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. Т. 1. М., Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. 576 стб.
170. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
171. Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1839. Т. I.
172. Литературный энциклопедический словарь / Ред. Кожевников В.М., Николаев П.А. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
173. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. №7. С. 74 - 87.
174. Ломова Е.А. Структура и типология повествовательных форм в романтической прозе 20 – 30-х годов XIX века: на материале повестей В. Одоевского, О. Сомова, М. Погодина и Н. Павлова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. Алма-Ата, 1989. 214 с.
175. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
176. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. 480 с.
177. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: Искусство-СПб, 1999. 415 с.
178. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
179. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
180. Лотман Ю.М. (совместно с Б. А. Успенским) Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: «Александра», 1992. 479 с.

181. Лузикова С.Н., Грязнова В.В. Светская повесть 1820-1830-х годов. Осмысление жанра в критике // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2012. Выпуск 1. С. 60-67. [Электронный ресурс]. URL: http://eprints.tversu.ru/2061/1/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%A2%D0%B2%D0%93%D0%A3._%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F._2012._%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA_1._%D0%A1_60-67.pdf (дата обращения 09.05.2021).
182. Луков Вл.А. Неоромантизм // Знание. Понимание. Умение. № 2. 2012. С. 309-312.
183. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб., 1999. 279 с.
184. Маймин Е.А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / Е.А. Маймин; под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подготовка текста писем и комментарии Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков, 2015. 904 с.
185. Максимова М.Ф. Литературная позиция Н.Ф. Павлова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 1995. 211 с.
186. Малышев С.А. Военный Петербург эпохи Николая I. М.: Центрполиграф, 2012. 397 с. [Электронный ресурс]. URL: https://thelib.ru/books/s_a_malyshev/voennyy_peterburg_epohi_nikolaya_i-read-6.html (дата обращения: 25.05.2021).
187. Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
188. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
189. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.

190. Манн Ю.В. Русская философская эстетика / Ю. Манн. М.: МАЛП, 1998. 379 с.
191. Манн Ю.В. Эволюция гоголевской фантастики // К истории русского романтизма. М.: Наука, 1973. С. 219-258.
192. Марасинова Е.Н. Психология элиты русского дворянства. М.: РОССПЭН, 1999. 302 с.
193. Марков Б.В. Культура повседневности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031401.65 "Культурология". М., 2008. 352 с.
194. Марченко Н.А. Быт и нравы пушкинского времени. СПб.: Азбука-классика, 2005. 432 с.
195. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М.: Изограф, Эксмо-Пресс, 2001. 368 с.
196. Милешина Н.А. Повседневная жизнь российского дворянства XVIII – начала XX столетия в оценках советских и современных историков // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 84. № 5. С. 200 – 207.
197. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2000. 407 с.
198. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 4-х томах. Т. 1. СПб.:1994. 237 с.
199. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
200. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века / Н.И. Мордовченко. М.-Л., 1959. 432 с.
201. Налетов А.М. Феномен быта в культуре // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Тюмень, 2004. С.78 – 83.
202. Немзер А.С. Проза Владимира Соллогуба // Повести и рассказы / В.А. Соллогуб. М.: Правда, 1988. С.3 -5.

203. Немзер А.С. Соллогуб Владимир Александрович // Русские писатели 1800 – 1917. Биографический словарь / Главный ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т.5: П – С. С.722–729.
204. Никифоров А.Л. Природа философии: основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.
205. Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион // Отечественные записки, 1839. Т.6. № 11. С. 105–118.
206. Новые повести, Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион. С.П., в Гутенберговой типографии, 1839, в 8 д.л. Стр. 416 // Северная пчела. 1839. № 285. С. 1158-1159.
207. Новые повести Н.Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион. В 8, 116 стр. // Современник. 1840. Т. 17. С. 61-63.
208. Н.Ф. Павлов // Литературная учеба. № 4. 1939. С. 109 – 112.
209. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Вопросы психологии творчества. Спб., 1902. 303 с.
210. Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия: монография. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2009. 284 с.
211. Очерки по истории русской литературы первой половины XIX в. Вып. 1. Баку : НКП Азерб. ССР, 1941. 150 с.
212. Павлов Н. // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. М.: Сов. Энциклопедия, 1962–1978. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 09.12.2020).
213. Пашаева Т.Н. Жанровые особенности повестей Н. Ф. Павлова // Вестник Дагестанского государственного университета. 2009. Вып. 3. С. 11-20.
214. Пашаева Т.Н. Особенности развития русской романтической повести 30-х годов XIX века // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 4. С. 4-12.

215. Пашаева Т.Н. Светская повесть Е.П. Ростопчиной «Поединок» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3. С. 44-49.
216. Пашаева Т.Н. Три повести Н.Ф. Павлова. Традиции и новаторство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 189-193.
217. Печерская Т.И. Историко-культурные истоки мотива маскарада // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сюжет и мотив в контексте традиции: сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. С. 21–37.
218. Пономарев С.И. Материалы для истории русской литературы. Николай Филиппович Павлов (1805 – 1864). СПб: 1889. 19 с.
219. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: «Искусство», 1976. 614 с.
220. Проскурина В.Ю. Повесть А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» и русская светская комедия // Литературные произведения XVIII – XX веков в историческом и литературном контексте. М.: Издательство МГУ, 1985. С. 60-67.
221. Пушкинский Б.К. Санкт-Петербург. 1000 вопросов и ответов. СПб.: «Норинт», 1998. 432 с.
222. Пушкарева Ю.Е. Итальянский текст в прозе Н.Ф. Павлова (на материале «Трех повестей» и «Новых повестей») // Вестник ТГПУ, 2019, № 6 (203). С. 63–70. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-6-63-70.
223. Пушкарева Ю.Е. Итальянский текст в творческом наследии Любомира: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. Томск., 2020. 356 с.
224. Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 1997. 471 с.
225. Пыпин А.Н. Байрон в русской литературе // Современник. 1865. № 6. С. 209-235.
226. Ревякина А.А. 2004.04.014. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. - М.: О.Г.И., 2003. - 528 с. //

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение: Реферативный журнал. М., 2004. С. 83 - 90.

227. Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1870. 254 с.

228. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н.Ю. Русова. М.: Флинта: Наука, 2004. 304 с.

229. Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова; Послесл., подгот. текста А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.

230. Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л., 1976. 454 с.

231. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 960 с.

232. Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. 565 с.

233. Русская романтическая повесть (первая треть XIX в.) / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В.А. Грихина. М.: Изд-во МГУ, 1983. 473 с.

234. Русский романтизм: [Сб. статей] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); Отв. ред. К.Н. Григорьян. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 285 с.

235. Русский романтизм: учебное пособие для филологических специальностей университетов и педагогических институтов / под ред. проф. Н.А. Гуляева. М.: Высш. школа, 1974. 359 с.

236. Садохин А.П. Культурология. Словарь терминов, понятий, имен. М.: Директ-Медиа, 2014. 768 с.

237. Сакулин П. Крепостная интеллигенция // Великая Реформа. Т. 3. М., 1911. С. 66 – 104.

238. Сакулин П.Н. Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 2: Новая литература. М.: Гос. акад. художественных наук, 1929. 639 с.
239. Сахаров В.И. Байрон и русские романтики // Великий романтик Байрон и мировая литература. СПб., 1991. С. 143-159.
240. Сахаров В.И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили: Очерки. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 255 с.
241. Сахаров В.И. Страницы русского романтизма. М.: Сов. Россия, 1988. 350 с.
242. Сахаров В.И. Форма времени (заметки о романтических повестях) // Сахаров В.И. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Худож. лит., 1984. С. 152 – 202.
243. Сидоркин А.И. Воинские наказания в Российской империи (1725-1855 гг.) // Lex Russica. М.: Изд-во МГЮА, 2013, № 5. С. 542-559. [Электронный ресурс]. URL: <https://regiment.ru/Lib/C/411.htm> (дата обращения: 26.06.2021).
244. Сизова М.А. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А. Ган. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГОУ, 2007. 23 с.
245. Сизова М.А. История жанра «светской повести» в русской литературе 1830-х гг. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2006. № 3. С. 154-159.
246. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
247. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки). 702 с.
248. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). 656 с.

249. Смена литературных стилей: На материале рус. литературы XIX-XX в.: [Сборник статей]. М.: Наука, 1974. 388 с.
250. Смиренский Б. Современник А.С. Пушкина Павлов. 30 дней. № 5. 1937. М.: Гослитиздат, 1937. С. 94- 96.
251. Созина Е.К. Эволюция русского реализма XIX в.: семиотика и поэтика: учеб. пособие / Е. К. Созина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 124 с.
252. Степанов Н. Запрещенная книга («Три повести» Н.Ф. Павлова) // Степанов Н. Поэты и прозаики. М.: «Художественная литература», 1966. С. 160 – 179.
253. Судьбы русского реализма начала XX века: [Сборник статей] / Под ред. [и с предисл.] К.Д. Муратовой; Л.: Наука, 1972. 283 с.
254. Сурков Е.А. Русская повесть в историко-литературном процессе последней трети VIII – начала XIX века: становление, художественная система, поэтика // Сибирский филологический журнал. № 1. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-povest-v-istoriko-literaturnom-protse-posledney-treti-xviii-nachala-xix-veka-stanovlenie-hudozhestvennaya-sistema-poetika/viewer> (дата обращения 09.05.2021)
255. Сухомлинов М.И. Эпизод из литературы тридцатых годов: (Три повести Павлова) / М. Сухомлинов // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1, № 1. С. 55-65.
256. Терещенко А.В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 1997. 288 с.
257. Тимофеев Н.А. Эволюция героя в прозе А.П. Чехова 1890 – 1900-х годов. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015. 17 с
258. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.Н. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М., Государственный институт «Советская энциклопедия»: ОГИЗ, 1935. Т.1. 1562 стб.

259. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.
260. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2003. 616 с.
261. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999. 204 с.
262. Три повести. Н. Павлова. Москва, в тип. Степанова, 1835, в 12, стр. 412 // Библиотека для чтения. Т. IX. Ч. VI. 1835. С. 5 - 8.
263. Три Повести. Николая Павлова. М. в тип. Н. Степанова. 1835. (8). 412 // Молва. № 4. 1835. Стб. 55 – 58.
264. Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов // Павлов Н.Ф. Повести и стихи. М.: Художественная литература, 1957. С. 3 – 22.
265. Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов // Павлов Н.Ф. Избранное: повести. Стихотворения. Статьи. М.: Художественная литература, 1988. С. 3 – 28.
266. Трифонов Н.А. Павлов Н.Ф. // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия», 1981. 746 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-3613.htm> (дата обращения 16.01.2022).
267. Трифонов Н.А. Н.Ф. Павлов и его «Три повести» // Павлов Н.Ф. Три повести. М.: Гослитиздат, 1958. С. 5 - 8.
268. Трифонов Н.А. Повести Н.Ф. Павлова // Ученые записки кафедры русской литературы МГПИ. Вып. 2. 1939. С. 126 – 129.
269. Трифонов Н.А. Первый переводчик Бальзака в России // Филологические науки, 1960. № 2. С. 99 – 112.
270. Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века. М.: Наука, 1985. 279 с.
271. «Усадебный мир» русской культуры: миф или реальность?: коллективная монография / отв. ред. О.В. Реш. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. 107 с.

272. Усок И.Е. Наполеоновский цикл // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия», 1981. 746 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-3613.htm> (дата обращения 16.01.2022).
273. Фортунатов Н.М. История русской литературы первой трети XIX века: учебник для академического бакалавриата / Н.М. Фортунатов, М.Г. Уртминцева, И.С. Юхнова; под ред. Н.М. Фортунатова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 207 с.
274. Фохт У. Р. Пути русского реализма. М.: Советский писатель, 1963. 264 с.
275. Фридлиндер Г.М. Поэтика русского реализма: Очерки о русской литературе XIX века. Л.: Наука, 1971. 293 с.
276. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: «Высшая школа», 2002. 437 с.
277. Хачатуров С. Романтизм вне романтизма. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 185 с.
278. Хоптон Р. Дуэль. Всемирная история / Ричард Хоптон; [пер. с англ. А. Колина]. М.: Эксмо, 2010. 432 с.
279. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М.: Наука, 1965. 317 с.
280. Цейтлин А.Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета). М., 1923. 63 с.
281. Чернышева Е.Г. Мифопоэтические мотивы в русской фантастической прозе 20 - 40-х годов XIX века : автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. 33 с.
282. Шевырев С.П. Три повести Н. Павлова // Московский наблюдатель, 1935. № 3. Ч. I. С. 120 – 130.
283. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: «Мысль», 1966. 496 с.

284. Шарафадина К.И. "Алфавит Флоры" в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы. СПб.: Петербург. ин-т печати, 2003. 309 с.

285. Шарафадина К.И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (истоки, семантика, формы). Автореферат диссертации на соиск. ученой ст. д. фил. наук. СПб., 2004. 52 с.

286. Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов: культурофилософский подход. Автореферат диссертации на соиск. ученой ст. канд. философ. наук. СПб.: 2011. 27 с.

287. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.

288. Юхнова И.С. Особенности светского общения в «Княгине Лиговской» Лермонтова // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». Вып. 1 (2). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. С. 28 - 33.

289. Юхнова И.С. Принципы речевого портретирования в повести Н.Ф. Павлова «Ятаган» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Вып. 1 (7). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 78 - 82.

290. Юхнова И.С. Рефлексия в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. № 1. 2006. С. 11-14. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9067824_63633553.pdf (дата обращения 08.01.2022).

291. Янушкевич А.С. Особенности прозаического цикла 30-х годов XIX века и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: дис ... к.филол.н. Томск, 1971. 346 с.